

Город в поэмах М.Ю. Лермонтова

© О. С. ШУРПУОВА,
кандидат филологических наук

В статье рассматривается изображение Москвы и провинциальных городов в поэмах «Сашка» и «Тамбовская казначейша» М.Ю. Лермонтова.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, поэмы «Сашка», «Тамбовская казначейша», локус, Москва, провинциальный город, собор, церковь, острог, сад.

The article is devoted to the analysis of the works by M. Lermontov where such locuses as Moscow, Russian province and are reflected. The works by M. Lermontov connected with these locuses have become the basis of various local texts of the Russian culture.

Key words: M. Lermontov, locus, local text, Moscow, provincial town.

Русская провинция предстает в поэмах М.Ю. Лермонтова «Сашка», где можно встретить изображение Симбирска, и «Тамбовская казначейша». Хотя лермонтоведы высказывают сомнения в том, что поэт действительно посещал Тамбов, поскольку сведения об этом не доказаны документально, Лермонтов сумел, изображая этот провинциальный город, «несколькими скупыми мазками нарисовать картину такой убедительной силы, что уже ничто не в состоянии вытравить ее из сознания» [1. С. 31]:

Тамбов на карте генеральной
Кружком означен не всегда:
Он прежде город был опальный,
Теперь же, право, хоть куда.

Там есть три улицы прямые,
И фонари, и мостовые,
Там два трактира есть: один
«Московский», а другой «Берлин»...
Короче, славный городок.

Создавая в своей поэме пространство провинциального города, Лермонтов упоминает собор, трактиры, острог. Впоследствии, изображая провинциальные города, почти все отечественные писатели будут обращать внимание на те же культурные маркеры городского пространства, которые одним из первых выделил Лермонтов. Ключевыми словами провинциального текста отечественной литературы станут *собор, гостиница, острог*.

Описывая провинциальный город, автор поэмы «Тамбовская казначейша», по свидетельству В. Пешкова, отмечал: «Там зданье лучшее – острог». Ключевое слово *тюрьма* реализует в пределах данного сверткста присущие ему семантические компоненты «место заключения», «место, где тяжело жить», «место угнетения» [2]. Город в русской глубинке – это тоже своего рода тюрьма, откуда не всегда могут вырваться люди, страдающие от тесноты городка, от непонимания и равнодушия окружающих. В произведениях Н.В. Гоголя, А.И. Герцена, Ф.М. Достоевского, В. Войновича, Е. Гришковца и др., ставших составляющими провинциального текста русской литературы, получают упоминание тюрьмы провинциальных городков. Однако наиболее лаконичный образ тюрьмы как неперемнной достопримечательности русского городка удалось бы создать именно М.Ю. Лермонтову, если бы строка не была вычеркнута цензурой. «Полный автограф “Тамбовской казначейши” не сохранился или до сих пор не найден. Поэтому восстановить выброшенные цензурой строчки поэмы не представляется возможным. Правда, первый биограф и издатель полного собрания сочинений поэта П.А. Висковатов пытался это сделать с помощью А.П. Шан-Гирея – близкого родственника и друга Лермонтова, который знал поэму на память. Так в висковатовских изданиях многие пропуски заменены строчками. Среди них появилась и вышеприведенная. Однако советские редакторы М.Ю. Лермонтова от вписанных П.А. Висковатовым строк отказались» [1. С. 40].

Важной точкой пространства провинциального города является собор, гордость городка, достопримечательность, которую показывают приезжим, место молитвы и встреч. Собор служит украшением и Тамбова: «Когда лишь купола собора / Роскошно золотит Аврора...».

В церкви происходят свидания прекрасной казначейши и главного героя поэмы, который производит на провинциалку неизгладимое впечатление:

Отправится ль она к обеду –
Он в церкви, верно, не последний <...>
Лучом краснеющей лампы
Его лицо озарено:
Как мрачно, холодно оно!..

Храм упоминается и в создании панорамного пространства провинциального города в поэме «Сашка»:

Из окон был прекрасный вид кругом:
Налево, то есть к западу, рядами
Блестали кровли, трубы и потом
Меж ними церковь с круглыми главами...

В данной поэме описывается сад, ставший отрадой жителей провинциального города:

И кое-где в тени – отрада днем –
Уютный сад, обсаженный рябиной,
С беседкою, цветами и малиной,
Как детская игрушка...

В произведениях русской литературы, где изображается провинциальный город, слово *сад* упоминается в значении «частный участок земли». Сад, изображаемый в поэме Лермонтова, представляет собой огороженную территорию, принадлежащую конкретной семье. В провинциальных садах царят тишина и покой.

Образ провинциального городка, созданный Лермонтовым, станет устойчивым, характерным для многих произведений русской литературы. Именно в творчестве Лермонтова будут заложены основы восприятия русской глубинки как обособленной, во многом закрытой системы, в которую не всегда возможно проникнуть чужому человеку.

Неповторимый образ Москвы возникает в произведениях Лермонтова «Песнь про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», «Сашка», «Панорама Москвы»: «Кто никогда не был на вершине Ивана Великого, кому никогда не случилось окинуть одним взглядом всю нашу древнюю столицу с конца в конец, кто ни разу не любовался этою величественной, почти необозримой панорамой, тот не имеет понятия о Москве, ибо Москва не есть обыкновенный большой город, каких тысяча; Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке... нет! у нее есть своя душа, своя жизнь». В поэме «Сашка» Лермонтов признается в своей искренней любви к Москве:

Москва, Москва!.. люблю тебя, как сын,
Как русский, – сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль, зубчатый, безмятежный...

Топоним *Москва* реализует в данном случае значение уникального города, равного которому нет нигде, истинно русского города, снискавшего благословение свыше, для которого важны такие ценности, как

гостеприимный дом, семья, супружеская любовь. Защищая свою семью, идет на бой и на смерть житель Москвы купец Калашников. Москва часто противопоставляется другим, не похожим на нее городам, прежде всего Петербургу, как об этом говорится в поэме «Сашка»:

Герой наш был москвич, и потому
Я враг Неве и невскому туману...
Клянусь, друзья, не разлюбить Москву...

Москва предстает в творчестве поэта как сердце России, ее главный город, олицетворяющий собой все истинно русское. В поэме «Сашка» Лермонтов, обращаясь к древнему Кремлю, вспоминает о событиях войны 1812 года:

Напрасно думал чуждый властелин
С тобой, столетним русским великаном,
Померяться главою и обманом
Тебя низвергнуть...

Москва, русские провинциальные городки обрели в поэмах Лермонтова те черты, которым предстояло продолжать свое развитие в художественных текстах на протяжении XIX–XXI веков.

Литература

1. *Митрофанов А.Г.* Повседневная жизнь русского провинциального города в XIX веке: пореформенный период. М., 2013.
2. *Пешков В.П.* Страницы прошлого читая. Тамбов, 2004. С. 435.

*Липецкий филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ*

Метафора в поздней прозе Л.Н. Толстого

© Е. В. МАТВЕЕВА,

кандидат филологических наук

В статье определяются функции, характерные для метафор в поздних произведениях Л.Н. Толстого. Выявляются связи между функциями метафоры и чертами идиостиля писателя.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, «Исповедь», «В чем моя вера?», метафора, функции метафоры, идиостиль.

The article is devoted to the analysis and interpretation of the developed metaphor in Leo Tolstoy's late publicity. Metaphor is considered as the main way of literary image's representation and as a way of author's intention expression.

Key words: unique writing style, developed metaphor, comparison, literary image, author's intention.

Метафора, будучи одним из самых сложных и противоречивых феноменов языка, обладает множеством функций.

В работе «Функции метафоры» В.К. Харченко выделяют 15 основных ее функций: номинативную, информативную, мнемоническую, текстообразующую, жанрообразующую, стилеобразующую, эвристическую, объяснительную, эмоционально-оценочную, кодирующую, конспирирующую, игровую, ритуальную, этическую, аутосуггестивную [1]. Данная классификация, стремясь к абстрактности и универсальности, рассчита-

на на то, чтобы охватить как сферу языковой, так и сферу поэтической метафоры.

Одной из главных функций метафоры в произведениях Толстого следует считать функцию характеристики, которая может быть представлена двумя способами. Если метафора употребляется в авторском описании внешних либо внутренних предметов или явлений, то функция характеристики выражается прямо. Так, в «Исповеди» для того чтобы охарактеризовать богатых людей своего круга, выразить свое отношение к ним, Толстой создает метафору «паразиты жизни».

Если метафора употребляется в речи персонажа, то она косвенно выполняет функцию характеристики, так как способствует интерпретации образа с помощью его речевого поведения. В подобных случаях следует говорить о функции самохарактеристики. Например, в тексте «Крейцеровой сонаты» эмансипированная дама употребляет в своей речи следующую метафору для того чтобы описать то состояние несвободы, в котором находится женщина, и передать отношение мужчины к женщине: «Да это вы, мужчины, так рассуждаете, – говорила дама, не сдаваясь и оглядываясь на нас, – сами себе дали свободу, а женщину хотите *в терему держать*» [2. Т. 27. С. 17. Курсив здесь и далее наш. – Е.М.]. Метафора «*в терему держать*» в данном контексте имеет значение «несвобода, угнетение женщины» и содержит яркий оценочный компонент: героиня осуждает подобное отношение к женщине, выдавая тем самым свою гражданскую позицию. Та же героиня использует еще одну метафору, чтобы передать свое отношение к купцу, который является защитником патриархата: «Вот *Домострой живой*» [Там же. С. 18]. В данном контексте метафора «*Домострой живой*» имеет яркий оценочный и эмотивный компонент: негативное отношение дамы к купцу, осуждение подобных патриархальных взглядов на жизнь, презрение к защитнику подобных взглядов, ирония по отношению к нему. Заметим, что данная метафора обладает определенным индексом интертекстуальности, так как в своем составе она содержит прецедентный элемент («*Домострой*»), который отсылает читателя к определенному тексту и определенному культурному феномену.

Метафора «критический эпизод», употребленная в «Крейцеровой сонате», также служит характеристики персонажа, так как именно за счет употребления данной метафоры мы понимаем внутреннее состояние главного героя (напряжение внутренних сил, саркастическое отношение к действительности, душевное ожесточение и надрыв): «Я Позднышев, тот, с которым случился тот *критический эпизод*, на который вы намекаете, тот *эпизод*, что он убил жену»; «Так извольте видеть, как и когда началось то, что привело меня к моему *эпизоду*...» [Там же. С. 20].

Если же метафора, содержащаяся в речи персонажа, является характеристикой другого, то она выполняет функцию характеристики прямо

и косвенно одновременно. Такая метафора является прямой характеристикой персонажа, а также отражает речевое поведение другого. Заметим, что функция характеристики понимается нами достаточно широко и включает в себя такие функции, как оценочная и эмотивная, так как характеристика того или иного предмета или явления априори содержит в себе определенную оценку и эмотивное наполнение.

Кодирующая и конспирирующая функции в целом не характерны для метафоры Толстого. Яркий, но единичный пример употребления метафоры с целью конспирации встречается в одном из эпизодов повести «Хаджи-Мурат»: «Хорошего ничего нет, – заговорил старик. – Только и нового, что все *зайцы совещаются*, как им *орлов* прогнать. А *орлы* все рвут то одного, то другого» [Т. 35. С. 24]. Конспирирующая функция метафоры в данном случае обусловлена денотативной ситуацией, представленной в тексте.

Чтобы объяснить в лаконичной и образной форме то или иное явление действительности, разъяснить читателю ход своих рассуждений, Толстой прибегает к метафоре. Однако такие случаи единичны. Пример кодирующей функции метафоры находим в тексте «Исповеди». В финале произведения Толстой говорит: «Сон этот выразил для меня в сжатом образе все то, что я пережил и описал, и потому думаю, что и для тех, которые поняли меня, описание этого сна освежит, уяснит и соберет в одно все то, что так длинно рассказано на этих страницах» [Т. 23. С. 58]. Сон в свою очередь представляет собой развернутую метафору, в которой в образной, лаконичной форме содержатся все смыслы, вложенные Толстым в «Исповедь». В данной метафорической // образной системе жизнь, бытие отождествляется с лежанием на постели: «...вижу, что я лежу на постели. И мне ни хорошо, ни дурно, я лежу на спине. Но я начинаю думать о том, хорошо ли мне лежать...». Осознание бесцельности жизни, ее конечности передается Толстым так: «И я начинаю оглядываться и прежде всего гляжу вниз, туда, куда свисло мое тело и куда, я чувствую, что должен упасть сейчас». Из контекста следует, что смерть представляется писателю как падение в пропасть, в то время как бессмертие, воскресение воспринимается им как бесконечное пространство вверх: «Бесконечность внизу отталкивает и ужасает меня; бесконечность вверх притягивает и утверждает меня» [Там же].

Данная развернутая метафора наполнена определенными культурными смыслами, отражает стереотипы, бытующие в сознании человека, так как строится на оппозиции, близкой к таким оппозициям, как «ад – рай», «жизнь – смерть». В анализируемой образной системе вера определяется через следующую метафору: «Я спрашиваю себя, как я держусь, ощупываюсь, оглядываюсь и вижу, что подо мной, под серединой моего тела, одна *палочка* и что, глядя вверх, я лежу на ней в самом устойчивом равновесии, что она одна и держала прежде». Жизнь чело-

века, мироздание определяется через техническую фетишную метафору «механизм»: «И тут, как это бывает во сне, мне представляется тот *механизм*, посредством которого я держусь, очень естественным, понятным и несомненным...» [Там же].

Функция кодификации тесно взаимосвязана с функцией лаконизации речи. Кроме того, необходимо отметить, что в данном случае метафора выполняет функцию объяснения, так как с ее помощью Толстой в лаконичной и образной форме показывает читателю свой духовный путь. Однако в большинстве случаев кодирующая функция нивелируется за счет такого приема, так объяснение метафоры. Данный прием тесно взаимосвязан с такой чертой идиостилия писателя, как дидактизм: Толстому важно, чтобы читатель правильно и однозначно понял художественный образ, представленный в метафоре.

Объяснение метафоры может быть реализовано двумя способами: непосредственное объяснение и объяснение посредством сравнения. Например: «Со мной случилось как будто вот что: я не помню, когда меня посадили в лодку, оттолкнули от какого-то неизвестного мне берега, указали направление к другому берегу, дали в неопытные руки весла и оставили одного» [С. 49]. Данная метафора-притча в лаконичной и образной форме отражает весь духовный путь писателя. Затем следует объяснение: «*Берег* – это был Бог, *направление* – это было предание, *весла* – это данная мне свобода выгрестись *к берегу* – соединиться с Богом» [Там же]. Подобные конструкции следует квалифицировать как непосредственное объяснение метафоры.

Приведем пример объяснения метафоры посредством сравнения: «Дети попрыгали с корабля в воду. Их еще держит течение... Сверху из убегающего корабля выкинута им веревка. Им говорят, что они наверно погибнут, их умоляют с корабля (притчи: о женщине, нашедшей полушку; о пастухе, нашедшем пропавшую овцу; об ужине; о блудном сыне – говорят только про это); но дети не верят. Они не верят не веревке, а тому, что они погибнут. Такие же легкомысленные дети, как и они, уверили их, что они всегда, когда и уйдет корабль, будут весело купаться. Дети не верят в то, что скоро платье их намокнет, ручонки намахаются, что они станут задыхаться, захлебнутся и пойдут ко дну. В это они не верят, и только потому не верят в веревку спасения» (В чем моя вера? С. 412). Для того чтобы читатель правильно и однозначно расшифровал данную метафору, Толстой использует такой прием, как контаминация метафоры и сравнения, то есть далее в тексте употребляет сравнение, основанное на тех же образах, чтобы объяснить читателю то, что имел в виду: «Как дети, упавшие с корабля, уверились в том, что они не погибнут, и оттого не берутся за веревку; так точно и люди, исповедующие бессмертие душ, уверились в том, что они не погибнут, и оттого не исполняют учение Христа-Бога» [Там же].

Итак, кодирующая функция метафоры понимается достаточно широко: метафора как знак, код, позволяющий показывать художественный образ, а также делать речь более точной, яркой и лаконичной. Кодирующая функция метафоры в произведениях Толстого находится в неразрывной связи с приемом объяснения метафоры. Писателю очень важно, чтобы адресат, то есть читатель, правильно понял его мысль, однозначно декодировал текст произведения, правильно воспринял авторские интенции. Именно с этим связано то, что Толстой сам объясняет читателю свои метафоры, растолковывает, расшифровывает их. Абсолютное большинство ключевых метафор Толстого следует квалифицировать как объясненные.

Для метафоры Толстого характерна игровая функция, ее иллюстрирует следующий пример: «Мне стало ясно, что искусство есть украшение жизни, *заманка к жизни*. Но жизнь потеряла для меня свою заманчивость, как же я могу заманивать других?» (Исповедь. С. 35). В данном случае употребление метафоры «заманка к жизни» способствует организации и развертыванию языковой игры. Нередко Толстой использует в своих произведениях метафору для того чтобы обыграть фразеологическую единицу. Например: метафора «держаться за ветки жизни» соотносится с фразеологической единицей «держаться за жизнь».

Иллюстрацией текстообразующей функции метафоры может служить любой пример развернутой метафоры. Их обилие, в свою очередь, позволяет утверждать, что именно метафора (процесс ее «разворачивания») становится для Толстого одним из главнейших способов порождения текста. Так, для того чтобы описать состояние современного человечества, его отношение к жизни, писатель использует метафору «постоялый двор», которая разворачивается в тексте трактата «В чем моя вера?». «Постоялый двор» – это земная, временная, конечная жизнь человека. Необходимо отметить несомненную важность определения «постоялый» для данной образной системы. Земную жизнь человека Толстой уподобляет не жизни в собственном доме, но именно жизни на постоялом дворе, подчеркивая тем самым не просто временность, конечность земного бытия, но, прежде всего, отношение человека к жизни и к миру: «Каждый хочет все для себя» (В чем моя вера? С. 389). Для того чтобы передать то отношение к земной жизни, которое сложилось у современного человека, писатель использует следующую метафору: «Каждый торопится воспользоваться чем может, и начинается истребление всего – борьба, *драка* за предметы обладания: корову молочную, нестриженных котных овец бьют на мясо; станками и телегами топят печи, дерутся за молоко, за зерно, проливают и просыпают и губят больше, чем пользуются. Никто спокойно не съест куса, ест и огрызается; приходит *сильнейший* и отнимает, а у него отнимает другой» [Там же]. Заметим, что рассматриваемая развернутая метафора обладает опре-

деленным индексом интертекстуальности, так как содержит намеки, во-первых, на рассуждения английского философа Т. Гоббса о «войне всех против всех», во-вторых, перекликается с теорией естественного отбора Ч. Дарвина.

Следствием отношения к земной жизни как к пребыванию на постоялом дворе является следующее: «Намучившись, избитые, голодные люди уходят из двора». «И опять *хозяин* готовится все во дворе так, чтобы люди могли спокойно жить в нем», – продолжает свои рассуждения Толстой [Там же]. «Хозяином» писатель называет Бога: подобная номинация заимствована из Евангелия. Данная метафора осложняется эпитетом «добрый». Далее: «И вот в один из новых приходов людей находится учитель, который говорит другим: братцы! что мы делаем» [С. 390]. «Учителем» Толстой называет Христа, подчеркивая его человеческую, а не божественную сущность.

Заметим, что проанализированная развернутая метафора может быть квалифицирована и как интертекст-пересказ, так как суть ее сводится к тому, что в упрощенном виде Толстой пересказывает историю возникновения и распространения христианства: «...прошло время, все услышали во дворе слова учителя, все поняли их, все мало что поняли, все признали, что это сам Бог говорит через учителя, что и учитель-то был сам Бог...» [Там же]. Нарочитое упрощение текста обусловлено, прежде всего, интенциями автора: как можно понятнее, доходчивее объяснить читателю основные идеи, положения своих рассуждений; наиболее лаконично пересказать определенный исторический период, связанный с возникновением и распространением христианского учения.

Ложное истолкование учения Христа Толстой описывает так: «...а они вообразили, что учитель осудил всю жизнь в этом дворе и обещал им другую, хорошую жизнь не на этом дворе, а где-то в другом месте. И они решили, что этот двор *постоялый*...»; «...вообразили себе, что этот двор *постоялый*, а там где-то будет *настоящий*» [Там же]. Данная метафора в лаконичной форме исчерпывающе выражает отношение Толстого к идее вечной жизни и воскресения в том виде, в котором его понимает официальная церковь, то есть к физическому воскресению, якобы обещанному Христом, как к чуду. Заметим, глагол «воображать» употребляется в тексте дважды, так как является своеобразной смысловой доминантой, подчеркивающей отношение автора к тому, о чем он говорит. Кроме того данная метафора осложняется антитезой: противопоставление «постоялого двора» как жизни земной, конечной и «настоящего двора» как символа жизни бесконечной, загробной.

Примером жанрообразующей функции метафоры можно считать употребление в произведениях Толстого метафор-притч, заимствованных из Евангелия. В «Исповеди» он рассказывает историю о нищем, которого «взяли с перекрестка» и «заставили двигать вверх и вниз ка-

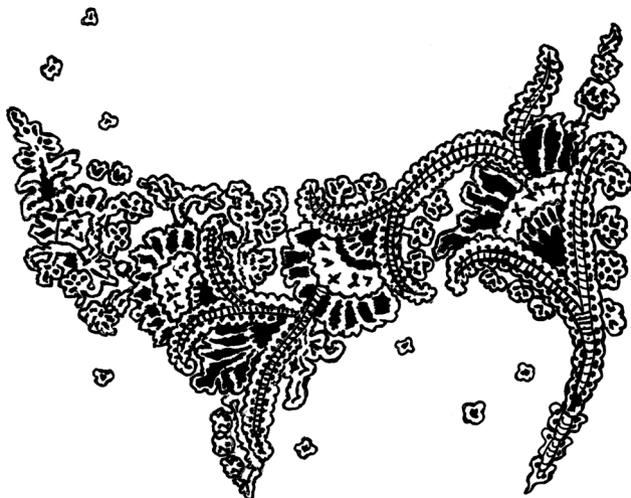
кую-то палку»: «Если он будет двигать палкой, тогда он поймет, что палка эта движет насос, что насос накачивает воду, что вода идет по грядкам... и войдет в радость господина своего...» (Исповедь. С. 47). Данная вставная притча явно соотносится с библейской традицией изображения мира как виноградника, Бога-хозяина и человека-раба. Подобная метафора необходима Толстому не просто для образного выражения своих мыслей, она вводит текст «Исповеди» в контекст христианской культуры.

Таким образом, для метафоры Толстого релевантными являются следующие функции: функция характеристики, представляющая собой сплав оценочной и эмотивной функций; кодирующая функция, преследующая цель лаконизации: кратко и образно объяснить читателю ход авторских размышлений; игровая функция (метафора как средство обыгрывания фразеологической единицы); текстообразующая функция, реализующаяся за счет того, что процесс развертывания метафоры становится ведущим способом порождения текста; жанрообразующая функция характерна для метафор, представленных в виде интертекстов-пересказов притч и басен.

Литература

1. Харченко В.К. Функции метафоры. Воронеж, 1992. С. 27.
2. Толстой Л.Н. Собр. соч. В 90 т. М., 1928–1958. Далее указ. только том и стр. 23-го тома.

*Тульский государственный педагогический
университет Л.Н. Толстого*

Флоренция в поэзии Серебряного века

© Л. Н. АВДОНИНА,
кандидат филологических наук

В статье на примере стихотворений А. Блока, К. Бальмонта, А. Ахматовой, Д. Мережковского, Н. Гумилева, М. Цетлина, В. Комаровского, К. Вагинова рассматривается художественное изображение истории и современности Флоренции в поэзии Серебряного века.

Ключевые слова: поэзия Серебряного века, образ Флоренции, мотивы цветения, пения, огня, смерти, перифраза, метафора, эпитет.

The article describes how A. Block, N. Gumilyov, M. Tsetlin, V. Komarovsky, A. Akhmatova, D. Merezhkovsky and other poets of the Silver Age create the artistic image of Florence.

Key words: poems of the Silver Age, image of Florence, dual interpretation, motifs of flowering, fire, singing, death.

Флоренция в изображении поэтов Серебряного века многолика. Светлый облик итальянского города не только противопоставлен темному, но и тесно объединяется с ним. Образ Флоренции, сочетая в себе противоположные начала, приобретает двойственное освещение.

Один из самых выразительных приемов создания образа Флоренции принадлежит стилистической фигуре – риторическому обращению, которое выполняет призывную функцию, а с помощью перифразы приобретает и оценочно-характеризующую. Светлый лик города, например у К. Бальмонта, характеризуется с помощью описательного выражения «Флоренция, лазурный серафим» («От царственной мозаики Равенны...»). Серафим, высший из девяти ангельских чинов, означает божественную любовь и божественный жар (Словарь символов <http://enc-dic.com/symbol/Serafim-764/>), а вместе с художественным определением *лазурный* (небесно-голубой цвет) символизирует чистоту и святость.

Из истории Флоренции известно, что она была римской колонией и называлась Флорентина от латинского *florens* «цветущий, процветающий, счастливый» (<http://slovarslov.ru/slovar/geo/f/florentsija.html>). Главную *цветущую* достопримечательность Флоренции – ирис – обыгрывает А. Блок, уподобляя лик города цветам, которые во времена поэта в изобилии росли в флорентийском парке Кашины: «Флоренция, ты ирис нежный...». С помощью перифразы образ цветущего города воспринимается как «проявляющий любовь» и «отличающийся хрупкостью».

Музыкальная чистота архитектурных линий Флоренции, ее великое искусство словно относятся к идеальному миру сновидений – так воспринимает город М. Цетлин: «Флоренция – ты светлая мелодия во сне» (Флоренция).

Темные краски увидел в современной Флоренции А. Блок. Используя обращение, он клеймит презрением город, предавший величественную культуру прошлого: «Флоренция, изменница» («Голубоватым дымом...»), «Флоренция, Иуда» («Умри, Флоренция, Иуда...»). С помощью библейского образа Иуды, используя антономазию и глаголы повелительного наклонения *умри, исчезни*, поэт усиливает отношение к вероломству предательницы. Одновременно он употребляет риторическое обращение *Bella* (в переводе с итальянского *красавица* – распространенное в Италии название Флоренции): «О, *Bella*, смейся над собою, / Уж не прекрасна больше ты!» («Умри, Флоренция, Иуда...»). Саркастически звучащее итальянское слово *Bella*, являясь контекстуальным антонимом русскому краткому прилагательному с отрицательной частицей *не прекрасна*, обозначает прошлое, возвышенное, но мнимое и преходящее, являясь романтическим отождествлением красоты и коварства.

Безнравственность современной европейской жизни: поклонение силе денег, утрату способности к благоговению перед прекрасным, потерю даже представления о нем В. Комаровский изображает, употребив сравнение: «И ты предстала мне, Флоренция, / Как многогрешная вдова, / Сжимающая индугенцию, / Закутанная в кружева» («И ты предстала мне, Флоренция...»). Создается образ Флоренции-женщины,

красивой и сильной, одинокой и вероломной, потерявшей высокие жизненные ориентиры.

Двойственность в восприятии Флоренции оттеняется поэтами с помощью эпитетов. С одной стороны, это светлый образ прекрасного города, который представлен у В. Набокова: «... в тиши / Дворцов Флоренции священной» (Декабрьская ночь) и А. Ахматовой: «По своей Флоренции желанной» («Данте»), но с другой – в том же стихотворении мы видим темный образ коварного и клятвопреступного города, создаваемый с помощью эпитетов *вероломный, низкий*.

Благоговейное отношение к Флоренции прошлого, имеющей богатую культуру, связано с мотивом цветения. У Н. Гумилева образ весенней Флоренции соединяет в себе цвет и запах: «Тебе – и розовый миндаль, / И горы, вставшие над Арно, / И запах трав, и в блеске даль» (Флоренция). Цветовое прилагательное *розовый* оттеняет веру поэта в мечту о Прекрасной Флоренции и бессмертии ее истории и культуры. Окружающая город природа тоже наполнена весенней свежестью и радостью солнечного сияния. Обращение к образу реки Арно, на которой расположена Флоренция, не случайно: река является символом движения и жизни. Если М. Цетлин в стихотворении «Флоренция» видит красоту в размеренном звучании воды и выделяет это с помощью эпитета *мерный*: «Плеск мерный Арно», то для Д.С. Мережковского в стихотворении «Микеланджело» восприятие речной воды выражает эпитет *мутно-зеленых*: «Бродил у волн мутно-зеленых Арно».

Образ утопающей в цветах Флоренции в стихотворениях А. Блока получает двойственное освещение. Повторяясь в перифразе, эпитеты *дымный* и *нежный* становятся контекстуальными синонимами, приобретая переносное значение «легкий, как дым»: «Ирис дымный, ирис нежный, / Благовония струя, / Переплыть велит все реки / На воздушных парусах» («Страстью длинной, безмятежной...»).

Романтическое звучание мотива цветения поддерживается с помощью сравнения прошлого величественной Флоренции и юности лирического героя: «Твой дымный ирис будет сниться, / Как юность ранняя моя» («Флоренция, ты ирис нежный...»). Одновременно в ассоциациях и повторах контекста в стихотворении «Страстью длинной, безмятежной...» (в *вечерних небесах, предамся зною, голубой вечерний зной*) появляется другой план, который не исключает первое значение (романтическое звучание цветового прилагательного *голубой*): «темный, как дым». В современном мире, лишенном романтики прошлого, Флоренция, как нежный ирис, превращается не только в дымный, но и пыльный цветок: «Дымится пыльный ирис» («Голубоватым дымом...»). Однокоренной повтор *дым – дымный – дымится* в сочетании с эпитетом *пыльный* усиливает тлеющее, темное начало в переносном значении глагола *дымит-ся*. В контексте стихотворения Блока «Жгут раскаленные камни...» воз-

никает мотив огня: «Дымные ирисы в пламени» – метафоризация огня оттеняет безысходность печали лирического героя, удрученного зловещим видом черного итальянского неба. Мотив цветения объединяется с мотивом огня, и современная Флоренция предстает *в венке спаленных роз* («Голубоватым дымом...») – это метафорический образ погибшей красоты.

Однако огненная стихия зажигает и пламя вечной, как юность, бессмертной красоты искусства Флоренции, которая вдохновляет поэта К. Вагинова: «Нам в юности Флоренция сияла...». Метафорический образ блистательного города несет в себе сияние света.

Мотив огня характерен для изображения трагических страниц исторического прошлого Флоренции в одноименном стихотворении Н. Гумилева. С помощью антропонимов Леонардо, Савонарола, Алигьери поэт воссоздает мрачные картины прошлого: «Вот грозно стала Синьория, / И перед нею два костра». На одном костре сожжена «Леда» Леонардо да Винчи: «Один, как шкура леопарда, / Разнообразен, вечно нов. / Там гибнет “Леда” Леонардо / Средь благовоний и шелков». А другой, символический, осуждает фанатизм, заставлявший уничтожать произведения искусства: «Другой, зловещий и тяжелый, / Как подобранный дракон, / Шипит: “Вотще Савонаролой / Мой дом державный потрясен”. / Они ликуют, эти звери, / А между них, потупя взгляд, / Изгнанник бедный, Алигьери, / Стопой неспешной сходит в Ад». Образ костра определяется с помощью сравнений *как шкура леопарда, как подобранный дракон*, пламя костра характеризуется эпитетами *зловещий* и *тяжелый*, а лицемерные жители Флоренции названы *эти звери* – так в мотиве огня проявляется разрушающая душу человека звериная жестокость.

Искусство прошлого Флоренции умирает, его разрушает безмолвие унылого цветения: «Молчат церковные ступени, / Цветут нерадостно цветы» («Под зноем флорентийской лени...») – так современная цивилизация не хранит «творческую ложь», не понимает, что «Лишь в легком челноке искусства / От скуки мира уплывешь». Олицетворением современной Флоренции для А. Блока становится метафора *флорентийская лень*.

Изображение Флоренции связано с мотивом пения. С одной стороны, это приятная мелодия, как в стихотворении Блока «Окна ложные на небе черном...», доставляющая удовольствие: «Что мне спеть в этот вечер, синьора? / Что мне спеть, чтоб вам сладко спалось?». С другой стороны, это раздражающие звуки современного города: «Хрипят твои автомобили», «Звенят в пыли велосипеды», – пишет Блок в стихотворении «Умри, Флоренция, Иуда...». Символический план глаголов *хрипеть*, *звенеть* означает *утратить творческое начало*. Он передает отношение поэта к немзыкальным явлениям действительности. Звучание ночной Флоренции Блок описывает так: «Пляши и пой на пире.../ Сведи с ума

канцоной.../ И струны оборви, / И бей в свой бубен гулкий, / Рыдания тая!» («Голубоватым дымом...»), «Гнусавой мессы стон протяжный» («Умри, Флоренция, Иуда...»). С помощью глаголов повелительного наклонения *пляши, пой, оборви, бей*, выразительной семантикой существительного *рыдания* поэт подчеркивает стихийность музыкального звучания современного города.

Темный лик Флоренции сочетается с мотивом смерти: «Гнилой морщинкой гробовой / Искажены твои черты!», «И трупный запах роз в церквах» («Умри, Флоренция, Иуда...»). Возникает метафорический образ современной цивилизации, предавшей забвению высокое искусство. Мотив цветения тесно переплетается с мотивом смерти, создавая образ *трупный запах роз в церквах*, который олицетворяет греховное разрушение величественной красоты. Флоренция, итальянская красавица, мертва, она отдала себя сама *всеевропейской желтой пыли*. Цветовое прилагательное *желтый*, возможно, символизирует цвет золота.

Прошлое Флоренции связано с личностями великих флорентийцев, о которых говорит Блок в стихотворении «Умри, Флоренция, Иуда...». Их имена подчеркивают значимость ушедшей эпохи с помощью метафорических эпитетов. Так, эпитет *пышный* имеет переносное значение «роскошный, богатый, влиятельный» и характеризует семейство Медичи, представители которого с XIII по XVIII век неоднократно становились правителями Флоренции: «Ты пышных Медичей тревожишь». Метафора *снился синий сон* указывает на пристрастие знаменитого итальянского живописца раннего Возрождения Фра Беато Анджелико к лазури и его страстную веру в силу искусства: «Беато снился синий сон!». Об иконописном таланте художника, которого называли Блаженный Анджелико, возвышенно пишет и Н. Гумилев в одноименном стихотворении, используя повторы, оценочные эпитеты *ярки и чисты* и метафоризацию глаголов *родились, погасли*: «А краски, краски – яркие и чисты, / Они родились с ним и с ним погасли. / Преданье есть: он растворял цветы / В епископами освященном масле».

Образ знаменитого флорентийца Леонардо да Винчи построен на использовании переносного значения эпитета *необычайный*, метафорических образов *прославила молва, дивной тайной*, сопоставления *на древнего волхва похожий*. Они изображают «универсального человека» эпохи Возрождения и напоминают о неразгаданной улыбке его знаменитой «Моны Лизы»: «...тот, кого прославила молва, / Не разгадав, – да Винчи, дивной тайной / Исполненный, на древнего волхва / Похожий и во всем необычайный». Метафора *сумрак ведал* передает новую живописную технику, основанную на явлении рассеяния света в воздухе и возникновении дымки между зрителем и изображенным предметом, в творчестве крупнейшего представителя искусства Высокого Возрожде-

ния Леонардо да Винчи: «Где Леонардо сумрак ведал» («Умри, Флоренция, Иуда...»).

Знаменитых флорентийцев (*мраморные люди, как живые*), статуи которых были установлены в нишах пилястров внутреннего двора галереи Уффици во Флоренции, вспоминает Д. Мережковский в стихотворении «Микеланджело». Метафорический образ *полный жаждой славы* определяет отличительные черты внутреннего мира Бенвенуто Челлини – выдающегося итальянского скульптора, ювелира, живописца, музыканта, автора мемуаров эпохи Ренессанса. Образ *Боккаччо с приветливым лицом* – это не только внешнее изображение Джованни Боккаччо, итальянского писателя и поэта эпохи Раннего Возрождения, но и способ приоткрыть духовный мир известного гуманиста Италии. Перифраза *друг царей лукавый* характеризует политическую деятельность и взгляды Никколо Макиавелли – мыслителя, философа, писателя, являвшегося сторонником сильной государственной власти. Эпитет в образе *нежная Петрарки голова* говорит о нежном содержании его любовной лирики, сонетах, которые в течение долгих лет были посвящены возлюбленной Лауре.

Творческий портрет Микеланджело Буонарроти, одного из крупнейших мастеров эпохи Возрождения, скульптора, художника, архитектора, поэта, мыслителя, рисует Д. Мережковский в одноименном стихотворении. С помощью анафоры передается созидательная сила гения: «Твое упорство вечное в работе, / Твой гнев, создатель Страшного Суда, / Твой беспощадный дух, Буонарроти». Сравнение с Богом («За миром мир ты создавал, как Бог») и с демоном («Как демон, – безобразен и велик») оттеняет величие художника, его непоколебимую веру в самого себя. По мнению Мережковского, «...могучие творенья / Страданий человеческих предел», а «Отчаянно подобны вдохновенья» – все это испытал Микеланджело, оставаясь гордым и не побежденным судьбой, даря человечеству свое искусство.

Яркий образ величайшего итальянского поэта, мыслителя, богослова Данте Алигьери изображает А. Ахматова в одноименном стихотворении: «...Но босой, в рубахе покаянной, / Со свечей зажженной не прошел / По своей Флоренции желанной, / вероломной, низкой, долгожданной...». Мотив огня и покаяния придают изображению Данте особую торжественность. Выразительна сцена прощания Данте с любимой и одновременно ненавистной Флоренцией: «Факел, ночь, последнее объятие, / За порогом дикий вопль судьбы... / Он из ада ей послал проклятье / И в раю не мог ее забыть». Семантика существительных *факел, ночь, объятие, вопль* соединяет мотивы огня, смерти, пения и передает эмоциональное напряжение, а прием контраста *ад – рай* говорит о нравственных страданиях поэта, навсегда изгнанного из города. Использование выразительности образа ада характерно и для перифразы *выходец*

из Ада величавый, изображающей Данте в стихотворении Д. Мережковского «Микеланджело». Создавая многогранный образ величественной Флоренции, поэты Серебряного века отдавали дань восхищения ее художникам, скульпторам, писателям, внесшим свой бесценный вклад в эту поистине сокровищницу искусств.

Пензенский государственный университет

Поэтика стихов Живаго в романе Бориса Пастернака

© Ю. Б. МАРТЫНЕНКО,
кандидат филологических наук

Простота стиля Пастернака сочетается с пронзительной глубиной философского содержания. Эти черты можно наблюдать во многих произведениях из его поэтических сборников и циклов, в частности, в «Стихотворениях Юрия Живаго». Поэтическое пространство Б. Пастернака предстает здесь перед нами во всем своем многообразии – богатстве звуков и ассоциаций, которые передаются различными синтаксическими средствами и открывают нам давно знакомые предметы и явления с новой, неожиданной стороны. Выразительность и поэтичность создается в стихотворениях Б. Пастернака не обилием используемых приемов, а неожиданным соединением самых простых и хорошо известных языковых средств.

Ключевые слова: стиль, автор, поэзия, звуковые особенности, синтаксические средства, метафора, изобразительно-выразительная функция.

This article centers on some peculiarities of B. Pasternak's style. The author studies the verses of the genius Russian poet and writer in his novel "Doctor Zivago". Author wants to study the role of phonemes, the smallest phonetic units in the language, and syntax in this verses and how B. Pasternak shows the delicate movements of the human soul. The authors of the study, dealing with the analysis of Pasternak's poetical texts tries to demonstrate the specific features of the syntax using in Pasternak's artistic technique and to show how the traditional linguistic means of the the phonemes and syntax have become the original distinctive features of Pasternak's artistic system. Pasternak's artistic world represents symbiosis of different elements. The means and forms of his verses are various, his expression is determined also by the personality of the author.

Key words: style, author, phonemes, syntax, specific features, artistic system.

Поэзия была смыслом жизни Б. Пастернака. Как начинающий футурист он входил в группу «Центрифуга» в 1914–1918 годах. С этим течением в искусстве его объединяло, по определению философа Федора Степуна, «искание и обретение новых поэтических форм, ведущих далее того, что было найдено уже символистами... *отрицание канонизированного синтаксиса*, логической внятности мысли и необходимости *зрительной реализации образа*» [1. Курсив здесь и далее наш. – Ю.М.].

М. Цветаева писала: «Действие Пастернака равно действию сна. Мы его не понимаем. Мы в него попадаем. Под него попадаем. В него – впадаем. Пастернака... мы... понимаем через интонацию, которая неизменно точна и ясна. Мы Пастернака понимаем так, как нас понимают животные. Мы так же не умеем говорить по-пастернаковски, как Пастернак не умеет говорить по-нашему, но оба языка есть, и оба внятны и осмысленны, только они на разных ступенях развития. Все в стихах Пастернака “диктовало чувство”, было от его чистой души и открытого сердца. “Стихи слагались” поэтической личностью, ее жизненным опытом, литературным образованием и художественным восприятием постоянно меняющегося мира» [2].

В своих стихах он видит мир как бы впервые, привычные явления жизни предстают под необычным углом зрения, повседневные, наоборот, обнаруживают свою значительность.

Стихотворный почерк Пастернака на редкость своеобразен. «Когда явился Фет, – пишет О. Мандельштам, – русскую поэзию взбудоражило “серебро и колыханье сонного ручья”, а уходя, Фет сказал: “И горящую солью нетленных речей”. Эта горящая соль каких-то речей, этот посвист, шелканье, шелестение, сверканье, плеск, полнота звука, полнота жизни, полноводье образа и чувства с неслыханной силой воспрянули в поэзии Пастернака. Перед нами значительное патриархальное явление русской поэзии Фета. Величественная домашняя русская поэзия Пастернака уже старомодна, она безвкусна, потому что бессмертна; она бессильна, потому что захлебывается от банальности классическим восторгом цокающего соловья» {...} «Да, поэзия Пастернака – прямое токование (глухарь на току, соловей по весне), прямое следствие особого устройства горла, такая же родовая примета, как оперенье, как птичий хохолок» [3. С. 395–396]. Стихотворение «Белая ночь» как нельзя лучше иллюстрирует это высказывание:

Там вдали, по дремучим урочищам,
Этой ночью весеннею белой,
Соловьи славословьем грохочущим
Оглашают лесные пределы.
Ошалелое шелканье катится,
Голос маленькой птички ледящей
Пробуждает восторг и сумятицу
В глубине очарованной чащи [4].

«Стихи Пастернака почитать, – продолжал О. Мандельштам, – горло прочистить, дыханье укрепить, обновить легкие: такие стихи должны быть целебны от туберкулеза. У нас сейчас нет более здоровой поэзии» [3. С. 396].

Поэт уделяет большое внимание *звуковому рисунку* своего стиха. Немаловажную роль в создании образа играют у него *звуковые повторы, аллитерация и ассонанс, паронимазия*. Содержание сопровождается дополняющим смысл звучанием:

Еще земля голым-гола,
И ей ночами не в чем
Раскачивать колокола
И вторить с воли певчим.
И со страстного четверга
Вплоть до страстной субботы
Вода буравит берега
И вьет водовороты.

Звуковой контраст соответствует смене тональности стихотворения. Тенденция к установлению звуко-смысловых отношений между словами сосуществует с другой не менее явной тенденцией – к объединению рядом стоящих слов на основе звуковой близости вне зависимости от смысловых отношений между словами.

Как возможное следствие футуристического прошлого наблюдаются и элементы *звуковой игры*:

Прощай, размах крыла расправленный,
Полета вольное упорство,
И образ мира, в слове явленный,
И *творчество*, и *чудотворство*.
Мне далекое время мерещится,
Дом на Стороне Петербургской.
Дочь степной небогатой помещицы,
Ты – на *курсах*, ты родом из *Курска*.

Особого внимания заслуживает синтаксис стихотворений романа, требующий от нас вдумчивого прочтения: «Прощайте, годы безвременщины. / Простимся, бездне унижений / Бросающая вызов женщина! / Я – поле твоего сраженья». В связи с этим примером можно вспомнить слова О. Мандельштама о том, что «у Пастернака синтаксис убежденного собеседника. Который горячо и взволнованно что-то доказывает. А что он доказывает? (...) Так, размахивая руками, бормоча, плетется поэзия, пошатываясь, головокружа, блаженно очумелая и все-таки единственная трезвая, единственная проснувшаяся из всего, что есть в мире.

Это блестящая “Нике”, перемещенная с Акрополя на Воробьевы горы» [Там же. С. 396].

Писатель широко использует *синтаксические конструкции* (диалоги и монологи), представляющие эксплицитные характеристики языковой личности персонажей. Стилистике произведения характерны простые синтаксические единицы, передающие «разговорные» интонации: «Такая рань на свете»; «Шли по лесу вы друг за дружкой»; «И почему ему на ум / Все мысль о море лезет?»; «Мы в кружок собьемся в стороне» и т.д.

Многочисленны односоставные, в особенности номинативные предложения:

Эти ночи, эти дни и ночи!
Дробь капелей в середине дня,
Кровельных сосулечхудосочье,
Ручейков бессонных болтовня.

Привязанность, влеченье, прелесть!
Рассеемся в сентябрьском шуме!
Заройся вся в осенний шелест!
Замри, или ополоумей!

Весьма часты примеры повторов и анафор – повторений отдельных слов или их сочетаний в начале частей, из которых состоит высказывание:

Еще кругом ночная мгла.
Еще так *рано* в мире,
Что звездам в небе нет числа <...>
Еще кругом ночная мгла.
Такая *рань* на свете...

Я опять готовлю отговорки
И опять все безразлично мне.

В качестве характерного стилистического приема используется *синтаксический параллелизм*, симметрия, фигура речи, при которой два или более смежных отрезка текста строятся по одной синтаксической схеме:

Быть женщиной – великий шаг,
Сводить с ума – геройство <...>

И наши вечера – прощанья,
Пирушки наши – завещанья...

Обращает на себя внимание *многосоюзиe* – намеренное повторение союзов. В большинстве случаев повторяются сочинительные союзы.

Многократно повторяющийся союз «и» соединяет как части сложно-сочиненного предложения, так и однородные члены, при этом подчеркивается важность и значительность последовательно сменяющихся друг друга событий:

И вдруг навстречу крестный ход
 Выходит с плашаницей,
И две березы у ворот
 Должны посторониться.
И шествие обходит двор
 По краю тротуара,
И вносит с улицы в притвор
 Весну, весенний разговор
И воздух с привкусом просфор
И вешнего угара.

Риторический вопрос – одна из самых распространенных фигур стилистического синтаксиса, характеризующаяся необыкновенной яркостью и разнообразием эмоциональных и экспрессивных оттенков.

Для кого на свете столько шири,
 Столько муки и такая мощь?
 Есть ли столько душ и жизней в мире?
 Столько поселений, рек и роц?

По грамматическому оформлению риторические вопросы совпадают с обычными вопросительными предложениями, но отличаются интонацией, выражающей крайнее напряжение чувств.

Особую стилистическую нагрузку в художественном тексте могут выполнять и *однородные члены*: «Земля и небо, лес и поле / Ловили этот редкий звук, / Размеренные эти доли / Безумья, боли, счастья, мук».

Стилистическая функция однородных членов может дополняться *бессоюзием*, особой фигурой речи, противоположной многосоюзию. Бессоюзие заключается в том, что автор намеренно пропускает сочинительные союзы. Например:

И странным виденьем грядущей поры
 Вставало вдали всё пришедшее после (...)
 Весь *трепет* затепленных свечек, все *цепи*,
 Все *великолепье* цветной мишуры...
 ...Все злей и свирепей дул ветер из степи...
 ...Все *яблоки*, все золотые *шары*.

Интересен в данном стихотворении прием разрыва цепи однородных членов, несущий большую смысловую и образную нагрузку.

Сложное предложение также зачастую используется как стилистическое средство создания эффекта неожиданности, выражения идеи стиха:

Но как ни сковывает ночь
Меня кольцом тоскливым,
Сильней на свете тяга прочь
И манит страсть к разрывам.
Я кончился, а ты жива.
И, ветер, жалуясь и плача,
Раскачивает лес и дачу.

Сложноподчиненные предложения с придаточным сравнения Пастернак использует с целью создания метафорического образа:

И март разбрасывает снег
На паперти толпе калек,
Как будто вышел человек,
И вынес, и открыл ковчег,
И все до нитки роздал.

Вся поэзия Пастернака представляет собой сплошные метафоры, выполняющие необычные роли и сами по себе необычные.

Особенно часто поэт обращается к олицетворениям. Природа и окружающие вещи оживают в его стихах. И чувства человека передаются не путем прямого описания, а с помощью сопоставления с природой. Этим поэт хочет показать взаимосвязь всего сущего в мире, собрать разрозненные детали и выявить их единство.

Простота стиля Пастернака сочетается с пронзительной глубиной философского содержания. Д.С. Лихачев заметил: «Стихи Живаго – это стихи Пастернака. И эти стихи написаны от одного лица – у стихов один автор и один общий лирический герой» [5. С. 6]. Эти стихи помогают «построить живую ткань романа: романа-эпопеи, романа – лирического стихотворения, показывающего все, что происходит вокруг, через призму высокой интеллектуальности» [Там же. С. 10].

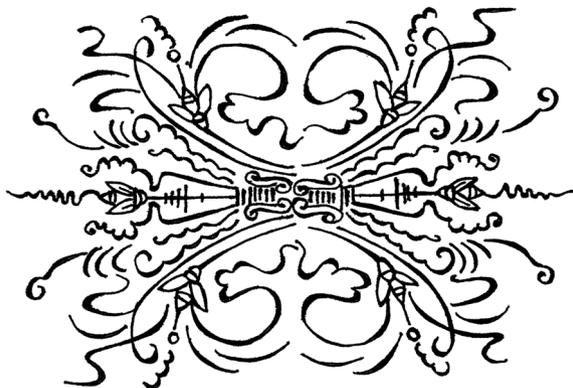
Под кажущейся простотой и конкретностью поэтических образов скрывается поразительное мастерство гения, способного выразить драматизм и красоту окружающего мира, силу любовного чувства.

Литература

1. Степун Ф.А. Сборник статей, посвященных творчеству Бориса Леонидовича Пастернака. Мюнхен, 1962. С. 153.

-
-
2. *Цветаева М.И.* Эпос и лирика в современной России. Владимир Маяковский и Борис Пастернак // Собр. соч. В 7 т. М., 1997. Т. 5. Кн. 8. С. 12.
 3. *Мандельштам О.Э.* Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. М., 2011.
 4. *Пастернак Б.Л.* Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. М., 2014.
 5. *Лихачев Д.С.* Размышления над романом Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Новый мир. 1988. № 3.

*Московский педагогический
государственный университет*

*Религиозная лексика
в поэзии Иосифа Бродского*

© О. А. ГАССЕЛЬБЛАТ

Статья освещает особенности употребления религиозных лексем в поэзии И. Бродского в сравнении с языком поэтов Серебряного века.

Ключевые слова: И. Бродский, поэзия Серебряного века, лексико-семантическое поле, религиозная лексика, Христос, ангелы, рай, ад.

Features of representation of lexical-semantic field of «Religion» in the work of Joseph Brodsky in relation to the texts of the poetry of the Silver Age.

Key words: token, the J. Brodsky, poetry of the Silver Age, lexical-semantic field, lexical meaning, context, semantics, compared with texts.

При изучении творчества Иосифа Бродского представляется интересным сопоставление использования религиозной лексики этим автором и некоторыми поэтами Серебряного века. Об актуальности религиозной лексики в целом для поэзии этого времени говорит количество таких лексем, как *Бог*, *Христос*, *Рождество*, *херувим*, *рай*, *волхвы*, в творчестве Ахматовой, Пастернака, Цветаевой, Мандельштама и Бродского. У Мандельштама встречается 63 употребления лексемы *Бог*, у Цветаевой – 315, у Пастернака – 21, у Ахматовой – 37, у Бродского – 49. Лексема *Христос*: у Цветаевой – 9 словоупотреблений, у Пастернака – одно, у Ахматовой – 3, у Бродского – 4. Лексема *Рождество*: у Ман-

дельштама – 5 словоупотреблений, у Цветаевой – 7, у Пастернака – 11, у Ахматовой – 4, у Бродского – 11. Лексема *херувим*: у Мандельштама – 3 словоупотребления, у Цветаевой – 3, у Бродского – 5. Лексема *рай*: у Мандельштама – 13 словоупотреблений, у Цветаевой – 63, у Пастернака – 3, у Ахматовой – 18, у Бродского – 10. Лексема *волхвы*: у Мандельштама – 2 словоупотребления, у Пастернака – 2, у Бродского – 6.

Примеры употребления лексических единиц, относящихся к лексико-семантическому полю «Религия», выделены на основе материалов «Словаря языка русской поэзии XX века» [1] и Национального корпуса русского языка. Поскольку тексты Иосифа Бродского в этом фонде отсутствуют, то количественные данные в его текстах вычислялись нами самостоятельно. Выбор поэтов для сравнительного анализа основан на предпочтениях самого Бродского: о своих любимых русских поэтах, оказавших на него особенное влияние, поэт неоднократно высказывался, что отмечено в воспоминаниях о нем его друзей (В. Полухиной, Л. Лосева, С. Волкова и др.) и в многочисленных интервью.

Выделенные нами лексические единицы, относящиеся к лексико-семантическому полю «Религия», традиционно-поэтические. Поэты Серебряного века при их употреблении не выходят за рамки ожидаемого традиционного контекста, связанного с полем «Религия». Например, у Мандельштама: «В изголовьи Черное Распятие, / В сердце жар, и в мыслях пустота...» («В изголовьи Черное Распятие...»). У Цветаевой: «Опять сияющим крестам / Поют хвалу колокола. / Я вся дрожу, я поняла, / Они поют: и здесь и там» (Ни здесь, ни там). У Блока: «Ангел навеет рукой белоснежной / Сон золотой» («Спите, больные и духом мятежные...»).

На основании материалов «Словаря языка русской поэзии XX века» можно утверждать, что лексемы *ангел*, *рай*, *крест*, *Господь* – частотные единицы в текстах поэзии Серебряного века. Наблюдается и парадоксальный эпатажный контекст, но такие случаи не часты (В. Маяковский, В. Хлебников, М. Цветаева). Лексемы *Христос*, *Богоматерь*, *волхвы* менее частотны, представленные в названном словаре примеры единичны. В поэтических текстах они традиционны с точки зрения семантики, контекста, ассоциаций. Однако под влиянием окружающих языковых единиц лексемы, относящиеся к полю «Религия», могут трансформироваться, приобретать «семантические приращения», различные «виды подразумевания». Особенно это относится к образам ангелов.

У Бродского:

Пилот почтовой линии, один,
Как падший ангел, глушит водку.

(Элегия, 1968)

⟨...⟩ Вот почему незримы
ангелы. Холод приносит пользу
ихнему воинству: их, крылатых,
мы обнаружили бы, воззри мы
вправду горé, где они как по льду
скользят белофиннами в маскхалатах.

(Эклога 4-я (зимняя))

У Цветаевой:

Весь поэт на одном тире
Держится... Над *ничем* двух тел
Потолок достоверно – пел –
Всеми ангелами.

(Попытка комнаты)

О, далеко не азбучный
Рай – сквознякам сквозняк!

(Поэма горы)

Для текстов И. Бродского и произведений поэтов Серебряного века характерны повторяющиеся образы, в том числе ангелов.

Спящий ангел.

У Блока:

Все так же бродим по земле –
Ты – *ангел спящий* непробудно,
А я – незнающий и скудный,
В твоём завернутый крыле. (Курсив здесь и далее наш. – О.Г.).

(«Все так же бродим по земле...»)

У Цветаевой:

Ангел: тру – у! *Спящий:* чу!
Так, на полном свету,
В тел и дел естестве,
Встанем – те, встанем – все ⟨...⟩

(Прожектор)

У Бродского:

Спят ангелы. Тревожный мир забыт
во сне святыми -- к их стыду святому.
Геенна спит и Рай прекрасный спит.
Никто не выйдет в этот час из дому.

(Большая элегия Джону Донну)

Ангел в небе.

У Блока:

Видит с пасмурной земли
Безнадежный глаз столицы:
Поднял мрак свои зеницы,
Реют ангелы вдали.

(«Сумрак дня несет печаль...»)

Ризу накрест обвязав,
Свечку к палке привязав,
Реет ангел невелик,
Реет лесом, светлолик.
В снежно-белой тишине
От сосны порхнет к сосне {...}

(Сочельник в лесу)

У Бродского:

Вечерний Мехико-Сити.
Пляска веселых литер
кока-колы. В зените
реет ангел-хранитель.

(Мексиканский романсеро)

Использование сочетания слов *архангел* (*ангел*) и *труба* в соответствии с библейским текстом.

У Цветаевой:

{...} Ты, курчавый,
Архангелом вопишь в *трубу*.
Ты – над Московскою Державой
Вздыхаешь раду-ду-гу.

(Братья)

У Пастернака:

Степь, как *архангел*, *трубила в трубу*,
Ветер горланил протяжно и властно {...}

(Прощанье)

У Блока:

Навстречу жаждущей мечте
 Лучи метнулись заревые
 И *трубный ангел* в высоте (...)

Замолкли *ангельские трубы*,
 Немотствует дневная ночь.

(Когда я прозревал впервые...)

У Бродского:

Спят всадники. Архангел спит с трубой.
 И кони спят, во сне качаясь плавно.
 И херувимы все – одной толпой,
 обнявшись, спят под сводом церкви Павла.

(Большая элегия Джону Донну)

В примерах апокалиптический образ архангела с трубой (как знак конца мира) погружается в повседневность. Можно предположить, что действительность для поэтов становится адом, Апокалипсисом.

Повторение ситуации перечисления в однородном ряду лексем, обозначающих предметы вещного мира и лексемы *крест* (*распятие*), как святыни для религиозного человека. У Цветаевой: «Люблю и *крест*, и шелк, и каски, / Моя душа мгновений след...» (Молитва).

У Бродского:

В камзоле, башмаках, в чулках, в теньях,
 за зеркалом, в кровати, в спинке стула,
 опять в тазу, в *распятьях*, в простынях,
 в метле у входа, в туфлях. Все уснуло.

(Большая элегия Джону Донну)

В этом случае соположение в контексте лексем происходит на основании противоположности и несовместимости значений *материальное/сакральное*.

Соположение слов *рай* и *ад*.

У Цветаевой:

(...) Так стучатся в грудь
 За любовь. Так, потупив взгляд,
 В светлый *Рай* стучится черный *Ад*.

(«Осторожный троекратный стук...»)

То ли пулю в висок, словно в место ошибки перстом,
то ли дернуть отсюда по морю новым Христом.

(Конец прекрасной эпохи)

Метафора и сравнение реализуются с использованием лексики сниженного регистра (разговорной, жаргонной) рядом с лексикой религиозной (высокой). Часто Христу прилагается эпитет *новый, новоявленный*.

Приведенные примеры позволяют отметить влияние традиции и в нетрадиционном использовании лексем поля «Религия». В текстах Бродского присутствуют «отголоски» творений поэтов Серебряного века, которые никак нельзя назвать заимствованиями, скорее это реализации каких-то общих ментальных концептуальных структур, присущих культуре, именно «отголоски» «общей памяти» культуры [2], которые каждый из поэтов видит субъективно, и в этой субъективности авторы «образно повторяются». Сам Бродский в своем эссе о Цветаевой писал, что каждый новый поэт развивает даже посредством отрицания идиоматику, эстетику своих предшественников [3].

Определенная «эпатажность» в использовании религиозной лексики присутствует не только в текстах Бродского. Она в целом характерна и для языка поэтов Серебряного века. Более того, наблюдается повторяемость эпатажных образов. Можно с уверенностью утверждать, что Бродский, употребляя религиозную лексику, был учеником и продолжателем традиций поэзии Серебряного века.

Литература

1. Словарь языка русской поэзии XX века / Сост. В.П. Григорьев. М., 2003.
2. Муратова Е.Ю. Лингвосинергетика поэтического текста: Монография. М., 2013. С. 37.
3. Бродский И. Власть стихий: Эссе. СПб., 2012. С. 276.

РГПУ им. А.И. Герцена

О категории падежа существительных

© Е. М. РУЧИМСКАЯ,
кандидат педагогических наук

В статье рассматривается категория падежа русских существительных: шестипадежная и восьмипадежная системы. Автор показывает отличие функции категории падежа класса существительных от функции категории падежа класса прилагательных. Затрагивается проблема звательного падежа. Делается вывод, что, несмотря на разнообразие значений, падеж вполне реален.

Ключевые слова: русский язык, существительное, падеж, шестипадежная система, восьмипадежная система, звательный падеж.

The article is devoted to case category of Russian nouns. Sixcase and eightcase systems are examined. It is shown the difference between function of noun's category of case and function of adjective's category of case. Vocative case is also touched. The author comes to the conclusion that case is real in spite of various meanings.

Key words: russian, noun, case category, sixcasesystem, eightcasesystem, vocative case.

Класс существительных в русском языке обладает категорией рода, числа, падежа.

Категория падежа является одной из важнейших категорий русского языка. Обычно считается, что она образуется шестью граммемами: *И* (именительный падеж), *Р* (родительный падеж), *В* (винительный падеж), *Д* (дательный падеж), *Т* (творительный падеж), *П* (предложный падеж).

Для большинства существительных это действительно так. Однако есть некоторые неодушевленные существительные мужского рода, для которых существует восьмипадежная система. Сравним *Р* существительного *квас*: «нет кваса», «выпить квасу». Сравним *П* существительного *лес*: «думаю о лесе», «нахожусь в лесу». В.И. Борковский и П.С. Кузнецов называли два добавленных падежа этих немногочисленных существительных «количественно-определятельный» (отличный от родительного) и «местный» [1]. Другой, отличный от последнего, падеж, иногда называют «изъяснительным» (предложным являются оба

падежа, как местный, так и изъяснительный, так как они употребляются только с предлогами; обычно это обстоятельство подчеркивается в учебниках, например, [2, 3]). Количественно-определятельный падеж называют также «количественно-разделительным» [4. С. 174–175] и «родительным партитивным» [5].

Однако основной можно считать шестипадежную систему склонения: ведь восьмипадежная система характерна лишь для небольшого числа существительных. Так что можно говорить, что существительные, фактически имеющие восемь падежей, имеют в *Р* и *П* ед.ч. варианты флексии (например, *квас-а/у*, *лес-е/ю*). От вариантов флексий *Т-ей/ью* (*дядей/дядею*), *-ёй/ёю* (*бадьёй/бадьёю*), *-ой/ою* (*головой/головую*) эти варианты флексии будут отличаться тем, что выбор вариантов флексий *Т* зависит лишь от стиля, а выбор вариантов флексий *Р* и *П* – от стиля, семантики и синтаксиса.

Поскольку теперь все чаще исследуется не только язык, но и речь (это отмечают многие лингвисты, в частности, К.М. Сайфеева [6]), стоит обратить внимание на то, что в речи намечается новый падеж – звательный. Впрочем, он не совсем новый, а возрождаемый хорошо забытый старый. Он существовал в старославянском языке, и некоторые формы звательного падежа сохранились в церковнославянском языке («Господи», «Боже», «Отче» и т.д.), а некоторые перешли через церковнославянский в современный русский («Господи», «Боже»). В современном русском языке звательного падежа нет, но обратим внимание, что в речи мы опускаем флексию, когда обращаемся к собеседникам: «Миш», а не «Миша»; «Ань», а не «Аня». Так что можно говорить о намечающемся звательном падеже в русском языке, который в будущем, возможно, станет полноправным в падежной системе русского языка, и тогда можно будет говорить о семипадежной или девятипадежной (с учетом необычных *Р* и *П*) системе русского языка.

Функция категории падежа существительных резко отличается от функции категории падежа прилагательных. Если у существительных форма падежа выражает их отношение к другим словам в предложении, то у прилагательных форма падежа указывает на их отношение к определяемому существительному или местоимению, т.е. показывает, в каком падеже стоит определяемое ими существительное или местоимение.

Категория падежа относится к тем грамматическим значениям, которые не отвечают непосредственно идеям, имеющимся в сознании носителей языка. Если, к примеру, граммема множественного числа очевидно связана с понятием «множественности», то с чем ассоциируется понятие творительного падежа, реализующееся в следующих предложениях, приводимых в качестве примера Р.О. Якобсоном: он ел *ребенком* икру, он ел *пудами* икру, он ел *ложкой* икру, он ел *дорогой* икру, он ел *отрам* икру, он ел *грешным делом* икру [7]?

Конструктивный характер падежей русского языка А.В. Гладкий предлагал подтвердить следующим мысленным экспериментом. Представим себе группу носителей русского языка, которые договорились употреблять из существительных только одушевленные мужского рода. Лингвист, изучающий такой «язык», конечно, выделит в нем только пять падежей: *И, Р-В, Д, Т, П*. Далее вообразим, что другая группа носителей русского языка употребляет лишь существительные женского рода I склонения и только в единственном числе. В этом случае лингвист выделит также пять падежей: *И, Р, Д-П, В, Т*. Если же еще в одной группе носителей русского языка договориться употреблять лишь существительные III склонения, то лингвист, изучающий такой «язык», разумеется, не различит *Р, Д* и *П* падежи [8].

А между тем, несмотря на все разнообразие значений падежей, падеж – это нечто вполне реальное. В его формах, как отмечал В.В. Виноградов, «отражается понимание связей между предметами, явлениями, действиями и качествами в мире материальной действительности» [4. С. 167]. Р.О. Якобсон писал: «Каково бы ни было разнообразие семантических вариаций, зависящих от чисто синтаксических и лексических условий, все же единство падежа остается реальным» [6]. И действительно, частные значения могут быть в падеже приведены к общему знаменателю. Наиболее последовательно это сделано Р.О. Якобсоном в его работе «Морфологическое наблюдение над славянским склонением».

В этой работе ученый указывал также на то, что ни одна парадигма русского языка не различает все шесть падежей. Некоторые пары падежей совпадают по форме гораздо чаще, чем различаются. Такова, например, пара *именительный – винительный*. Среди существительных, выполняющих функцию *И* или *В*, 76% составляют такие, у которых формы *И* и *В* совпадают. Может показаться, что совпадение различных падежей должно приводить к затемнению синтаксических связей в предложении. Такие случаи, действительно, возможны. В качестве примера Е.В. Падучева приводит предложение из газетного текста: «Справедливые жалобы трудящихся также вызывают необоснованные требования излишних справок при поступлении в учебные заведения, ясли и детские сады» [9]. Так жалобы вызывают требования или требования вызывают жалобы? Автор предложения не учел, что вообще-то не регламентированный в русском языке порядок слов при совпадении форм *И* и *В* становится регламентированным: предложения «Весло задело платье» и «Платье задело весло» имеют разные значения. В результате получилась синтаксическая омонимия. Однако примеры такого рода довольно редки.

Как указывал Р.О. Якобсон, разные типы склонения различают от двух до пяти падежей. Столь широко распространенная нейтрализация падежей и является, главным образом, причиной того, что флексии скло-

няемых классов ослабляют свою значимость и приобретают все более и более формальный характер.

Развитие предлогов и предложных сочетаний ослабило роль флексий. В современной грамматической системе русского языка флексия, по сравнению с предлогом, наименее связана с падежным значением. Особенно это заметно в говорах. Так, Г.В. Денисевич отмечала: «В современных русских говорах флексии во многих случаях = лишь формальный показатель падежной модели, как например: от хаты – от хати – от хате – от хатя и т.п.» [10]. Превращение флексии в формальный показатель падежной модели нашло яркое выражение в столь широко распространенном среди склоняемых классов явлении, как омонимия флексий.

Рассмотрение этого сложного явления может послужить темой отдельной статьи.

Литература

1. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965. С. 187.
2. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык / Под ред. Н.С. Валгиной: Учеб. для вузов. М., 2002. С. 168, 170.
3. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. М., 2003.
4. Виноградов В.В. Русский язык. М., 1947.
5. Пете И. Родительный партиципный падеж в современном русском языке. Scando-Slavonica. XI. 1965. С. 186–197.
6. Сайфеева К.М. Этикетные формулы: десемантизация и новые смыслы // Русская речь. 2015. № 3. С. 68–76.
7. Якобсон Р.О. Морфологическое наблюдение над славянским склонением. М., 1958. С. 4.
8. Гладкий А.В. К определению понятий падежа и рода существительных // Вопросы языкознания. 1969. № 2. С. 111.
9. Падучева Е.В. Об описании падежной системы русского существительного (Некоторые вопросы омонимии при машинном переводе) // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 108.
10. Денисевич Г.В. О падежных флексиях существительных на А в местных говорах // Уч. записки Курского государственного педагогического института. IX. Гуманитарный цикл. 1959. С. 163.

Москва

Русский язык как фактор сплочения народов

© З. К. ТАРЛАНОВ,

доктор филологических наук

В статье рассматривается вопрос о роли русского языка в качестве важнейшего фактора сплочения российской государственности, развития культур народов России, их науки и образования. Функциональная история русского языка в XIX – XXI вв. анализируется в контексте социально-политических событий соответствующих периодов, традиционного полиэтнизма российского общества.

Ключевые слова: русский язык, культура, глобализация, профессиональная свобода, интеллигенция.

The article puts under consideration the particular problem of the role of Russian acting as the most important factor operating both Russian state consolidation and its peoples' cultural, educational and scientific development. Functions of the Russian language in the XIX–XX centuries are being surveyed in the context of the political events of the corresponding periods and traditional ethnic pluralism of the Russian society.

Nowadays history formulates the lessons to be learned. New crucial problem which has already arisen resulting from modern geopolitical situation – the problem of the protection of Russian language geographical space covered by its cultural influence factor.

Key words: russian language, culture, globalization, professional freedom, intellectuals.

Чтобы предложить обществу содержательную и востребованную временем стратегию культурно-языковой политики в традиционно многонациональном государстве, отстаивать не кем-то навязываемые, но объективно сложившиеся собственные культурно-ценностные ориентации, соответствующие интересам и ожиданиям народов многонационального государства, необходимо прежде всего помнить историю и учитывать ее уроки. Осмелюсь напомнить о некоторых из них.

Урок первый. В XX век русский язык вступил как язык великой всемирно признанной словесно-художественной культуры, как язык творений Пушкина и Гоголя, Тургенева и Толстого, Достоевского и Лескова, Салтыкова-Щедрина и Белинского, Некрасова и Тютчева, Чехова и Горького. Стержнем этой культуры было нравственное усовершенствование человека, воспитание в нем чувства красоты, социальной справедливости, отзывчивости, порядочности, гуманизма.

Урок второй. И в XX же веке, закономерно развиваясь по пути исторической судьбой предопределенного тысячелетнего восхождения, русский язык достиг своей функциональной вершины в качестве уникального и универсального средства общения между народами на обширном евразийском пространстве – в СССР и в качестве, наконец, одного из мировых языков.

Урок третий. Век XXI, текущий, он встретил не без потерь. Евразийское пространство, которому русский язык служил веками, скрепляя и возвышая его, развивая культуру, науку, образование его народов, перестало быть единым. Более того, в некоторых частях этого в прошлом единого пространства он объявлен нежелательным, чуждым и вредным.

Урок четвертый. Созданная на русском языке литература, признанная ЮНЕСКО одним из трех величайших достижений человечества наряду с Античностью и Возрождением, в силу исторических обстоятельств последних полутора – двух десятилетий оказалась отодвинутой на периферию общественно-культурных потребностей в самой России, включая систему начального, среднего и высшего образования. Тем самым русская классическая литература XIX – XX веков, в которой русский язык наиболее полно реализовал свои выразительные возможности, нравственный потенциал, красоту и мощь, перестала быть для него опорой. Ибо литература является мощным средством воспитания лишь до тех пор, пока ее читают, пока она обогащает, развивает читателя как человека, пока она служит образцом точной и достойной речевой культуры, речевого поведения, художественного вкуса.

Урок пятый. Кратно сократились переводы на русский язык с других языков Российской Федерации и Евразии, тем самым ослабив его традиционно связующую функцию в межкультурном общении народов евразийского пространства.

Урок шестой. Порожденные людьми и ими же внедренные в официальную речевую практику идеологические штампы, зачастую просто чужды для строя русского языка, русской культуры, бездумно и бездумно переложенные на язык, вызывают к нему негативное, а порой и пренебрежительное отношение, хотя язык сам по себе не несет никакой ответственности за то, как на нем говорят и для чего он используется. Язык при всем том, что представляет собой и тип культуры, мировосприятия, поведения и т. д. – это инструмент. Им можно пользоваться по-разному. Он на то и язык, что годится на все случаи жизни.

Урок седьмой. Число стран, где русский язык изучается в школах и вузах в качестве одного из основных иностранных языков, несопоставимо с тем, что было, например, лет двадцать пять назад. Да и в самой России не противятся сознательному сокращению функционального поля русского языка в пользу английского. Совершенно непонятно, например, почему аннотации исследовательских работ по русскому языку должны составляться на английском языке. Неужели англоговорящие лучше разбираются в проблемах и вопросах изучения русского языка, чем русскоговорящие в России?

Урок восьмой. Так случилось исторически, хотя и не стихийно, что именно период функционального ослабления русского языка, период сокращения пространства его распространения совпал с периодом активного продвижения процессов так называемой глобализации.

Теперь ясно всем, что под глобализацией подразумевается распространение неких односторонне-унифицированных стандартов представлений, отвлеченных от национальных культур и традиций и технически опирающихся на Интернет и английский язык. Стало ясно, что глобализация – это абсолютизация интересов и претензий одной страны или узкой группы стран, но не сообщества государств.

Таким образом, одним из важнейших стратегических вопросов, возникающих в связи с глобализацией, является, в частности, вопрос о языках, о судьбах национальных культур и содержании образования.

Для России и Российской Федерации – это судьба прежде всего русского языка, его роли и влияния как в России, так и за ее пределами. Сигналом для подобного рода беспокойства служит отчетливо обозначившаяся тенденция к уменьшению, сокращению функционального пространства русского языка, слишком вольное с ним обращение. Иногда эта вольность доходит до полнейшего безразличия, пренебрежения, нигилизма.

С этой позиции стратегические задачи, направленные на защиту функционального пространства русского языка в интересах народов России и Российского государства, и распространение глобалистских стандартов противоположны по их сути. Такой вывод с очевидностью вытекает из анализа культурно-исторической ситуации.

Опорный язык глобализации – английский. В это же самое время русский язык, принимая на себя роль главной опоры, важнейшего фактора сплочения народов и культур исторической России, не может не быть препятствием на пути подобной тенденции. Их интересы сталкиваются. Пропаганда работает на тот язык, который лучше обставлен материально-финансовыми ресурсами. В этом отношении русский язык безусловно проигрывает. Поэтому каждый считает себя вправе обходиться с ним по собственному усмотрению.

Наиболее заметная тенденция здесь – это попытки сузить пространство использования русского языка не только за пределами России, но и в самой Российской Федерации. С этой целью при участии представителей и народов России, ссылающихся на мнения неких европейских экспертов, распространяются наукообразные версии о том, будто русский язык вытесняет языки этих народов, обрекая их на вымирание. Так, один из современных российских авторов, якобы озабоченных судьбой языков в РФ, в качестве авторитетного для себя мнения приводит слова эксперта Совета Европы, профессора Лондонского университета Билла Бауринга, согласно которым в России «наиболее значимой тенденцией в развитии языковой ситуации стал рост влияния русского языка во всей Федерации и заметное увеличение числа исчезнувших или находящихся под угрозой исчезновения языков» [1, 2]. При этом у автора публикации не возникает вопроса о том, почему профессора Бауринга так беспокоит рост влияния русского языка в Российской Федерации. Влияние какого языка, по мнению Бауринга, было бы предпочтительнее английскому в его родном Соединенном Королевстве? А как он относится, к примеру, к притеснению французского языка английским в Квебеке? Что он предлагает противопоставить экспансии английского языка как единственного языка настойчиво продвигаемой глобализации в современном мире? Каким законом и какой страны этот якобы естественный процесс регулируется?

Невнимание к русскому языку способно еще более разъединить сложившийся при его посредничестве евразийский культурно-исторический феномен. Это обстоятельство прекрасно осознавал Н.С. Трубецкой, крупнейший деятель евразийской культуры, который писал еще в 1927 году: «В евразийском... пространстве народы связаны друг с другом не по тому или иному одностороннему ряду признаков, а *по общности своих исторических судеб* (выделено автором. – З.Т.). Евразия есть географическое, экономическое и историческое целое. Судьбы евразийских народов переплелись друг с другом, прочно связались в один громадный клубок, который уже нельзя распустить, так что отторжение одного народа из этого единства может быть произведено только путем искусственного насилия над природой и должно привести к страданиям. Ничего подобного нельзя сказать о тех группах народов, которые

лежат в основе понятий панславизма, пантуранизма или панисламизма; ни одна из этих групп не объединена в такой степени единством исторической судьбы входящих в нее народов. И потому ни один из этих “пан-измов” не является прагматически ценным в такой мере, как обще-евразийский национализм. Национализм этот не только прагматически ценен, но прямо даже жизненно необходим: ведь мы уже видели, что только пробуждение самосознания единства многонародной евразийской нации способно дать России – Евразии тот этнический субстрат государственности, без которого она рано или поздно начнет распадаться на части, к величайшему несчастью и страданию всех ее частей» [3].

Разрушение Советского Союза и его последствия полностью подтвердили прозорливость ученого. И если не поддерживать, не укреплять сплачивающих возможностей русского языка как общего связующего звена народов исторической России, процессы разобщения российских народов могут принять еще более губительный характер. Защита русского языка, повышение его роли и авторитета в системе образования, в средствах массовой информации, во всех без исключения сферах общественной и государственной жизни в качестве первого шага являются острой необходимостью для народов и государственной безопасности Российской Федерации. Осознание этой необходимости начинает пробивать себе дорогу.

Этнокультурный сепаратизм в условиях глобализации на деле оказывается направленным на вытеснение русского языка и разъединение народов исторической России. Чем скорее это осознают все, тем лучше для всех народов России и Евразии. Пренебрежение одним из мировых языков, доступных для всех наших народов, которым практически в той или иной мере владеют все, непροститительно. Статус других языков не может и не должен быть здесь помехой.

Урок девятый. Среди общих вопросов, связанных с ролью русского языка в жизни народов исторической России, включая и бывшие республики Союза, нельзя обойти вниманием еще один. Он может быть обозначен как «Русский язык и свобода граждан РФ». Кое-кому может показаться, однако, саму постановку такого вопроса надуманной. И в самом деле, каким образом свобода может быть связана с языком, какие свободы имеются в виду? Политические? Экономические? Конфессиональные? Нравственно-этические? Нет. Имеется в виду прежде всего свобода в общении и неотделимая от нее профессиональная свобода граждан – одна из самых востребованных в современной жизни и жизненно необходимых для всех.

Профессиональная свобода складывается не только из свободного владения профессией. Она обязательно включает в себя, во-первых, возможность выбора места получения профессии (учебного заведения) и, во-вторых, пространство (географию) применения полученных про-

фессиональных знаний. Чем шире эти возможности, тем шире профессиональная свобода, тем увереннее профессиональное самочувствие человека. А это уже полностью определяется языковой свободой, пространственно-функциональными возможностями языка профессии. Такую свободу гражданам Федерации, как в недавнем прошлом и гражданам СССР, предоставляет только русский язык.

После распада Советского Союза во многих бывших его республиках русский язык стали целенаправленно выдавливать из употребления, хотя это едва ли соответствует нынешним и долгосрочным интересам их народов. Едва ли английский язык когда-либо станет необходимой заменой русскому языку, как это кажется некоторым современным правителям этих республик. Удивительно, однако, то, что бывшие равноправные республики Союза упорно избавляются от одного из укоренившихся в их жизнь, культуру мировых языков, в то время как, например, бывшие колонии Англии, Франции, став независимыми, придали колониальным языкам статус дублирующих государственных. Английский язык в миллиардной Индии остается государственным. Страны Магриба – Алжир, Марокко, Тунис, – а также Ливан, хотя и имеют свой мировой язык – арабский, не отказались от французского в качестве второго государственного. И это разумно. Это дополнительные гарантии свободы граждан этих стран, включая и профессиональную свободу, свободу общения в мире, свободу в получении информации. Вообще же, чем большим количеством языков человек владеет, тем он свободнее и, можно сказать, солидаризируясь с академиком Л.В. Щербой, даже счастливее [4].

Когда мы говорим о русском языке, связывая с ним коммуникативную свободу (возможности широкого разностороннего общения в России и в мире), то это не означает пренебрежения к языкам других народов России. Все языки важны и незаменимы. Они являются подлинными достояниями народов. Именно эту мысль выражал выдающийся поэт прошлого столетия Расул Гамзатов, когда обращался к родному аварскому языку со словами «О, мой малый язык! О, мой великий язык!» Однако не только общесоюзную, но и всемирную известность поэту принес другой великий язык – язык его русских переводов, который и сделал его по-настоящему свободным в мировом масштабе. Отсюда очевидно, что русский язык по объективно-историческим причинам стал важнейшим и неотъемлемым культурным достоянием всех народов исторической России, стержнем их сплочения вокруг общих ценностей, общей судьбы. Разумно ли отлучать от него эти самые народы, не интересуясь их желаниями, в угоду чьей-то текущей политической конъюнктуры? [5].

Урок десятый. Русский язык сыграл огромную роль в становлении интеллигенции нерусских народов России, в том числе в формировании научных кадров, занимающихся изучением языков, литератур, фольклора, истории, этнографии этих народов. Вся обширная литература подоб-

ного рода по всем отраслям научного знания создается почти исключительно на русском языке. Он же является средством распространения научных результатов и за пределами России, тем самым пропагандируя их и преобразуя в часть мировой науки. При этом нельзя забывать и о том, что русский язык обеспечивает доступ более чем к 70% общемировой информации.

Все сказанное дает нам основание считать русский язык не только свободным и правдивым вслед за И.С. Тургеневым, но и несущим всеобъемлющую коммуникативную свободу гражданам исторической России.

Литература

1. *Тарланов З.К.* Реальность и домыслы (О языковой политике в РФ) // *Настоящее время.* 2012. № 36. С. 18–19.
2. *Тарланов З.К.* Пространство русской речи как объект политики // III Межд. конф. «Культура русской речи. Русский язык в культурно-историческом измерении». Посв. 200-летию Я.К. Грота. Тезисы докладов 23–25 ноября 2012. М. Институт русского языка РАН. С. 205–208.
3. *Трубецкой Н. С.* Общевразийский национализм // *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык / Вступ. ст. акад. Н.И. Толстого и Л.Н. Гумилева. М., 1995. С. 425–426.
4. *Щерба Л.В.* К вопросу о двуязычии // *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 317.
5. *Тарланов З.К.* Язык. Культура. История. Махачкала, 2015. С. 92–98; 106–109.

*Северный филиал Российской правовой
Академии Минюста
Петрозаводск*

Интернет-текст как новый вид коммуникации

© А. В. НИКОЛАЕВА,
кандидат филологических наук

В статье рассказывается о таком довольно новом явлении в нашей жизни, как интернет-текст, рассматриваются его основные экстралингвистические и лингвистические особенности.

Ключевые слова: интернет-текст, блог-журналистика, коммуникация.

The article describes the phenomenon of the online text, it discusses linguistic and extralinguistic of features.

Key words: online text, communication, blog.

Прежде всего вспомним о главных характеристиках текста. Текст – это законченный, оформленный грамматически речевой продукт, для которого необходимыми характеристиками являются такие категории, как осмысленность, содержательность и адресованность. Текст находится в сложных отношениях с окружающим культурным контекстом. Это не только сообщение, направленное от носителя информации к

аудитории, это отражение происходящих в обществе процессов, часть общего культурного контекста социума. Главная функция текста – коммуникативная.

А самое важное, что случилось за последние десятилетия в области коммуникации, – это появление Интернета, который представляет собой Глобальную или Всемирную единую информационную и коммуникативную систему. По данным Фонда общественного мнения, аудитория Интернета в России в 2015 году составила 76 миллионов человек. Являясь открытым коммуникативным пространством, Интернет оказывает огромное влияние на все сферы жизни общества.

Новое коммуникативное пространство, возникшее на базе Интернета, огромно и неоднородно, оно позволяет его пользователям стать участниками разных типов дискурса.

Кроме информационной и коммуникативной функций Интернет выполняет развлекательную функцию, предлагая пользователям веб-сайты, на которых можно найти различные игры, музыкальные файлы, художественную литературу.

Общение в Интернете происходит в блогах, форумах, дискуссиях на самых разных сайтах. Интернет-общение включено практически по все сферы нашей жизни. Даже средние школы сейчас перешли на интернет-оповещение родителей, ведут электронные журналы и т.п.

Мы можем разделить коммуникативное пространство Интернета, условно говоря, на официально-деловое и неофициальное. В границах «официального» пространства оказываются сайты и порталы социальных институтов, в поле «неофициального» попадает любое неформальное общение. Именно последнее нас и интересует, так как официально-деловое общение в Интернете мало чем отличается от делового общения и стилистики официальных документов в целом.

Ученые ведут нескончаемые споры о типологии сетевых жанров. Возникают дискуссии даже об объеме текста. Например, можно ли считать комментарии своеобразным продолжением авторского текста? Ведь именно в комментариях даются важные авторские пояснения, разворачивается дискуссия по теме. Многие читатели выбирают материал, ориентируясь на то, насколько активная дискуссия развернулась в комментариях. Чем больше откликов, тем лучше, по мнению читателя.

Интересно и то, что подавляющее количество текстов в виртуальном пространстве является информационным, событийным, то есть вполне может быть отнесено к СМИ. Особенно это относится к текстам, размещенным в блогах.

Блог (от Web Log – электронный журнал событий) – электронный дневник. В нем представлены личные тексты автора, при этом в них содержится призыв к читательской аудитории написать, что они думают по поводу обозначенной в тексте проблеме. Блог несколько напоминает

ет традиционную колонку обозревателя в печатных СМИ, но у блогера больше свободы в выборе темы, способах оформления материала.

Поводом к написанию текста в блоге может быть любое событие – факт из жизни автора или общеизвестное событие. Блого-текст, так же, как традиционный текст, рассчитан на публичное прочтение.

И нередко бывает так, что весьма обыденный случай из жизни блогера становится поводом для публичных дискуссий на самых разных площадках. Так, в Живом Журнале блогер pushba 10 октября 2015 года выложила историю о том, как она с родственниками не может поделить квартиру свекрови. В тему пришли многочисленные комментаторы. На следующий день этой истории была посвящена уже целая передача на радио «Маяк», а вечером того же дня эпизод рассматривался уже на ТВ, канале ОТР.

Блого-журналистика, то есть оповещение, информирование от имени частного лица, становится все более популярной. Заметим, что существует прямая зависимость текста от той площадки, на которой он базируется. В настоящее время самые популярные – это Твиттер, ВКонтакте, Фейсбук, Живой Журнал, Инстаграм (социальная сеть в фотографиях).

Виртуальный текст, без всякого сомнения, можно отнести к средствам массовой коммуникации, так как в процесс общения всегда вовлекается большая аудитория. Это происходит и в том случае, когда текст помещен в рамки личного блога. Законодательная база РФ подтвердила тезис о том, что блого-тексты – это журналистика, приняв 1 августа 2014 г. закон о блогерах (поправка в закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации»). Закон дал определение слову *блогер*. Это владелец сайта или страницы сайта, где размещается общедоступная информация, которую просматривают более трех тысяч пользователей всемирной паутины в сутки.

Сегодня отмечается влияние языка Интернета на нашу речь во всех ее видах. Это усиление диалогичности (под влиянием форумов, чатов, интернет-конференций и т.п.). Развитие так называемой разговорной письменной речи (сокращения, простые предложения, экспрессивная лексика, непринужденность). Увеличение эмоционально окрашенной лексики в текстах. Так что можно говорить о том, что Интернет меняет наши представления о классическом тексте.

В свое время книгопечатание обогатило словарный запас языка и способствовало формированию норм письменной речи. Теперь Интернет не только дарит нам немало новых слов, но и способствует размыванию нормы. Некоторые лингвисты уже говорят о возникновении особого, «сетевого», языка, в котором мы видим огромное количество неологизмов, заимствований, графических средств выражения эмоций. Сокращается дистанция между автором и читателем.

Поэтому можно говорить о возникновении нового виртуального текста. Такой текст имеет свои особенности. Это открытое авторское «я»; использование формально письменного, но концептуально устного вида речи; смешение признаков коммуникации и публикации; компенсация эмоциональной недостаточности за счет графических приемов использования разного рода экспресsem; возможная анонимность; разные социальные роли одного автора; карнавалльно-игровой стиль изложения.

Кроме того, каждый участник виртуальной коммуникации является создателем не только своего текста, но и своего образа – *ника*, который, как правило, создается для привлечения внимания. Это игровые ники, в основе которых стилистически окрашенная лексика (*Жмурик*, *Чел*); прецедентные имена (*Мерлин*); ники, в которых обозначена мировоззренческая позиция автора (*Буддист*, *Агностик*); профессиональная соотнесенность (*Студент*).

Также средством самопрезентации автора служит *аватара* (*аватарка*), представляющая собой небольшую картинку, помещенную над ником.

Ник – аватара – название блога – эти надтекстовые образования, оказывающие влияние на текст в рамках данного блога, обращены к читателю.

Целью общения в Интернете бывает не только стремление высказаться или пообщаться, но и желание выплеснуть эмоции. Такая функционально обусловленная потребность нашла выход в использовании графических средств. Широко распространена графическая передача звуков и слогов цифрами: *Vare4ka*, *mi3ch,Onli4*. Используются пиктограммы (эмодиконы, смайлики), часть которых стала общеупотребительной: :) – улыбка; :(– грусть, сожаление о чем-то; о_О – крайняя степень удивления.

Интернет-речь характеризуется также тенденцией к аббревиации: *клк* (как мне кажется), *спас* (спасибо), *имхо* (*in my humble opinion* – по моему скромному мнению); сокращением слов: *чел* (человек); использованием молодежного и компьютерного жаргона (*кинуть*, *оттянуться*, *бросить кости*, *кинуть на мыло*, *писать в личку*).

Среди множества изменений текстового целого, к которым привело появление интернет-общения, можно отметить реализацию диалогичности, о которой писал еще Бахтин: «Язык живет только в диалогическом общении пользующихся им. Диалогическое общение есть подлинная сфера жизни языка. Вся жизнь языка, в любой области его употребления (бытовой, деловой, художественной и других) пронизана диалогическими отношениями» [1]. В интернет-тексте эта диалогичность существует не только имплицитно, она нередко реализована посредством разных прямых вопросов, обращенных к читателю, и далее в полной мере проявляется в комментариях, которые являются продолжением текстового

целого. Это одно из главных отличий электронного текста от текста, воспроизведенного на бумаге.

Диалог в комментариях часто оказывается важнее самой информации в блоге, очень часто читатели обращаются к тексту только потому, что под ним много высказываний. Дискуссия после материала показывает, что тема востребована, интересна.

«Механизм взаимоотношения текста и аудитории основывается на напряженном взаимодействии. Слушатель постоянно стремится определенным образом идентифицировать текст со своей памятью. Текст же в свою очередь постоянно врывается в память и трансформирует ее. Диалог этот имеет напряженно-драматический характер и в предельном своем воплощении тяготеет к взрыву» [2]. Взрыв этот в пространстве Интернета имеет вполне вещественное воплощение и носит имя «холивар» (от англ. holy war – священная война). Холивар – жаркая, не всегда корректная дискуссия по теме, заявленной в тексте.

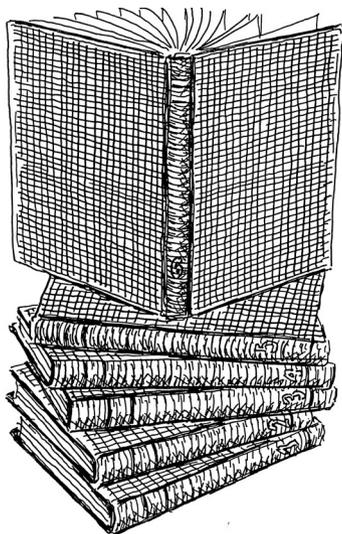
Свобода самовыражения личности в Интернете, анонимность пишущего, ориентированность на непосредственный диалог являются положительными факторами, позволяющими автору раскрывать свой творческий потенциал.

Можно сказать, что Интернет – это особый мир, чтобы ориентироваться в нем, необходимо освоить правила присутствия в этом пространстве.

Литература

1. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. *Лотман Ю.М.* История и типология Русской культуры. СПб., 2002. С. 174–175.

МГУ им. М.В. Ломоносова

Лексикография**«Ушаковская эпопея»***Неизвестные страницы знаменитого словаря*

© О. В. НИКИТИН,

доктор филологических наук

В статье рассказывается о событиях из области лексикографической практики 1930-х гг., связанных с работой над знаменитым «Толковым словарем русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова. Автор анализирует факты и приводит оценки противоречивых обстоятельств в научной полемике того времени, вводит и комментирует новые архивные материалы.

Ключевые слова: лексикография, толковый словарь, семантика, языковая политика, научная дискуссия, язык и идеология.

The article tells about events from the field of lexicographical practice of the 1930s, associated with work on the famous «Explanatory dictionary of Russian language» edited by D.N. Ushakov. The author analyzes the facts

and results of the evaluation of conflicting circumstances in the scientific debate of the time, introduces and comments on new archival materials.

Key words: lexicography, explanatory dictionary, semantics, language policy, academic discourse, language and ideology.

В 2015 г. самый известный словарь XX века – «Ушаковский» – отметил свой юбилей – 80-летие со времени выхода в свет первого тома. В свое время его издание стало событием не только в научной и общественной жизни страны, но и большим культурным явлением. Отклики на «Словарь» горами приходили на дом к его редактору. Этот тезаурус обсуждали многие: студенты, педагоги, научные работники, просто читатели... Справедливо высказывание С.И. Ожегова о том, что «Ушаковский словарь» «подвел итоги всей русской лексикографии». Он заложил основы акцентологической, грамматической, семантико-стилистической нормализации русского литературного языка [1].

С годами «Ушаковский словарь» постепенно стал обрастать легендами и загадками. Некоторые из них имели под собой историческую основу, другие же – просто «изобретались» талантливыми филологами. Мы же расскажем о тех загадках и фактах, которые действительно интересны и показательны, но главное – не искажают исторической правды.

Почему словарь называют *Ушаковским*? – этот вопрос, наверное, мы не раз задавали себе, – ведь у него есть официальный титул, отраженный во всех библиотечных каталогах: «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова. «Народное» название «Словаря» – признание заслуг виднейшего русского филолога и педагога, члена-корреспондента АН СССР Д.Н. Ушакова (1873–1942), который еще в начале 1920-х годов был одним из руководителей проекта создания толкового словаря, так и оставшегося неосуществленным. Когда опять, в конце 1920-х гг., возникла идея подготовить новый словарь [2], Д.Н. Ушаков был первым из ученых, кто взялся за осуществление этого объемного и ответственного труда.

Стоит заметить, что такое неофициальное название имеют и другие известные книги: так, «Словарь церковнославянского и русского языка» (тт. I–IV. СПб., 1847), изданный Вторым отделением Императорской Академии наук, нередко называют *Востоковским* (по имени одного из редакторов и разработчиков академика А.Х. Востокова), первый академический нормативный толковый «Словарь русского языка» вскоре начали называть *Словарем Грота – Шахматова* (по имени инициаторов и первоначальных составителей этого издания), а проектировавшийся в конце 1930-х – начале 1940-х гг. по инициативе С.И. Ожегова и Д.Н. Ушакова, их коллег Г.О. Винокура, В.А. Петросяна и др. популярный малый толковый словарь, – впоследствии стал называться *Ожеговским* (по имени его составителя, завершившего эту работу).

Но все же «Ушаковский словарь» – это лексикографический опыт особого свойства. Его инициатором и вдохновителем, по сути дела, организатором

всей (и не только научной, но и технической и т. д.) работы был Дмитрий Николаевич Ушаков, собравший высококвалифицированный состав ученых, многие из которых были его *учениками*: В.В. Виноградов – уже тогда известный специалист по истории русского языка и современному языкознанию, Г.О. Винокур – знаток поэтического языка, пушкинист, Б.А. Ларин – крупный филолог и лингвист, специалист по древним языкам, компаративистике и социолингвистике, С.И. Ожегов – тонкий филолог и впоследствии большой организатор лексикографического дела в стране и, наконец, Б.В. Томашевский – известный текстолог и стилист, знаток русской классики. И все они в той или иной мере *жили* единым замыслом Д.Н. Ушакова.

Вторая загадка связана с датой выпуска первого тома «Словаря». Иногда мы можем видеть ссылку на 1934 год [3], но чаще всего – на 1935 [4]. Почему так получилось? Или авторы статей просто путают время издания? Отнюдь нет. Дело в том, что первый том «Ушаковского словаря» действительно печатался дважды: в 1934 и 1935 годах. Первый тираж был очень незначительным и сохранился в малом количестве (его можно сейчас отыскать только в единичных экземплярах), и печатание «Словаря» приостановили по цензурным соображениям после так называемой «ленинградской дискуссии». Поводом для нее послужила статья К. Казимирского и М. Аптекаря «Игры» [5], «разоблачавшая» «Словарь», который, по их мнению, «не дает представления об образцовом русском языке. Пронизывающие “Словарь” образцы мещанского, хулиганского и воровского жаргона, обилие примеров трактирно-рыночного быта делают его словарем отнюдь не того языка, “которым каждый день говорит наша литература, наша печать с миллионами трудящихся”». И далее: «Нельзя назвать современным словарь с поповскими терминами, при резком недостатке терминов технических и особенно политических (отсутствует, напр., Красная армия, Красная гвардия и т. д.)». Вскоре в «Литературной газете» появилась ответная статья Д.Н. Ушакова «Вокруг “Толкового словаря”» с разбором критики и указанием на её основной прицел – «желание очернить в глазах советского общественного мнения серьезное культурное начинание» [6].

В декабре 1935 г. в Институте языка и мышления АН СССР в Ленинграде и произошла эта дискуссия, имевшая своей целью низвергнуть авторов-составителей этого «Словаря», разрушить их планы и, по сути, уничтожить сам «Словарь» (см.: [7]). Отрывки из писем участников той дискуссии доносят до нас очень непростую, драматическую ситуацию, в которой необходимо было отстаивать «Словарь». Главным обвинителем на этом «процессе» был известный маррист В.Б. Аптекарь, выступавший с «громовой речью» два с половиной часа «о вредительстве и политической преступности ряда определений», «о поповском и мещанском идеологическом базисе» (см. об этом подробнее [8. С. 84 и далее]). Б.А. Ларин, лично участвовавший в этой дискуссии, в одном

из писем подвел такой неутешительный итог: «Победителями нас никак назвать нельзя, хотя противник и был сильно побит и обесчещен. В кругах наиболее культурных наша защита Толкового Словаря признана блестящей и по организованности, и по форме, и по содержанию, но средний и запуганный слушатель ушел под впечатлением “острых и непровержимых” политических обвинений, под впечатлением длинного ряда высказываний об антисоветскости и буржуазном тоне и содержании Т(олкового) Сл(оваря)» [Там же].

В силу понятных обстоятельств издание последующих томов, готовых к печати, приостановили. Ввиду полученного громкого резонанса приняли решение пересмотреть отдельные статьи и уточнить их «марксистский» смысл. Для этого «Словарь», начиная со второго тома, стал официально курировать известный партийный деятель Б.М. Волин, который, впрочем, мало что понимал в лексикографии. С одной стороны, составителей урезали в правах, и, сопротивляясь, они вынуждены были подчиниться решению «сверху», но с другой (и это главное) – все участники ушаковского «Словаря» избежали печальной участи быть ссыльными и заключенными.

А такая угроза существовала, ведь «репутация» «Словаря» страдала еще и оттого, что один из его участников, В.В. Виноградов, как раз именно в самую полемическую пору был репрессирован и провел два года, с 1934 по 1936, в Вятке. Вернувшись, он уже не участвовал в работе над II–IV тт., но его имя на титуле было восстановлено. Получился такой парадокс, о котором рассказала Т.Г. Винокур: «После ареста В.В. Виноградова его имя было снято со шмуцтитула “высочайшим повелением”. Известно, что Дмитрий Николаевич добился приема у В.М. Молотова и настоятельно просил о сохранении имени В.В. Виноградова в перечне составителей первого тома, на что получил ответ: “Профессор, это невозможно!” (...) И, таким образом, сложилось парадоксальное положение: его имя значилось в томах, над которыми он, в связи с трагическими обстоятельствами своей жизни, не работал, и, наоборот – не значилось в первом томе, активным соавтором которого он был» [9]. Так разрешилась еще одна загадка «Словаря».

Д.Н. Ушакову и его команде приходилось держать оборону с нескольких сторон: от кликуш от науки с их политическими выводами и от собратьев по словарному делу и корифеев языкознания. Последние имели немало причин «не любить» «Словарь» и не только из-за какого-то личного нерасположения к Д.Н. Ушакову, всегда относившегося отрицательно к Н.Я. Марру и его сторонникам, – просто он был «конкурентом» ленинградского «Словаря русского языка» (не окончен), новая редакция которого разрабатывалась в те годы академиком С.П. Обнорским.

Чем же не угодил порезанный цензурой 1-й том «Словаря» 1934 года? Например, тем, что в списке источников были указаны «небла-

гожелательные» для советской идеологии имена: высланный из России романист Д.С. Мережковский, «неблагонадежные» знаменитая поэтесса Анна Ахматова, писатель и драматург Исаак Бабель, а также деятели революционного движения Бубнов и Радек, впоследствии репрессированные. Таким образом, была произведена идеологическая «зачистка» «Словаря», на которую по техническим причинам требовалось некоторое время. Так что новый первый том 1935 года вышел уже без указанных имен и цитирования их произведений.

Любопытно, что в сравнении с прежним неосуществленным проектом – так называемым «ленинским» толковым словарем (1920-е гг.) [10], здесь значительно увеличился подбор авторов и источников. В перечне фамилий, приложенных к I тому «Ушаковского словаря», значатся 173 имени, но и это далеко не полный список, куда не включены односложные фамилии и «такие, которые сократились бы (при соответствующем цитате упоминании в тексте. – *О.Н.*) только на одну гласную» (т. I. 1935. С. XVII–XX). Среди них – писатели, поэты, драматурги, историки, руководители государства и партии, деятели театра и просвещения, ученые и даже филологи и лингвисты (Ломоносов, Пыпин, Даль, Потеня, Шахматов) и др. Во второй том добавлены такие фамилии: Богданович, Вышинский, Гиляровский, Грановский, Добролюбов, Кокорев, В. Катаев, Литвинов, Марлинский, Михайлов, Островский, Случевский, Суриков, Серафимович, Федин, Фурманов, Чапыгин, Чернышевский. Таким образом, общий объем цитируемых авторов превышал, по-видимому, 200 имен. Пополнен и запас слов, извлеченных из периодики того времени: из газет «Известия» и «Правда». Используются также материалы «Большой Советской Энциклопедии» и «Малой Советской Энциклопедии».

К чести составителей словаря и, в первую очередь, его редактора Д.Н. Ушакова, удалось во многом отстоять его концепцию и избежать отбора слов по политическим мотивам. Лишь некоторым придали более подходящую историческому моменту стилистическую окраску и новые пояснения. И такие уступки составители были вынуждены делать только для того, чтобы сохранить «Словарь», не дать ему уйти в безвестность с «выводами» и «кампаниями», которые легко разыгрывались на фоне «контрабанды в языкознании» того времени. В таких случаях Д.Н. Ушаков говорил соратникам: «Моя главная забота – спасти словарь».

Архивные материалы и черновики «Словаря» дают возможность проникнуть в лабораторию творческой мысли его участников и понять трагизм духовной атмосферы того времени.

Так, слову *быдло* в издании 1934 г. была предпослана статья: БЫДЛО, а, ср., чаще *собир.* [польск. *bydło* – скот] (обл., бран.). О тупых, безвольных людях, покорных насилию (стлб. 212). В «Дополнениях и поправках к I тому» в графе «Надо» припечатано: «...насилию. || В устах помещиков-крепостников – презрительное обозначение крестьянской массы, как

безвольного, бессловесного и покорного стада, опекаемого помещиком». В этом виде данная словарная статья и вошла в первый том 1935 года.

Но бывало и наоборот. В первом томе 1934 г. давалось следующее толкование слова *бантист*: БАПТИСТ, а, м. [от греч. baptizō – крещу] (религ.). Последователь христианской секты, проповедующей добровольное крещение в сознательном возрасте (Стлб. 87). В «Дополнениях и поправках к I тому» в графе «Надо» дано такое добавление: «...возрасте и являющейся в СССР агентурой контрреволюционной буржуазии». В обновленном варианте первого тома «Словаря» 1935 г. осталось прежнее толкование без указанного «политико-семантического довеска».

Не менее интересна и история того, как создавался «Словарь», как работали столь разные ученые над одним изданием, какие возникали и обсуждались идеи – и многое ведь рождалось в дискуссиях, коллективных спорах, нередко у Д.Н. Ушакова на дому. Об этом сохранились черновые заметки С.И. Ожегова: «Толковый словарь начался на голом месте. Словник. Даль, Стоян. Новые материалы: мы читали газеты, военные уставы, политическую литературу, списки профессий Народного комиссариата труда, сельскохозяйственные книжки и технические брошюры, Цемент Гладкова и стихотворения в прозе, фельетоны Кольцова и купеческие романы Лейкина.

Так был составлен первый словник, а выборки продолжались все время» [11].

О некоторых особенностях работы С.И. Ожегов вспоминал: «Все эти материалы использовались впоследствии как цитаты. Между прочим, надо сказать, что стихи нередко цитировались по памяти, Д.Н. [Ушаков], например, знал наизусть по всем редакциям “Горе от ума”» [Там же]. Были и курьезные случаи: «В связи с составлением словника вспоминается, как однажды Д.Н. с шутливым сожалением говорил Н.Л. Мещерякову (одному из организаторов издания “Словаря”. – О.Н.) об отреченных метких острых словах и выражениях. Н.Л. подхватил это. “Мещеряковка”». Об Ушакове в этой связи сказано так: «Говоря о полноте словника, нельзя не упомянуть о любимом методе Д.Н. находить нюансы в многозначных словах, об эксперименте (глаголы, прилагательные, предлоги). Исписывал груды бумаги со всевозможными словосочетаниями, отыскивал объективно существующее и индивидуальное применение, употребление слова... Звонил по телефону» [Там же].

О внутренней атмосфере, о том, как работали и что обсуждали сами участники, сохранились лишь отрывочные сведения, но и они очень показательны: «⟨...⟩ 5 человек, один пишет, другой редактирует, потом к Д.Н. ... Академия. Ночные бдения (36–40 гг.)» [Там же]. Д.Н. Ушаков, как указывал С.И. Ожегов, «внес едва ли не самый большой вклад в пополнение словника, считал это первой обязанностью каждого участника».

Из этого видно, насколько насыщенной, энциклопедической по своей направленности была работа составителей: от изучения классической

литературы до специальных изданий и газет, и с каким энтузиазмом они взялись за осуществление такого нелегкого дела. Кроме того – и это была одна из важных задач «Словаря» – он должен был отразить *новую* лексику, вошедшую в употребление за последние 10–15 лет. И подобных слов-неологизмов в «Ушаковском словаре» немало: *женделегатка*, *женотдел*, *единоличник* («крестьянин, имеющий отдельное самостоятельное хозяйство»), *исправдом* («исправительный дом»), *колхоз*, *культпоход*, *культурник* («то же, что культработник»), *культурничество* («культурная работа в отрыве от политики»), *курсантка*, *продналог*, *продотряд*, *продразвёрстка* («система продовольственных заготовок в период военного коммунизма (1918–21 гг.), когда у крестьян, кроме бедноты, производилось принудительное изъятие с.-х. продукции»), *промтовары*, *промфинплан* и многие другие. Как можно заметить, круг новых понятий часто пополнялся за счет слияния основ существующих лексем в одно слово.

«Ушаковский словарь» фиксировал отражение в языковом фонде, как правило, новейших явлений, характерных для советской эпохи. Так, слово *метрополитен*, возникшее в регулярном обиходе в 1930-е годы, вошло в состав словника, поскольку уже стало известно широким социальным слоям населения. Хотя в данном случае (по архивным документам), чтобы включить это слово, требовалось согласование с «политической редакцией». Такой проверке подвергались и другие языковые факты.

Примечательно, что отдельные «новые слова» подавались без историко-культурной связи с прошлым – отмечалось только современное употребление лексем. Так, пометой «нов.» снабжено слово *курсант* – «1. Учащийся военной школы, курсов по подготовке командного состава... 2. Слушатель курсов» (т. I, стлб. 1555). О прошлом значении слова, встречающемся, например, в произведениях русских классиков, ничего не сказано.

Характерным явлением вхождения нового слова в языковой фонд эпохи стала многозначность таких лексем, которые «обрастали» не одним, а несколькими смыслами. Например, слово *культпоход* (помечено как «новое») имело три значения:

«1. Кампания по ликвидации неграмотности в кратчайший срок (офиц.). *Штаб культпохода Смольнинского района*. 2. Коллективное посещение спектакля, музея и т.п. (разг.). *Местком за весь сезон не устроил ни одного культпохода*. 3. Культурно-просветительская кампания. *К. за книгой*» (т. I, стлб. 1545). При этом дается отсылка к производному слову *культ*, которое специально выделяется в «Словаре» как «новое, официальное», в противоположность «книжному» («религиозное служение божеству»).

В «Словаре» отмечались не только неологизмы, но и новые, не употреблявшиеся ранее формы слов с современной тому времени семантикой. Например, от общеупотребительного глагола *использовать* образовано страдательное причастие настоящего времени *используемый*,

которое помечено как «газет. нов.» с расширением семантического объема слова. Для иллюстрации приводится такой пример: *Средства, используемые для достижения цели* (т. I, стлб. 1243).

Бесспорно, основная работа состояла в отборе, толковании и стилистической классификации лексики. В процессе подготовки и редактирования обсуждались и решались многие спорные вопросы.

Интересно проследить, как происходила обработка тех или иных слов и уточнение их значений, какие делались к ним добавления, а какие «идеологемы», наоборот, пришлось впоследствии изъять из словаря.

Примечательна стилистическая правка в словарной статье «БЕЛОГВАРДЕЕЦ» с пометой «новое». Первоначально в словнике было напечатано следующее: «Служащий в контрреволюционных отрядах (после октябрьской революции) // Контрреволюционер (как бранное слово)». После исправлений от руки осталось: «Сражающийся в рядах белой гвардии (см. гвардия) // Контрреволюционер (презрит.)» (Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1. Ед. хр. № 104. Л. 77). Этот последний вариант и был принят как окончательный за исключением одной детали: слово «контрреволюционер» в изданном тексте предваряла помета «перен.», а «презрит.» сняли и отнесли к другой статье «БЕЛОГВАРДЕЙЩИНА» – «нов. презр.» (т. I, 1935. стлб. 120).

Отдельная статья (в печатный вариант «Словаря» не вошла), найденная нами в подготовительных материалах, называлась так: «БОЛЬШЕВИЦКИЙ» – «То же, что *большевицкий* [употр. в бело-эмигрантской печати]». Просматривая карманные блокноты Д.Н. Ушакова 1917–1918 гг., мы обратили внимание на приклеенную им показательную вырезку из газеты с таким четверостишием:

То «патриот», то «большевик»,
Никак не мог спрямить свой лик!
И хоть хмельного он не пил,
Но вечно путался, бончил...

(Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1. Ед. хр. № 140. Л. 101 об.).

Опасное слово «МЕНЬШЕВИЗМ» имело такой первоначальный вариант объяснения: «Политическая теория, тактика, движение меньшевиков, соглашательское, оппортунистическое течение в рабочем движении», за которым следовал актуальный контекст: *«После пролетарской революции м. превращается в антисоветское, контрреволюционное течение»* (Архив РАН. Оп. 1. Ед. хр. 105. Л. 22). После стилистической правки было выработано другое определение: «Политическая теория и деятельность меньшевиков, соглашательское, мелкобуржуазное оппортунистическое течение в рабочем движении» (иллюстрация к тексту оставлена без изменений). Наконец, «скорректированную» и, видимо, утвержденную политредактурой словарную статью в изданном I томе можно прочитать уже в

ином, более развернутом виде: «Мелкобуржуазное оппортунистическое антиреволюционное и антимарксистское течение, являвшееся агентурой буржуазии в рабочем классе, вместе с контрреволюционной буржуазией борющееся против Октябрьской социалистической революции, поддерживавшее иностранную интервенцию и являющееся одним из отрядов мировой контрреволюции» [4]. Заменена была и цитата.

Примечательно в этой связи высказывание известного филолога М.В. Панова: «Словарь был создан в эпоху “диктатуры пролетариата”, но авторы сделали все, чтобы он остался интеллектуально независимым, служил русскому языку, а не интересам партократии. Политическая терминология – вот та единственная область, где пришлось сделать уступку идеологическому натиску {...}» [12. С. 8].

К слову «БЕСИТЬСЯ» при дальнейшей работе над этой статьей было решено добавить фразеологизм «с жиру беситься», имеющий разговорный оттенок. Но и его исходное толкование «выходить из себя без повода от пресыщения, чудить, зазнаваться при хорошей сытой жизни» заменили на более лаконичное «Привередничать от чрезмерно сытой жизни» (Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1. Ед. хр. № 104. Л. 86). В такой редакции он и значится в словаре (т. I, 1935. Стлб. 126).

Семантика слова «БЕССОННИЦА» также претерпела некоторые изменения. В черновом варианте статьи дано: «Болезненная утрата сна», – зачеркнуто и сверху приписано новое: «Мучительное отсутствие сна, состояние, когда не спится» (Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1. Ед. хр. № 104. Л. 98). То же значение указано в I томе (1935. Стлб. 134).

Нередко составители вынуждены были подбирать примеры с социально значимым наполнением. Так, в черновом наброске статьи «МАДЬЯРСКИЙ» содержится такое объяснение: «*Прил. к мадьяры. М. Язык*». Далее от руки приписан такой текст: «*М. батальон* (батальон из пленных мадьяр – коммунистов, боровшихся за советскую власть во время гражданской войны)» (Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1. Ед. хр. № 104. Л. 6). Однако при печатании II тома по каким-то причинам его не воспроизвели (т. II, 1938. Стлб. 115).

Над качеством словарной работы надзирал целый штат сотрудников – от работников издательства, цензоров и аппарата Главлита до партийных функционеров. Каждый стремился внести свои поправки и давать авторскому коллективу надлежащие директивы, иногда курьезные, но чаще носившие политический характер. Об одном таком указании вспоминал М.В. Панов: «Цензор запретил слово *любовница*. Вон его из словаря! Потому что, объяснил уполномоченный, это слово старого быта и не нужно советскому человеку. А словарь должен оберегать нравственную чистоту нашего общества! Сошлись на компромиссе: слово появилось в словаре, но с пометой “устар.”, т. е. устарелое» [12. С. 9].

Немалый интерес для современных социолингвистических исследований языковой культуры сталинской эпохи имеют определения рели-

гиозных понятий и слов-«идеологем». Так, ранний вариант словарной статьи «БИБЛИЯ» сопровождался предельно кратким комментарием: «Свод книг так наз. священного писания у христиан, чаще книги Ветхого Завета» (Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1. Ед. хр. № 104. Л. 108), но был заклеен в словнике небольшим листом с рукописным текстом иного, более приемлемого содержания с пометой «церк. лит.», который можно прочесть и в «Ушаковском словаре»: «1. Книги т. наз. священного писания у евреев. // То же, как часть священного писания у христиан, т. наз. Ветхий Завет. 2. Свод всех книг т. наз. священного писания у христиан, включая Ветхий и Новый Завет (реже)» (т. I, 1935. С. 139).

Любопытно мнение на этот счет самого Д.Н. Ушакова: «У нас статья на слово *бог* была полтора столбца. “Много!” – говорят. Ну, давайте опустим фразеологию. А в божье-то фразеология и важна была. Мы ничего не смогли сделать и выпустили очень много» [13].

Редактор и составители «Словаря» находились в довольно сложном положении: внешне они должны были придерживаться идеологических установок и не допускать здесь никаких погрешностей, но, по сути, они сумели во многих случаях отстоять научный принцип издания и его лингвистическую, а не политическую направленность, главенство филологии над лозунгами победившего строя.

Как раз такой случай произошел со словарной статьей «ЛЕНИВЫЙ» – «праздный, не желающий работать», за которой следовал абзац «ЛЕНИНЕЦ» с цитатой из произведения Сталина, а через несколько строк после «ЛЕНИНСКИЙ» вновь «ЛЕНИТЬСЯ» (т. II, 1938. Стлб. 45). Это, естественно, не могло устроить цензора, и он потребовал включения нейтрального слова, разделившего бы столь неблагозвучное соседство, например, «ленинградец». Но такое вкрапление, даже единичное, нарушило бы принцип построения «Словаря» и отбора лексических единиц, который для языковеда, строго придерживающегося нормативных правил, неприемлем. По Д.Н. Ушакову, названия жителей городов не вошли в словник. И он отстоял свою позицию, хоть и давалось это очень нелегко.

Сейчас трудно сказать абсолютно достоверно о том, что спасло «Словарь» от, казалось бы, почти неминуемой гибели, которая в силу «исторического момента» могла оказаться трагедией и для участников этого проекта. Но все они, к счастью, за исключением В.В. Виноградова, избежали ссылок, ареста и еще более страшных испытаний. Думаем, что большую роль в этом сыграли несколько факторов.

Во-первых, с концептуальной точки зрения словарь не создавался на пустом месте, а имел традицию, с которой, хотим мы того или нет, приходилось считаться, тем более, что она все время соотносилась с именем Ленина.

Во-вторых, «Словарь» имел влиятельных покровителей в партийной среде – Б.М. Волина, Н.Л. Мещерякова, С.Б. Ингулова, вовлеченных в работу в той или иной мере и потому не способствовавших ее развалу.

Наконец, самая высокая инстанция в лице В.М. Молотова также, полагаем, была заинтересована в завершении издания. Д.Н. Ушаков осторожно писал об этом в юбилейной заметке в газете «Правда» 9 марта 1940 г.: «Но тревожные моменты наступали и позже – причина, по которой издание так затянулось, – и каждый раз нас выручал Вячеслав Михайлович. Так, после выхода первого тома дело страдало и прерывалось, например, от отсутствия авторитетной и квалифицированной политической редакции. Мнение Вячеслава Михайловича, что словарь надо довести до конца, позволило нам довести работу до последнего тома» [14].

Очевидно, вскоре после авторитетных указаний «сверху» и титанической работы самого лексикографического коллектива по пересмотру ранее подготовленного материала, согласованию его с многочисленными инстанциями очередные тома «Словаря» уже четко выходили год за годом: II – 1938, III – 1939, IV – 1940 г. Таким образом, он стал «первым законченным словарем в русской толковой лексикографии» того времени [15].

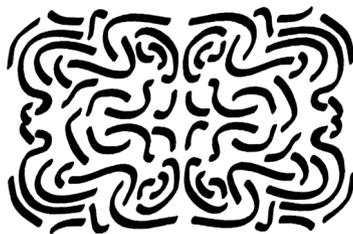
Не стоит думать, что ушаковская «дипломатия» (без нее нельзя обойтись) была подчинена конъюнктурным, корпоративным целям и свои часы сверяла с «генеральной линией». Мы приводили немало примеров самоотверженности, мужества и преданности составителей словаря подлинным научным ценностям. В дополнение процитируем высказывание С.И. Ожегова, вспоминая, между прочим, что даже в такой жесткой обстановке погромов и проверок авторитет и компетентность Д.Н. Ушакова были настолько сильны, что «в то время, когда все рукописи подвергались предварительному рецензированию или обсуждению, рукопись Т(олкового) сл(оваря) от Д.Н. непосредственно шла в издательство и типографию» [11].

Описанные нами события и загадки, связанные с «Ушаковским словарем», – отголосок того неспокойного времени, в которое жили и работали преданные науке ученые. И несмотря на все трудности, они оставались верны подлинной русской филологической традиции и культуре. По сути, история «Ушаковского словаря» – это целая эпопея! Она зафиксировала многое: историю страны, общекультурную атмосферу тех лет, личности, особенности лексикографической практики, полемику и дискуссии.... Наш рассказ о тех драматических событиях, надеемся, позволит с большей полнотой и объективностью оценить ту противоречивую эпоху, в которой под идеологическим «зонтиком» жили и работали настоящие словотворцы, осуществившие этот грандиозный замысел.

«Ушаковский словарь» и по сей день остается выдающимся памятником отечественной словесности, своего рода учебником жизни не одного поколения русских людей, черпающих с его страниц бесценные исторические и языковые факты эпохи.

Литература

1. *Ожегов С.И.* Памяти Д.Н. Ушакова. 10 лет со дня смерти // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. М., 2001. С. 450–451.
2. *Никитин О.В.* Забытые страницы русской лексикографии 1920-х гг. (предыстория «Ушаковского словаря») // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 195–228.
3. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. I. М., 1934.
4. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. I. М., 1935.
5. *Казимирский К., Антекар М.* Игруны // Лит. газета. 1935. 20 окт.
6. *Ушаков Д.Н.* Вокруг «Толкового словаря» // Лит. газета. 1935. 15 нояб.
7. *Никитин О.В.* Языковая политика 1930-х гг. и «Ушаковский словарь» // Микроязыки. Языки. Интеръязыки: Сб. в честь ординарного профессора Александра Дмитриевича Дуличенко / Под ред. А. Кюн-напа, В. Лефельдта, С.Н. Кузнецова. Tartu, 2006. С. 459–474.
8. *Никитин О.В.* Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари): монография. Славянск-на-Кубани, 2012.
9. Памяти Д.Н. Ушакова (к 50-летию со дня смерти) [публикация Н.Д. Архангельской и Т.Г. Винокур] // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 51. № 3. С. 79–80.
10. *Никитин О.В.* Из истории советской лексикографии 1920-х гг. (русский «Лярусс» и его создатели) // Scando-Slavica. 2004. Т. 50. С. 23–46.
11. *Ожегов С.И.* 30-летие со времени начала работы над словарем Д.Н. Ушакова / вступление, подготовка текста и примечания О.В. Никитина // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. М., 2001. С. 453–458.
12. *Панов М.В.* Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова // Толковый словарь русского языка. Т. I / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2000.
13. *Бабкин А.М.* Из лексикографического архива // Современная русская лексикография: 1981. М., 1981. С. 152.
14. *Ушаков Д.Н.* Судьба одной ленинской идеи // Правда. 1940. 9 марта.
15. *Левашов Е.А.* Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова // История русской лексикографии / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб., 1998. С. 359.

В радиозфире

Еженедельно в прямом эфире «Радио Москвы» в передаче «Ликвидация безграмотности» сотрудники кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова раскрывают проблемы культуры речи в современном российском обществе. Беседы известных филологов с радиожурналистами Д.В. Морозовым и Н.А. Лисицыной легли в основу материалов данной рубрики, которая позволит, как мы надеемся, осветить сложные научные вопросы стилистики русского языка.

Комический эффект и способы его создания

Беседа Н.Н. Вольской и Л.Е. Малыгиной, кандидатов филологических наук, с радиожурналистами Н.А. Лисицыной и Д.В. Морозовым посвящена приемам создания комического эффекта в теле- и радиожурналистике. Рассмотрено использование каламбура, иронии, сарказма в текстах современных телеанонсов. Показано, что различные средства комического реализуют журналистскую стратегию языковой игры, которая может оказывать серьезное воздействие на сознание массового адресата.

Ключевые слова: комический эффект, смех, юмор, ирония, сарказм, каламбур, буквализация метафоры, телевизионный анонс.

Popular science talk philologists N.N. Volskaya and L.E. Malygina with radio journalists N.A. Lisitsyna and D.V. Morozov devoted to the consideration of methods of creating a comic effect in the texts of TV and radio journalists. Reviewed the cases of the use of pun, irony, sarcasm in the texts of television previews. It is shown that different tools implement journalistic comic strategy of the language game, which can have a serious impact on the mass consciousness of the addressee.

Key words: comic effect, laughter, humor, irony, sarcasm, pun, playback direct meaning metaphors, the text of television announcement.

Л.Е. Малыгина: Наши слушатели просили рассказать, что такое смех, какие есть способы создания комического эффекта в телевизионном тексте, чем различаются ирония, юмор и сарказм, как развить находчивость и что делать тем, у кого нет врожденного чувства юмора.

Предлагаю обратить внимание на речь настоящих английских аристократов, тем более что, наверное, все слышали о знаменитом английском юморе. Чем отличается речь аристократа? Говорят, что представители аристократических семейств никогда не используют определенные слова, например, «извините» и «уборная». Это своего рода табу. А еще они с детства учатся тому, чтобы владеть собой и никогда не повышать голос.

Д.В. Морозов: Но каким же образом они могут позволить себе выразить негативное отношение или дать оценку тому или иному событию, если сделать это открыто невозможно?

Л.Е. Малыгина: На помощь приходит ирония. В переводе с греческого «ирония» означает «притворство». Это троп, заключающийся в намеренном употреблении слов, словосочетаний, предложений или более крупных отрезков текста в смысле, абсолютно противоположном буквальному. Это выражение насмешки или лукавого иносказания. Помните у Крылова есть фраза об осле, символизирующем глупость: «Отколе, умная, бредешь ты, голова?». Или у Гоголя есть такая фраза: «Полицей-местер был некоторым образом отец и благотворитель в городе. Он был среди граждан совершенно как в родной семье, в лавки и гостиный двор навещался как в собственную кладовую». Мы видим, что в приведенном контексте слова «отец» и «благотворитель» прочитываются как «разоритель». Другими словами, ирония – тонкая насмешка, скрытая учтивой формой выражения. Михаил Васильевич Ломоносов писал, что ирония «состоит иногда в одном слове, когда малого человека атлантом или гигантом, бессильного Самсоном, скаредного Авессаломом или Иосифом называем».

Н.А. Лисицина: А современные журналисты используют иронию?

Л.Е. Малыгина: Для того чтобы снять или снизить раздражение, которое вызывает навязчивая повторяемость рекламных сообщений или текстов телеанонсов, журналисты часто используют средства комического. Ирония уместно и остроумно используется, например, в телеанонсах на НТВ: «Наша милиция себя не бережет. Дворцовые перевороты, оборотни в погонах... и другие приключения ментов – новых ментов» (НТВ, 2015). Обращает на себя внимание то, каким образом этот троп встраивается в текст анонса: «...Тайная жизнь шаурмы и... десерт со свалки – ручная работа! Как тухлятину превращают в элитное угощение» (НТВ,

2015); или: «Продукты массового отравления: мертвые суши – настоящие самураи против московского суррогата». Документальный фильм «Просроченная жизнь» (НТВ, 2015).

Кстати, некоторым российским телеканалам свойственна ироничная тональность текстов в целом: «В России лучший способ выжить – это умереть! Как заработать миллион долларов на собственных похоронах и обвести вокруг пальца страховые компании?» (НТВ, 2015).

Д.В. Морозов: Нам пишут слушатели в социальных сетях: «Но существуют и невербальные способы выражения иронии. Можно, например, пальцем покрутить у виска».

Л.Е. Малыгина: Или поднять брови. Человек говорит что-то, а слушающий в этот момент бровями играет. И мы понимаем, что таким образом он выражает ироничную оценку того, что слышит.

Н.А. Лисицына: Но ирония далеко не единственное средство создания комического эффекта в тексте. Кроме иронии в тексте можно использовать сарказм.

Л.Е. Малыгина: В переводе с греческого это слово означает «рвущий мясо». Это высшая степень иронии, злая и язвительная насмешка. Приведу примеры использования сарказма в текстах телеанонсов НТВ: «Они вылетят всех, даже тех, кто здоров... Коммерческие тайны психиатрических больниц» (НТВ, 2015); «Его считали непотопляемым, но оказалось... Юрий Близорукий. Какая пчела укусила московского мэра? Фильм-откровение «Москва, звонят колокола» (НТВ, 2015); «Пока одни заливают кризис водкой, у других – собачья жизнь лучше человеческой... Кому дает на лапу самая богатая собака России? Последний фаворит дрессировщицы Дуровой» (НТВ, 2015).

Д.В. Морозов: У нас есть вопрос от слушателя: что такое смех? Чем он отличается от «комического»?

Н.Н. Вольская: Существует четкая граница между смехом и комическим. Это две стороны одной медали. Смех возник гораздо раньше комического: примерно десять миллионов лет назад.

Н.А. Лисицына: В наскальных рисунках был виден смех?

Н.Н. Вольская: Нет-нет. Я сейчас говорю о смехе как о физиологической реакции, потому что смех – это, прежде всего, физиологическая реакция организма на некий раздражитель, например на щекотку. Доказано, что приматы, как и люди, могут смеяться, таким образом, смеется не только человек. Эта физиологическая реакция организма сопровождается сокращением мимических мышц, определенными звуками и так далее. Комическое же – это философская категория. Она считается одной из самых сложных эстетических категорий, потому что до сих пор представляет собой загадку, состоящую в том, что комическое может быть для одних смешным, а для других – несмешным, грустным и даже обидным. Это будет зависеть от разных факторов: от социального ста-

туса человека, от уровня его образования, от воспитания, от той веры, которую он исповедует, и так далее... Также нужно понимать, что всегда есть две стороны: тот, кто смеется, и тот, над кем смеются.

Д.В. Морозов: Но не каждый может посмеяться над собой!

Н.Н. Вольская: Да! Высший пилотаж – самоирония!

Л.Е. Малыгина: Нас спрашивают в социальных сетях: что делать, если оппонент в споре удачно пошутил над нами? Еще Аристотель давал рекомендацию: «шутку убивай серьезностью, а серьезность – шуткой». Согласитесь, это работает и по сей день! Особенно в ситуации публичного спора, когда нам важно убедить аудиторию в своей правоте, а ваш оппонент использует комическое в качестве средства достижения своей цели. Например, он стал высмеивать вашу позицию или как-то шутить и тем самым уводит дискуссию в совершенно другую сторону.

Н.А. Лисицына: В этой ситуации шуткой на шутку отвечать не стоит?

Л.Е. Малыгина: Смотря, какая ситуация. В споре, если вы хотите, одержать верх над противником, этот прием уместен. Таким образом будет работать принцип контраста.

Н.Н. Вольская: Юмор тоже представляет собой сложное понятие. С одной стороны, это некая разрядка для организма, отдых, а с другой стороны, остроумие – работа ума, высшее проявление интеллекта. Юмор – это интеллектуальная способность подмечать в явлениях комичные стороны, а это связано с умением человека обнаруживать противоречия в окружающем мире. Кстати, слово *юмор* имеет древнегреческие корни. В античной медицине состояние человека описывалось соотношением четырех жидкостей – крови, лимфы, желтой и черной желчи, называемых «гумором». По мнению древних, соотношение этих жидкостей в организме человека и определяло его здоровье и самочувствие.

Д.В. Морозов: Надежда Николаевна, мой вопрос касается иностранного юмора. Например, мы смотрим американский комедийный сериал и хохочем. Возможно, существуют специалисты, которые адаптируют шутки, делают их понятными всем?

Н.Н. Вольская: С одной стороны, юмор, не имеет границ, а с другой – да, существуют специалисты, которые адаптируют, например, телесериалы.

Д.В. Морозов: Ведь то, над чем смеются американцы, нам не всегда смешно.

Н.Н. Вольская: Да. Это объясняется тем, что юмор имеет свою национальную и этнокультурную специфику, поэтому то, что смешно в США, может быть совсем не смешно в России и наоборот. Именно поэтому все продукты западного телевидения адаптируются. Кроме всего прочего, не стоит забывать о том, что юмор стареет. Обратимся к первым кинофильмам с Чарли Чаплином, например. В них очень много эпизодов, над

которыми покатывались со смеху современники Чаплина, но мы сейчас над этим не смеемся. Мы не смеемся над тем, когда человек падает, хотя когда-то это считалось очень смешным.

Л.Е. Малыгина: Я бы хотела добавить, что есть шутки интеллектуальные, они могут быть связаны с какой-то ситуацией, и в них культурные различия будут особенно заметны. А есть универсальные шутки, ведь не случайно комедии положений могут восприниматься одинаково представителями разных культур.

Н.Н. Вольская: Кстати, Саша Черный назвал российский юмор суррогатом английского. Это значит, что ему присущи утонченная ирония, изящество, намеки. И, конечно же, наш российский юмор отличает сатира и самоирония россиян.

Л.Е. Малыгина: Когда речь идет о шутке, нужно обязательно учитывать, достигнут ли запланированный автором эффект, была ли острота новой, уместной, понятной. Приведу пример коммуникативной неудачи. В популярном утреннем телешоу «Доброе утро, Россия!» я однажды попыталась пошутить по поводу безграмотности студентов. Вспомнила о том, что на семинаре в МГУ попросила учащихся найти произведения Ремарка, и в ответ услышала: «Мы уже читали “Трое в лодке, нищета и собаки”». Ведущие шоу сразу засмеялись, потому что они уловили шутку. Она заключалась в том, что студенты перепутали не только название произведения Джерома, но и имя автора! Однако зрители этого не поняли! Они восприняли мои слова буквально, поэтому прислали в редакцию письма с текстом: «Трое в лодке, не считая собаки» написал Джером Клапка Джером, а не Эрих Мария Ремарк! Но юмор в этом и заключался! Видимо, произошел коммуникативный сбой. Вывод – оратору нужно хорошо знать свою аудиторию и правильно оценивать собственные силы.

Н.Н. Вольская: Кроме того надо помнить о том, что в реализации комического многое обусловлено внеязыковыми причинами, ситуацией общения. Никогда нельзя об этом забывать: рассказываем ли мы анекдот, печатаем ли карикатуру или просто шутим.

Н.А. Лисицына: Наш постоянный слушатель спрашивает: «Как сделать свои высказывания в социальных сетях более остроумными? Можно ли развить чувство юмора? Как создать в тексте комический эффект?»

Л.Е. Малыгина: Когда я думала над этими вопросами, то обратила внимание на то, что на телевидении зачин телевизионного анонса строится таким образом, чтобы с первых же секунд возбуждать любопытство зрителя. Лучшим средством достижения этой цели служит прием буквализации метафоры. Он заключается в том, что метафорическое выражение осмысливается в прямом, а не в переносном значении.

Исследователь А.П. Квятковский отмечает, что, «когда метафорическое выражение (в особенности известная, бытовая метафора) берется в

прямом смысле, а в дальнейшем приобретает очертания реального, внеобразного предмета, – возникает новое осмысление этого выражения, имеющее порой юмористический или даже комический гротескный оттенок...». Например, «Не находя любви на родине, русские женщины за 30 штурмуют арабские фьорды. Здесь любовников – тьма египетская» (документальный фильм «Бабье лето»). В тех случаях, когда присутствует лишь буквализирующая часть метафоры, возникает эффект комической двусмысленности, например «Вести с полей» – заголовок репортажа о чемпионате мира по футболу. Приведу еще примеры.

«Стоп. Снято!» – название документального фильма, посвященного голым знаменитостям на страницах желтой прессы, в кино и на телеэкранах. Автор подробно рассказывает о технологии съемочного процесса. Актуализируется прямое значение слова «снять», то есть «раздеться», и значение единицы «Стоп. Снято!» в целом. Видеоряд при этом таков: на съемочной площадке артисты срывают с себя одежду, демонстрируя окружающим достоинства своего тела.

«Ловцы снов» – название документального фильма о летаргическом сне и специалистах, изучающих этот медицинский феномен. «Деньги из воздуха» – фильм о находчивых людях, которые сколотили капитал, не потратив ни копейки. Вот текст анонса: «Хватит работать на дядю! Ведь деньги лежат под ногами...» (видеоряд: черви). «Заработать состояние на экспорте нечистот...». Герой говорит в кадре: «В среднем за год мы зарабатываем полмиллиона евро». Диктор за кадром: «...и найти покупателя на прошлогодний снег...». Героиня рассказывает в кадре: «Это реальный снег, который я сейчас могу продать». В анонсе обыгрываются образные выражения: «денег как грязи», «деньги лежат под ногами». Буквализация усиливается благодаря видеоряду: в первом случае – море грязи, во втором – видео фермы по разведению дождевых червей. Попробуйте использовать прием буквализации метафоры в своих текстах, и ваше остроумие не останется незамеченным!

В.Д. Морозов: У нас иной раз запрещают шутить на определенные темы, а раньше ведь шут был по правую руку от царя, от государя, и ему разрешалось шутить над всем чем угодно!

Н.Н. Вольская: При этом шутить позволялось только блаженным – людям не от мира сего. Считалось, что они обладали даром предвидения, поэтому им позволялось говорить все, остальным же шутить не позволялось.

Д.В. Морозов: Могли голову отрубить, язык отрезать.

Н.Н. Вольская: Совершенно верно. Петр I, например, издал специальный указ, запрещавший карикатуры, выражаясь современным языком. То есть он запрещал рисунки комического содержания, на которых изображались монархи в неподобающем виде.

Екатерина II продолжила эту традицию, но все же время от времени использовала карикатуры. Например, когда нужно было популяризировать идею о прививании оспы. Известно, что Екатерина II была первой, кто пошел на это. Она привила себе оспу, и для того чтобы широкие слои непросвещенного народа тоже сделали это, она заказала нарисовать и распространить во всех социальных слоях листки комического содержания, где был изображен акт прививания оспы. И вообще, надо сказать, власть всегда умело использовала различные средства и жанры комического – карикатуры, анекдоты и так далее, потому что комическое всегда было понятно народу и позволяло достичь заданной цели.

Л.Е. Малыгина: Я бы хотела обратить внимание слушателей на некоторые способы создания комического эффекта в тексте. Существует такая фигура речи, как каламбур. Напомню, что она состоит в юмористическом обыгрывании различных значений многозначного слова или омонимов. Например: «Каждый олигарх может купить нашу газету. В киоске». Так одно время рекламировала себя газета «Ведомости». Или: «С нами зарабатывают миллионы». Это уже реклама делового телеканала РБК. Мы видим обыгрывание прямого и переносного значений слова. Столкновение антонимов тоже может породить каламбур: «Москвичей скоро переселят из старых “хрущевок” в новые».

Н.Н. Вольская: Мне хочется закончить нашу беседу словами Гёте, который говорил: «Ни в чем так не проявляется характер людей, как в том, что они находят смешным».

*Язык рекламы***В мире современных
рекламных имен**

© И. А. ТОРТУНОВА,
кандидат филологических наук

Современность исследования, посвященного рекламным именам, обусловлена накопленной прецедентной базой и необходимостью систематизации. В статье представлены различные лингвистические подходы к изучению рекламной номинации. Особое внимание уделено таким формам номинации, как первичная, мотивированная. Также представлена авторская классификация, в основу которой положен семантический принцип, в чем состоит новизна подхода к обширному исследуемому материалу. Данная работа будет интересна авторам, работающим в области рекламного дискурса.

Ключевые слова: рекламное имя, номинация, виды номинации, рекламный дискурс.

The present study is dedicated to advertising the names, due to the accumulated case-base and the need of systematization. The paper presents various linguistic approaches to the study of advertising category. Special attention is paid to such forms of nomination, as the primary motivated. Review of basic groups of modern advertising names is a definite scientific value. The article presents the author's classification, based on semantic principle, what is the novelty of the approach toward extensive the studied material. This work will be of interest to authors working in the field of advertising discourse.

Key words: advertising name, category, views category, advertising discourse.

Рекламные названия товаров, услуг, продуктов сопровождают нас везде – на улицах, в метро, в наземном транспорте. Печатные рекламные листовки, радио-, теле- и интернет-реклама, стали привычным фоном современной жизни.

Рекламное название выделяет единичный предмет из ряда однородных. И даже при однотипном обозначении вызывает у адресата ассо-

циации, связанные с определенной организацией, услугой, товаром. Например, многие туристические компании предпочитают названия, в которых содержится отсылка к сфере деятельности: *Кумир-тур, Ланта-тур, Мос-тур, Инна-тур*.

Рекламные имена являются самостоятельным пластом лексики, подсистемой языка и заставляют потребителя запоминать и отдавать предпочтение определенным маркам и компаниям, потому что в современном мире «бренды – как слова, являющиеся собственностью корпораций, стали – случайно или умышленно, – частью звукового сопровождения нашей жизни, ключевыми компонентами повседневного современного языка, если не прототипом нового языка» [1].

Вопрос о систематизации современных рекламных имен остается актуальным в современной лингвистике. Так, выделяют мотивированные и немотивированные рекламные имена.

Мотивированные рекламные имена представляют собой названия, в которых непосредственно отражена рекламная идея, указывающая на вид деятельности компании или предлагаемого товара (услуги). Например: *Зб'б, Детский мир, Азбуковник, Пельмешка, Все для школы, Дочки-сыночки, Азбука вкуса, Ремонт животных, Автоаптека*.

Мотивация может быть основана на разных принципах и демонстрировать ассоциативные связи между объектом именованного и его функциональным назначением, типом товара, представленным ассортиментом, местом нахождения. Например, в группе названий магазинов хозяйственных товаров, предназначенных для дома, есть отсылка к концептам «дом», «хозяйство». Но осуществляется она разными способами, например: *Мой дом, Твой дом, Все для дома, Домовенок, ДОМовой, Станция домашняя, Хозяйшукa* и т.п.

В связи с этим мотивированные рекламные имена также необходимо систематизировать. Среди них можно выявить следующие разновидности:

- рекламные имена, созданные при помощи прямой номинации;
- рекламные имена, созданные при помощи речевой игры.

Традиция прямой номинации связана с далеким прошлым, когда на рекламных вывесках отсутствовал текст, который заменял символ. Так, сапожник помещал на своей лавке изображение сапога, булочник – хлеба и т.д. В отечественной речевой традиции прямое именование государственных и социальных учреждений всегда являлось нормой. Соблюдение норм официально-делового стиля, строгость художественной формы, отсутствие вариантов толкования значений слов – важнейшие признаки прямой номинации, которая непосредственно связана с государственной, художественно-культурной, просветительской, научной, социальной и медицинской деятельностью: *Царскосельский императорский лицей, Московская городская Дума, Русское географическое общество, Сбербанк, Школа № 429, Ломоносовская гимназия, Городская клиническая больница № 5, Бюро переводов* и др.

Подобные имена лишены необходимости привлекать внимание, главная их задача – информировать. Как правило, имена государственных учреждений существуют в двух формах – полной и сокращенной. Например: *Сберегательный банк Российской Федерации – Сбербанк, Московский городской совет – Моссовет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова – МГУ, Московский дворец молодежи – МДМ, Министерство иностранных дел – МИД, Телеграфное агентство Советского Союза – ТАСС* и др..

Разные формы сокращений [2], обращение к которым связано с необходимостью сжатия текста и является свидетельством принадлежности прямых названий к официально-деловому стилю, повлекли за собой изобретение неоднородных имен, созданных при помощи прямой номинации: *МосАЭРО, МосгорБТИ, Росагроэкспорт, ВНИИторгмаши, МАМИ* и др.

По принципу прямой номинации, связанной с деятельностью государственного аппарата, возникла и прямая коммерческая номинация, которая, по свидетельству М.Е.Новичихиной [3], часто получает положительную оценку среди определенных социальных групп – пенсионеров и неработающих людей старшего возраста. Такие имена не содержат эмоциональных оценок, их задача – обозначить сферу деятельности объекта: *Автомойка, Шиномонтаж, Товары для детей, Школьник, Ателье, Парикмахерская, Продукты, Для мам и малышей, Авокаты, Бани, Канцтовары, Все для спорта, Книжный, Свежее пиво, Желтые такси, Универсам на Бакунинской, Театр на Покровке, Галерея на Солянке* и др.

Подобные названия являются более точными, нежели мотивированные рекламные имена, созданные при помощи речевой игры, в которых реализуется творческий потенциал автора, содержатся экспрессия, образность, метафоризация. Например: названия сетей аптек *Здоровые люди, Родник здоровья, Витаминка, Витамин, Апельсин, 36'6, Старый лекарь, Первая помощь, Таблетка, 03, Доктор Столетов* или сетей продуктовых магазинов *Азбука вкуса, Седьмой континент, Перекресток, Авосяка, Копейка, Пятерочка* и др.

При создании мотивированного рекламного имени могут быть использованы разные речевые и художественные приемы, которые привлекают внимание целевой аудитории:

– заимствования: магазины *Спортландия, Кухниленд, Университи, Ситиобувь*, кафе *Котлета-хауз, Кофе-хауз*, оператор мобильной связи *БиЛайн*;

– «говорящие» имена: банк *Рублев*, ресторан *Колбасов*, магазины *Канцеляркин, Мяснов*, сеть гостиниц эконом-класса *Подушкин* и копияльных центров *Копиркин*;

– апелляция к прецеденту и аллюзии: кафе *Добро пожаловать*, автосервис *Берегись автомобиля*, булочная-кондитерская *Не хлебом единым...*; туристическая фирма *За тридевять земель*; детективные агентства *Спрут*, *Бейкер-Стрит*, *Пинкертон*, *Лубянка*;

– графическое оформление, не подчиняющееся нормам современного русского языка: салон сотовой связи *Симфония*, магазин рыболовных принадлежностей *КЛЕВое место*, строительный магазин *МолотОК*, футбольная секция *МЯЧук*; кофейня *Кофе-in*;

– обращение к устаревшим лексическим и графическим формам языка: ресторан *Купец*, магазины *Злато*, *Модный домъ*, *Мир книг*, *Диво*, *Сударушка*, *Гостинный двор*, *Дамское платье*, ресторан *Позребец*;

– гипербола: службы городского такси *Круиз* и *Вокруг света*, магазины спортивных товаров *Спортмастер* и *Мастер Спорта*, сеть универсамов *Седьмой Континент*, магазины *Дом виски*, *Дом фарфора*, *Дом паркета*, *Книжный Дом*, *Дом книги*, *Дом книги на Арбате*, *Детский мир*, *Книжный мир*, *Мир игрушек*, *Мир приключений*, *Империя суши*, *Империя детства*, *Планета суши*, *Планета детства*, *Богатырь*, *Гигант*, *Великан*.

Немотивированные рекламные имена представляют собой названия, не имеющие явных связей с объектом номинации. Часто названиями такого рода являются аббревиатуры, комбинации цифр, названия животных и растений, имена героев, богов и существ из мифов разных народов и стран и др.: салон красоты *Афродита*, сеть универсамов *Перекресток*, сеть магазинов ковровых покрытий *Старик Хоттабыч*, пивной бар *01*, кафе *Меркурий*, ресторан *Янтарь* и др..

При этом среди немотивированных названий возросло число именованных, связанных с отсутствием или снижением языковой нормы, с неумением или нежеланием автора сопоставить создаваемое имя с объектом номинации. Такие имена стали называться названиями, вызывающими «лингвистический шок», «лингвистическое недоумение», например: туристическая фирма *Скатертью дорога*, агентство организации праздников и торжеств *Пора и честь знать*. Неблагозвучность, фонетические затруднения при произнесении рекламного имени, несоблюдение этических норм отражают степень его качества: магазины *Мир ванн*, *Дом пробки*, адвокатская контора *Лошарики*, кафе *Жирный сушиед*.

Появление большого количества подобных названий связано с падением уровня грамотности. Проследим, например, за появлением в Москве трех однокоренных названий – улицы, торгового центра и кафе. *Мейеровский проезд* в 70-е гг. прошлого столетия был переименован в *Проспект Буденного* – в честь легендарного командира Первой конной армии, имя которого в советское время было известно каждому. На рубеже XX–XXI веков на проспекте был построен компьютерный центр, в названии которого – *Буденовский*, исчезла одна буква «н». Это название

стало свидетельством постепенного забвения легендарного имени, что отразилось и в названии кафе *На Буденовке*, открытого на том же проспекте чуть позже. Стремление к сокращению наименования, свойственному разговорной речи (см. названия газет – *Комсомолка*, *Литературка*, *Савраска*, домов – *сталинка*, *хрущевка* и т.д.), непонимание значения слова «буденовка», стилистическая сниженность слова – те языковые процессы, которые отразились в создании абсурдного названия.

Удачность или неудачность рекламного имени связана с процессом номинации, в котором можно выделить два основных этапа: творческий замысел и отбор средств языка для реализации замысла, взаимосвязь между которыми определяется многими факторами – прагматическим, эмоциональным, социокультурным, оценочным и др. Процесс номинации отражает сложность «речемыслительного процесса, направленного либо на выбор существующего в языке готового обозначения для именуемого явления и мысли об этом явлении, либо на создание подходящего названия для него» [4].

Являясь периферийными единицами ономастического пространства, рекламные имена обладают рядом характерных признаков – многокомпонентностью, непостоянством состава, семантической прозрачностью.

Их изучение, начавшееся в прошлом столетии, продолжается и по сей день, являясь одной из интересных проблем современной научно-практической лингвистики [5; 6].

Литература

1. Эллууд Я. 100 приемов эффективного брендинга. СПб., 2002. С. 139.
2. Тортунова И.А. Роль прямой номинации в современной городской эргонимии // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2013. Т. 1. № 4 (117). С. 79–83.
3. Новичихина М.Е. Теоретические проблемы исследования эффективности коммерческой номинации. Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. доктора филол. наук. Воронеж, 2004. С. 22.
4. Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его выделения // Текст. Структура и семантика. Т. 1. М., 2001. С. 76.
5. Гончарова Л.М. Рекламное имя в сфере туризма // Русский язык за рубежом. 2011. № 5 (228). С. 82–88.
6. Селезнева Л.В. Подготовка рекламного и PR-текста. М., 2013.

*Российский государственный
социальный университет
Москва*

О стилевом статусе церковно-религиозной речи

© В. П. МОСКВИН,
доктор филологических наук

В статье приводятся и анализируются факты, свидетельствующие о том, что церковно-религиозная речь неоднородна в функционально-стилистическом плане и в ряде своих жанров, которые считаются принадлежащими церковно-религиозному стилю, сближается с научным, художественным, публицистическим и официально-деловым стилями.

Ключевые слова: церковно-религиозная речь, стиль, дискурс, речевой жанр.

The data mentioned and analysed in the article indicate that religious speech is heterogeneous from the viewpoint of the functional stylistics, and it approaches the scientific, belletristic, publicistic, and official styles in the set of its genres, which are considered as belonging to the religious style.

Key words: religious speech, style, discourse, speech genre.

Нельзя не понять логику некоторых специалистов (например, О.А. Крыловой, М.Н. Кожинной и др.), представляющих церковно-религиозную речь как единый объект изучения и обучения. Вместе с тем в

функционально-стилистическом отношении данный объект не кажется вполне однородным. Сформулируем некоторые наши сомнения в виде ряда вопросов.

1. В церковно-религиозном стиле «выделяются такие речевые жанры, как поучение, молитва, притча, исповедь, проповедь» [1. С. 15]. Можно ли признать функционально-стилевой статус проповеди вполне однозначным?

Сфера использования проповеди – публичная коммуникация, функция – влияние на убеждения и ценностные ориентиры аудитории. Целями проповеди как воздействующего жанра могут стать:

А. *Внушение религиозно-философских, моральных истин.* По нашим наблюдениям, проповедь данного целевого типа нередко принимает очертания богословского (а значит, научного в своей функционально-стилевой основе) дискурса. В этом случае проповедь может строиться по законам научного текста, т. е. с приведением фактов, подтверждающих выдвигаемый тезис, с активной аргументацией к авторитету, что влечет обильное цитирование:

«Сам Господь во Святом Евангелии неоднократно уверяет нас в бытии будущей загробной жизни: “Истинно, истинно говорю вам: наступает время, (...) когда мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут ... и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло – в воскресение осуждения” (Ин. 5, 25, 29). Святые Апостолы, имея твердую веру в будущую жизнь, все свои послания основывали на этой незыблемой вере. Святой Апостол Павел глагола: “Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут... как мы носили образ перстного [Адама], будем носить и образ небесного [Адама] (Христа)” (1 Кор. 15, 22, 49). Наконец, есть и опытное доказательство действительного существования будущей жизни – явление душ умерших» (Архимандрит Кирилл Павлов. Проповедь «О достоверности будущей вечной загробной жизни»).

Для проповедей данного типа характерна такая яркая черта научного стиля, как использование описательных предикатов: *совершать молитву* (ср. *молиться*), *сотворить исцеление* (ср. *исцелить*); полипропозитивных конструкций – простых предложений, образованных путем свертывания сложных. Также типичны высокий удельный вес отглагольных и отадективных существительных; активизация категории среднего рода; экспансия формы родительного падежа: *бытие будущей загробной жизни, существование будущей жизни, явление души умерших*. Как и в научной речи, в проповедях этого типа большое внимание уделяется строгой доказательности утверждений, а значит, причинно-следственным связям, закономерностям исследуемого предмета:

«Не могут не обратить на себя нашего внимания слова из прочитанного Евангелия, сказанные Господом исцеленному расслабленному:

“Вот, ты выздоровел; не грехи больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже” (Ин. 5:14). Из этих слов видно, что между болезнью и грехом существует *самая наитеснейшая связь*. Пока первые люди не согрешили, *до тех пор* они были здоровы и телом и душой. А *после того*, как не смогли уберечь себя от греха, – *вслед за грехом последовали* и болезни. Это явление повторяется и сейчас, и *закон этой зависимости* будет в силе до скончания века. Всякое нарушение закона как в области телесной, так и в области нравственной *влечет за собой* расстройство природы нашей и непременно *сопровождается* болезнями. А *поэтому*, зная эту истину, будем всемерно избегать греха как *причины* разрушения нашей душевной и телесной природы» (Архимандрит Кирилл Павлов. Проповедь «О терпении»).

Давно замечено, что в начальный период своего становления «наука была тесно связана с религией, богословием и стилистически во многом подчинялась стилю церковных книг, проповедей» [2]. Как видим, связь проповеди с научным стилем имеет не только актуальный, но и генетический характер.

Вместе с тем регулярно используемая непрямая, образная, а зачастую и аллегорическая форма популярного преподнесения религиозно-философских и моральных истин зачастую приближает текст такой (богословской или философской по своему содержанию) проповеди к художественной речи, например:

«Сколько семян упало напрасно! Сколько было задушено бурьяном, сколько семян оказалось без корня! И только одно выросло на доброй почве и дало плод. Что это значит? Это значит, что Слово Божие, Дух Божий, сила Таинств, которые дает нам Церковь, – все это может оказаться напрасным и бесплодным. Потому что участь Божьего семени зависит также от того, на какую почву оно упало. Как бы ни была велика сила Слова Божьего, Его спасающей благодати, если мы с вами, наше сердце, наша душа, вся наша жизнь не будут готовы принять этот Божественный дар – все окажется бесполезным» (Протоиерей А. Мень. Проповеди по евангельским чтениям).

Б. *Агитация*. Если полагать, что критериями определения функционального стиля являются, во-первых, сфера его использования, во-вторых, основная функция, то с этой (типовой) точки зрения публицистический стиль есть разновидность литературного языка, используемая в сфере публичного общения в воздействующей функции. Соответственно, проповедь, используемая в агитационных целях, попадает в сферу действия публицистического стиля:

«Аще тако о высокой державе от Бога нам заповедуется, то каковыя вины извинят нас, аще кто державе не повинится дерзнет! И аще противится Богу самому противляйся влаstem строптивым и Бога не знающим, то кое воздадим слово, не просто противляющеся, но и большее

держающе на монарха благоверного и толико Россию пользовавшаго, яко от начала государства Всероссийского, еликаго могут обрестися истории, сему равного не покажут. Ибо понеже на двоих сих вся государственная должность висит, на гражданском, глаголю, и воинском деле» (Феофан Прокопович. Проповедь «Слово о власти и чести царской»).

Еще академик М.П. Алексеев (1896–1981), рассматривая процесс становления публицистического стиля Нового времени, подметил: «Духовная проповедь начала XVIII века прониклась *злойбой дня* [курсив наш. – В. М.], превратившись по существу в публицистический литературный жанр» [3]. Эту же «злобу дня» нередко наблюдаем и в современной проповеди:

«Греческое слово “кризис” на русский язык переводится как “суд”. Всякий кризис в жизни есть суд Божий, а суд Божий отделяет правду ото лжи, суд Божий обнажает человеческую неправду. И если сегодня экономический кризис, значит, этот суд обнаруживает некую глобальную человеческую неправду. Кризис начался не в нашей стране, мы сейчас только чувствуем его холодное прикосновение, но, тем не менее, должны знать, что это суд Божий над человеческой неправдой, над алчностью, над непомерным желанием иметь как можно больше, над потерей контроля над своим потреблением, суд над стремлением богачествовать любыми средствами, забывая, что подлинные ценности, в том числе и деньги, есть результат человеческого труда, а не финансовых схем и операций» (Митрополит Кирилл Гундяев. Рождественская проповедь. 2009. 7 янв.).

С учетом приведенных фактов проповедь целесообразно охарактеризовать как жанр публичной религиозной речи, который, в зависимости от целей адресанта, может приближаться к сферам действия научного, художественного, публицистического стилей. Это означает, что проповедь не вполне однородна в функционально-стилевом отношении.

2. Могут ли публицистический стиль и религиозная речь быть противопоставлены по шкале «высокое – сниженное»?

Существует мнение, согласно которому церковно-религиозный стиль «близок к публицистическому стилю, так как в нем язык используется в своей агитационной функции..., однако, в отличие от публицистики, здесь используются... слова и выражения, принадлежащие высокому стилю» [1. С. 15]. Однако для религиозного дискурса бывают характерны моменты *нарочитого снижения стиля*. В греческой риторике данная тактика именовалась *бáтосом* [*βάθος* «глубина»]:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Ночь, темнота, вокруг тишина. Земля спит под снежным убором и стужа, холод зимний сковали жизнь. Эта ночь и эта зима являют собой символ. Человечество в лице первого человека и в лице всех нас с вами выбрало путь в никуда. И *галопом и с гиком* бежит в это бездонное ни-

куда. Господь сотворил человека и жизнь. Бог не творил греха и смерти. Смерти не существует. Есть Бог, есть жизнь, есть радость, есть любовь. Но когда Адам избрал путь не с Богом, он не обрел смерть, он не обрел погибель, он не обрел бесцелие, бессмыслицу, он обрел нечто более худшее. Бог не творил смерть, но человек, отказавшись от Бога, источника жизни, впал в нежизнь. *Эх, умереть бы, вот была бы радость! Сдохнуть раз и навсегда, отмучиться от всего.* Но не получится, нет возможности. Господь сотворил нас бессмертными и, отрекаясь от Бога, мы впадаем в нежизнь» (Протоиерей Владимир Головин. Проповедь «Рождество Христово»).

3. Может ли религиозная речь приобретать ораторское звучание?

Если рассматривать ораторскую речь как агитационно-убеждающий тип публичной речи, то следует принять точку зрения Д.Н. Шмелева, который относит к публицистическому стилю «ораторскую речь, близкую ему по функции, а соответственно и по своему строению» [5]. Альтернативное мнение о том, что «ораторская форма речи неоднородна и тяготеет по ряду своих черт к тем функциональным стилям и соответствующим сферам, в которых она проявляется» [6. С. 132], как кажется, отождествляет ораторскую речь с публичной.

Если считать ораторскую речь видом публицистического стиля, то с этой точки зрения проповедь может быть охарактеризована как жанр, который в определенных ситуациях, например при разработке тем «на злобу дня» (М.П. Алексеев), может приобретать черты публицистической и даже ораторской речи. Такое сближение проповеди с ораторской речью нередко осуждается – видимо, потому, что духовные ценности нуждаются скорее в осторожном, ненавязчивом разъяснении (с использованием таких тактик косвенного поучения, как аллегория, хрия и др.), чем в прямой пропаганде и агитации. Именно поэтому как компонент проповеди часто используется хрия (*хрия* – в одном из пониманий: краткий и (в отличие от аллегории) семантически одноплановый рассказ о каком-либо происшествии, используемый с целью дидактического разъяснения, т. е. «суть хрии есть наставление (*διδασκαλία*)» [7]):

«Я помню, одна маленькая девочка из воскресной школы подошла ко мне и говорит: “Батюшка, я так хочу поститься, а мама с папой не разрешают. Говорят: молиться учись, в церковную школу ходи, но уродовать тело мы тебе не дадим. Благословите меня поститься”. Я ответил ей: “Доченька, что же будет тогда в семье? Нет, твой главный пост – почитать мать и отца и делать, как они говорят. Но я только спрошу, что ты больше всего любишь?” Она подумала и сказала: “Наверное, шоколадки”. – “Вот от них и удержишься постом”. Она вздохнула: “Весь пост без шоколадок, даже постных?” – “Да, да, моя радость, весь пост”. Вздохнула еще раз и, благословившись, понесла свой подвиг. И здесь было

немало для нее» (Протоиерей Владимир Головин. Проповедь «Великий пост строго проведем»).

Прислушаемся в этой связи к мнению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II (1929–2008): «Любая проповедь должна отвечать на насущные проблемы духовной жизни, показывать, как в условиях современной жизни исполнять заповеди Божии. К сожалению, нередко проповедь превращается в ораторскую речь...» [8]. Впрочем, как показывает история, вряд ли священник может всегда и вполне быть отрешен от мирской суеты и злободневных тем, никак не проявляя свою гражданскую позицию. Вспомним в этой связи проповеди тех служителей церкви (протопопа Аввакума, Феофана Прокоповича и др.), которых принято именовать *церковными ораторами*.

Ораторская тональность может возникать и в жанре послания, например:

«Священное Писание учит нас: “Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит” (Мф. 12:3). Наш народ, измученный социальными и экономическими проблемами, ожидает от Церкви примера миролюбия, веротерпимости, внимания, доброты друг к другу. Мы единоклюбы в понимании необходимости совместно искать пути исцеления человеческой враждебности и предпринимать шаги к примирению, ибо так заповедал нам Господь наш Иисус Христос (2 Кор. 5:3-19). Искусственное противопоставление верующих одного вероисповедания, одной нации, кроме скорбей и вражды не принесет ничего и только навредит нашему общему миру» (Митрополит Киевский и всея Украины Владимир. Рождественское послание. 6.01.1994).

4. Каково отношение религиозной речи к художественному стилю?

Церковно-религиозный стиль определяется как «стиль церковных книг, проповедей священников, в частности, стиль русского перевода библейских книг», видом его считается агиографический стиль [9]. Между тем еще В.О. Ключевский отметил, что «жития древнерусских святых по своей литературной форме, установившейся к XVI веку, могут быть причислены к художественным назидательным» [10]. В.В. Виноградов также указывает на то, что «специфические свойства художественности речи обнаруживаются в таких жанрах, как жития святых» [11]. Чтобы убедиться в справедливости данного мнения, рассмотрим следующий текст:

«Мать Матроны решила отдать будущего ребенка в приют кн. Голицына в соседнее село Бучалки, но увидела вещий сон. Еще не родившаяся дочь явилась Наталии во сне в виде белой птицы с человеческим лицом и закрытыми глазами и села ей на правую руку. Приняв сон за знамение, богобоязненная женщина отказалась от мысли отдать ребенка в приют» (Житие блаженной Матроны Московской).

В основе данного текста лежит *дескрипция* – фигура описания объекта (в данном случае – событийной цепочки) «путем перечисления реальных или выдуманных *наблюдаемых* [курсив наш. – В.М.] деталей» [12]. Видом дескрипции является прагматография [греч. *πράγμα* «действие», *γράφω* «описываю»] – описание события, видом прагматографии считается хрия. С помощью слов дескриптивной, т.е. «наблюдаемой», изобразительной и, в частности, конкретной семантики создаются *художественные образы*. Дескрипции сравнивают с *картинами*, писателя называют *художником слова*; эта же метафора лежит в основе терминов *художественная литература* и *художественная речь*; именно последняя наиболее ярко реализует изобразительную функцию языка. Эти же типовые свойства наблюдаем и в притче, представляющей собой аллегорическую, т.е. семантически двуплановую дескрипцию события.

Если обратиться к рассмотрению стиливого характера молитвы, то оказывается, что она: а) тяготеет к высокому стилю, поскольку обращена к Богу или святому; б) бывает эстетична по своей форме, регулярно использует изобразительные средства, что сближает ее с художественной речью:

«О, Господень Великий Архангеле Михаиле! Демонов сокрушителю, запрети всем врагам, борющимся со мною, и сотвори их яко овцы, и смири их злобные сердца, и сокруши их яко прах перед лицом ветра.

О, Господень Великий Архангеле Михаиле! Архистратиге, шестокрылый первый княже, воевода Небесных Сил – Херувим и Серафим и всех святых.

О, Угодный Михаиле Архангеле! Хранителю неизреченный, буди нам великий помощник во всех бедах, скорбях, в печалях, в пустынях, на распутьях, на реках и на морях тихое пристанище...» (Молитва Архангелу Михаилу).

Эстетичности формы (в частности, синтаксическую ритмизацию) здесь обеспечивают: а) изóколон – нагнетание соразмерных по длине синтаксических единиц (фраз и синтагм); б) гипозевкис в сочетании с библейским по своему происхождению, а значит, торжественным по своей тональности полисиндетоном на «и» (*и сотвори их яко овцы, и смири их злобные сердца, и сокруши их яко прах*); в) синтаксическая анафора (за счет повтора обращения); в) хиазм (*Архангеле Михаиле – Михаиле Архангеле*). Декоративность и изобразительность создают: а) эпитеты (*шестокрылый, тихое*); б) перифразы (*демонов сокрушителю, воевода Небесных Сил*); в) образные метафоры (*перед лицом ветра, тихое пристанище*); г) сравнения (*яко овцы, яко прах*) и др.

Если полагать, вслед за О.А. Крыловой, что функцией церковно-религиозного стиля является религиозно-просветительское, религиозно-пропагандистское и воспитательно-дидактическое воздействие [13], то молитву никак нельзя отнести к указанному стилю, поскольку она, по

верному наблюдению А.Д. Шмелева, «обладает совсем иным иллюквативным потенциалом» [14. С. 613].

5. Каково отношение религиозной речи к официально-деловому стилю?

Рассмотрим фрагмент текста, принадлежащего жанру монастырского устава: «В случае отлучки, болезни или смерти Настоятеля во временное отправление его обязанностей вступает Казначей монастыря, получающий в таких случаях наименование Заместителя Настоятеля монастыря». В данном примере налицо такие характерные приметы специальной (т. е. научной и официально-деловой) речи, как использование: а) описательных предикатов (ср.: *наименоваться Заместителем* → *получить наименование Заместителя*); б) полипропозитивных структур (ср.: *в случае, если Настоятель отлучится* → *в случае отлучки Настоятеля*). С этой точки зрения трактовка выражений, подобных рассмотренному нами, как принадлежащих «церковно-религиозному стилю» [15] не выгладит вполне убедительно.

А.Д. Шмелев справедливо указывает на то, что «богословские трактаты принято писать научным стилем», «бытовой разговор на религиозную тему ведется в значительной мере средствами разговорной речи», для «официальной документации церковного прихода» характерен официально-деловой стиль [14. С. 614]. Продолжим эту логическую цепочку: для жанра проповеди, в зависимости от ее целей, могут быть характерны научный, художественный либо публицистический и, в частности, ораторский стиль.

6. Не представляются вполне отточенными основополагающие формулировки, связанные с понятийным аппаратом церковно-религиозного стиля.

Так, О.А. Крылова называет среди жанров этого стиля проповедь, церковное послание, надгробное слово, исповедь, а далее указывает на такую черту данного стиля, как «обращенность к массовому адресату» [16. С. 184, 191]. Однако исповедь обращена не «к массовому адресату», а к Богу, священник выступает лишь свидетелем исповеди.

Высказывается также мнение о том, что «тексты, выдержанные в церковно-религиозном стиле, обращены к массовой аудитории, следовательно, представляют собой *публичную* [здесь и далее курсив наш. – В.М.] официальную речь, а *потому* церковно-религиозный стиль является книжным *функциональным стилем* кодифицированного литературного языка» [Там же. С. 614–615]. Однако из того факта, что церковно-религиозная речь публична, не вытекает (*non sequitur*) то, что она является «функциональным стилем», ибо в функциональном отношении публичная речь многостильна, т.е. может быть: а) научной (например, лекция как жанр академического красноречия); б) официально-деловой, в частности судебной (например, защитительная речь как жанр судебного красноречия); в) публицисти-

ческой (как, например, программа «Однако» с Мих. Леонтьевым) и т.д. Критерием принадлежности к функциональному стилю является, как уже было отмечено нами, не только сфера использования (например, «массовая аудитория»), но и функция. Так, для публицистического стиля, используемого в сфере публичной (в том числе и массовой) коммуникации, системообразующей является инфлюативная функция, в частности агитационное воздействие. С данной функцией вполне могут быть соотнесены проповедь и послание, но никак не исповедь.

М.Н. Кожина полагает, что понятия дискурса и функционального стиля «очень близки между собой», отмечая, что «постепенно происходит их сближение, иногда говорят о синонимичности этих направлений», а также указывая, со ссылкой на цитируемую нами далее статью Ю.С. Степанова, на то, что «введение термина-понятия *дискурс* [в начале 70-х гг. – В.М.] было связано с необходимостью заполнить отсутствие в англосаксонской традиции понятия “функциональный стиль”» [6. С. 191, 200]. Нельзя, однако, не согласиться с мыслью о том, что в современной науке о языке «дискурс не может быть сведен к стилю» [17], поскольку «функциональное единство и тематическое единство – это совсем не одно и то же» [14. С. 613], например:

«Дорогие братья и сестры [здесь и далее курсив наш. – В.М.], дорогие друзья, здравствуйте. В связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне, в связи с воспоминаниями, касающимися периода войны, в связи с последующими историческими дискуссиями, с тем, как война и Победа воспринимались в 90-е годы и в последние полтора десятилетия, в обществе и в контексте *внутрицерковной дискуссии* часто задается вопрос: а правильно ли воевали тогда советские люди, в том числе русские, украинцы, белорусы, за свою страну? Не нужно ли было отдаться на милость победителей, обратить оружие против *безбожной* советской власти и достичь большего единства с теми, кто тогда выступал против нас, – с гитлеровцами, или с теми, кто мог прийти им на смену после неизбежной кончины человеконенавистнического и поэтому непрочного гитлеровского режима?» (Протоиерей В. Чаплин. Комментарий недели. Телеканал «Союз». 2015. 4 июня).

Лишь выделенные курсивом слова связывают данный образец ораторской прозы с тематической сферой религии. Если (в порядке стилистического эксперимента) их опустить, эта связь теряется. Если же произвести субституцию (*братья и сестры* → *колеги*; *внутрицерковной* → *текущей научной*; *безбожной* → *вынужденной*, в силу известных исторических причин, *принимать непопулярные решения*) и вложить эту речь в уста, к примеру, ученого (*протоиерей* → *академик*), то изменится не стиль, а его тематическая тональность.

Думается, что за трактовкой церковно-религиозной речи не как «тематического единства», а как функционального стиля стоит если не отождест-

вление, то нежелательное сближение понятий «дискурс» (религиозный, медицинский, военный, политический и др.) и «функциональный стиль».

Литература

1. Крысин Л.П. Современный русский язык: лексическая семантика, лексикология, фразеология, лексикография. М., 2007. С. 15.
2. Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Научный стиль речи. М., 1976. С. 178.
3. Алексеев М.П. Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы. М., 1980. С. 39.
4. Δημητρίου Φαληρέως περί Ἑρμηνείας. Glasgae, 1743. С. 7.
5. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977. С. 64.
6. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. М., 2010. С. 132.
7. Σχόλια εἰς τὰ τοῦ Ἀφθόνιου προϋμνάσματα // Rhetores graeci, ex codicibus Florentinis, Mediolanensibus, Monacensibus, Neapolitanis, Parisiensibus, Romanis, Venetis, Taurinensibus et Vindobonensibus / Ed. Ch. Walz. Vol. II. Stuttgartiae et Tubingae, 1835. P. 585.
8. Алексей II. Церковь и духовное возрождение России. М., 2000. Т. 2. С. 81.
9. Романова Н.Н., Филиппов А.В. Стилистика и стили. М., 2015. С. 112, 115.
10. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. М., 1989. Т. 7. С. 70.
11. Виноградов В.В. История русского литературного языка. М., 1978. С. 112.
12. Lausberg H. Handbook of literary rhetoric. Leiden, 1998. P. 359.
13. Крылова О.А. Церковно-религиозный стиль // Стилистический энциклопедический словарь. М., 2003. С. 614.
14. Шмелев А.Д. Языковые особенности различных видов религиозного дискурса // Язык в движении. К 70-летию Л.П. Крысина. М., 2007.
15. Мишланов В.А., Худякова Е.С. О жанровой специфике текстов церковно-религиозного стиля // Филологические заметки. Т. 2. Пермь, 2008. Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/45727212.pdf>
16. Крылова О.А. Лингвистическая стилистика. Теория. М., 2006. Кн. 1.
17. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века. Сб. статей. М., 1995. С. 41.

Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
(ВГСПУ)

Нелюбие, недружба
у Г. Котошихина

© И.Н. ШЕМЕЛИНИНА,
кандидат филологических наук

В статье анализируются слова *нелюбие*, *недружба* как обозначение вражды в сочинении Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича». Использование в текстовом пространстве Котошихина языковых средств, выполняющих функцию передачи смысла «вражда», указывает на наличие значительного объема таких слов в период создания сочинения. В словарях современного русского языка они сохранились в качестве антонима к слову *дружба* или ушли из употребления, это говорит о том, что их интерпретационное поле связано с межличностными и межгосударственными отношениями в эпоху правления царя Алексея Михайловича.

Ключевые слова: *нелюбие, недружба, вражда, интерпретационное поле, Г. Котошихин.*

The present article is devoted to the analysis of the words *dislike*, *netugba* as verbalization of the concept of «hostility» in the essay G. Kotoshikhin «About Russia in the reign of Alexei Mikhailovich». Use the text space Kotoshikhin language means that performs a transmission function of the semantic component of «hostility», indicates the existence of a significant paradigm with the specified semantics in the language of the period of

creation of work, the members of which in dictionaries of modern Russian language has been preserved as an antonym to the word friendship or had fallen into disuse, which suggests that their interpretation field is related to interpersonal and inter-state relations of the people during the reign of Tsar Alexei Mikhailovich.

Key words: newbie, nadroga, interpretative field, G. Kotoshikhin.

Согласно словарям *нелюбье* – «раздор», «вражда», «гнев», «опала» [1]; «1. Раздор, вражда, гнев, неприязнь»; «2. Отсутствие любви, сердечной склонности»; сочетание с *нелюбви* трактуется как «против желания», «без согласия» [2]; «вражда», «ненависть», «отвращение», «нападки», «злоба» [3]; *недружба* – вражда, неприязнь, недоброжелательство; мн. враждебные действия, обиды. // Недружбу делати, недружбу чинити кому-либо – осуществление враждебных действий по отношению к кому-либо [2].

В сочинении Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» [4] *нелюбье, недружба* со стороны Московского царя к представителям / правителям иностранных государств, возможно, являются оправданными, так как они возникают вследствие негативного отношения к Российскому государству, в связи с чем осложняются международные отношения. Мысль о губительной силе вражды выражали русские святые, например Святой Тихон Задонский: «Если сердце человеческое враждой занято, то такие и плоды приносит: приносит ссоры, драки, убийства, обиды, злословия, клятвы, лесь, обманы, клевету, осуждение, презрение, уничтожение, насмешки и прочее тому подобное. А если любовь в сердце живет, то и плоды являются любезные, и как чистейшим очам Божиим, так и благоразумным людям приятнейшие» [5]. При этом слова *нелюбье, недружба* встречаются в одном лексико-семантическом варианте «раздор, вражда, гнев, неприязнь»: «Как бывает со окрестными государствами *нелюбье* и война... и говорит з бояры, что у него с-ыным государем учинилось *нелюбье*, и хочет он тому государю мстити недружбу войною». Посредством клишированной единицы *как бывает*, указывающей в данном фрагменте на неоднократно повторяющееся состояние непонимания и войны между государствами, сказуемые *говорить, учиниться, хотеть, мстить* и номинации, передающие негативную окраску *недружба, война*, выражают смысло содержание «напряженные отношения, противоборство государств, противостояние, перерастающие в вооруженную борьбу / столкновения».

Во фрагменте: «Посланы такие великие дары для того: как у Московского царя учинилося с королевским величеством Свейским *нелюбье* и война, и в то время царь писал к Датцкому королю, чтоб он против королевского величества помогал, стоял с ним за одно, и по тому его писму Датцкой король то и чинил» передается «чувство глубокой непри-

язни, нерасположения, в конечном итоге перерастающее в ненависть, злобу и приводящее к войне» и актуализирует семы «недружелюбие», «недоброжелательность», «ссора», «вражда». С помощью глаголов *писать, помочь, стоять, учиниться / чинить* словосочетание *королевское величество*, подразумевающее *царь, король*, конкретных субъектов власти – *Московский, Дацкий, Свейский*, передаются скрытые смыслы «дипломатичный подход в политических вопросах, ум, сообразительность, хитрость, выражающиеся в просьбе о помощи другого государства».

Котошихин обращает внимание на то, что между правителями государств весьма часто случались конфликты, приводившие к взаимной ненависти, возникновению разногласий по каким-либо политическим, экономическим и другим вопросам, а то и к полному разрыву отношений и вооруженным столкновениям. Это осмысливается за счет имени существительного *недружба*, употребленного в значении «вражда, злоба»: «Учинилося у Московского царя с Полским Яном Казимиром королем *недружба* и война, а потом и с королевским величеством Свейским»; за счет глагола *учиниться*, а также существительного *война*. «В роли конституирующих дискурс ненависти смыслов могут выступать сопряженные с чувством ненависти такие понятия, как враждебность, злоба, агрессия и др.» [6]. Во фрагменте: «Хочет он (царь) тому государю мстити *недружбу* войною: и власти... положат воинским людем збор, столником, и стряпчим, и жилцом, и дворяном и детем боярским городовым, и казаком, и стрелцом, и салдатом, и Татаром» значение «ссора», «обида» закрепляет смысл «нежелание мирного сосуществования / урегулирования конфликта». С помощью единиц специальной лексики *дворянин, дети, жилец, казак, солдат, стольник, стрелец, стряпчий, татарин* дается указание на сбор участвующих в военных действиях лиц.

Котошихиным, на наш взгляд, отчетливо заявлена проблема ценности человеческой личности, жизни: «А будет человек солжет, скажет на них напрасно, по *недружбе*, а они будут пытаны и не винулись, а после того тот же человек скажет, что он тех людей поклепал напрасно, и такова еще учнут пытати накрепко, с первой пытки на них сказывал, а после зговаривает не по научению ль чьему». В данном фрагменте передается явный смысл «обида», «зависть», «неприятель», «злоба», «недоброжелательность», а также «враждебность по отношению к подозреваемому / подозреваемым». С помощью глаголов *солгать, сказать, пытать, поклепать, виниться* воплощается смысло содержание «ложное донесение, клевета, возможно, с определенной целью и как следствие – несправедливое наказание». Негативный оттенок достигается за счет глагола *пытать*: «А будет с пыток учнет говорить, что солгал напрасно, по *недружбе*, и такова одного казнят смертию, а по тех по всех соберут поруки и высвободят». В данном фрагменте слова *пытка, казнь* указывают на телесное наказание; *порука* – на ручательство; *высвободить*,

говорить, казнить, солгать представляют смысловую характеристику «физическое насилие с целью принуждения / побуждения к даче правдивых показаний; торжество справедливости».

Однако царю Алексею Михайловичу не было чуждо «совершение благого для человека, понимая при этом важность учиненного перед Господом» [7]. Стоит отметить подробное описание Н.Д. Чечулиным того, что царь Алексей Михайлович искал в своем окружении людей, на которых можно было бы положиться, связанных с ним искренней духовной связью. Не формальной службы царь требовал от них, а «преданности личной, сердечной; всего дороже ему их нелицемерная служба и послушание и радость к нему» [8].

В «Сочинении» затрагиваются и вопросы межличностных отношений. «Внутренний мир человека в сформировавшемся гуманитарном пространстве без добра также немислим – оно основа человечности, центр нравственного содержания личности» [9].

На наш взгляд, Котошихин предосудительно относится к разрешению дел по дружбе, обещаниям. Контекст позволяет указать на бинарность оппозиции *недружба / дружба* (посулы) ибо, описывая рассмотрение дел, автор обращает внимание на факт разрешения конфликтных ситуаций / неправомерных действий либо по обещаниям, либо по враждебным осознанным действиям, например: «А суд был, и дело вершено по правде, а не по *недружбе* и не по посулам» и актуализирует смысл «наговор», «предвзятость». Стоит заметить, что слово *недружба* автор употребляет, скорее всего, как используемый в деловой бумаге юридический термин.

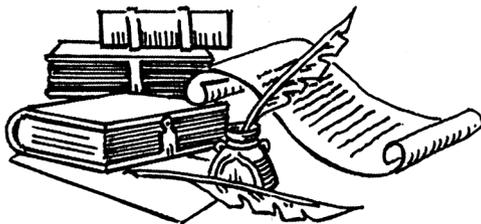
Таким образом, при исследовании вербализаторов *нелюбовь, недружба*, транслируемых в русской языковой картине мира периода правления царя Алексея Михайловича, мы можем констатировать, что данные слова становятся отражением действительности, основанным на способности Г. Котошихина как языковой личности воспринимать и оценивать окружающее. Он писал об устойчивых реакциях власти, связанных с наличием межгосударственных отношений, сопряженных с соперничеством, стремлением укрепить авторитет государства силой, поддержать собственные традиции и законы жизни, защититься от внешнего посягательства. В сочинении «О России в царствование Алексея Михайловича» Котошихин открыто пишет о враждебном отношении друг к другу не только правителей разных стран, но и людей одного государства, одной территории.

Исследование слов *нелюбье, недружба* также показало, что в лексике современного русского литературного языка произошли существенные изменения; лексема *нелюбье* уже не используется, а лексико-семантические варианты слова *недружба* интерпретируются в современных словарях как антонимы к слову *дружба*.

Литература

1. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. СПб., 1847. Т. 2. С. 438.
2. Словарь русского языка XVIII в. М., 1986.
3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.-М., 1905.
4. *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000.
5. Святитель Тихон Задонский. Житие, слова, наставления пастве, родителям и детям, священникам. Плоть и дух. М., 2003.
6. *Колосов С.А.* Конструирование социальной ненависти в дискурсе. Автореферат дисс. ... канд. филол. н. Тверь, 2004.
7. *Щемелинина И.Н.* Вербализатор добрый / Добро как репрезентант межличностных отношений в тексте соч. «О России в царствование Алексея Михайловича» [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2015. Т. 2. № 3. С.14.
8. *Чечулин Н.Д.* Государи из дома Романовых 1613–1913. Жизнеописание царствовавших государей и очерки их царствований. М., 1913. Т. 2.
9. *Леденёва В.В.* Слово Лескова. М., 2015.

*Московский государственный
областной университет*

Архаичные формы глагола у писателей XIX века

© Е.Е. СЕРЕГИНА

Автор статьи анализирует употребление церковнославянских форм прошедшего времени в литературной практике XIX века.

Ключевые слова: церковнославянский язык, славянизмы, аорист, имперфект, перфект, «Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа», «Опыты переводов апостольских посланий».

The article highlights the usage of church-slavonic past tense forms in XIX c. literary practice and also surveys the specifics of interpretation of slavonic preterites into the russian language of the same period.

Key words: the church-slavonic language, slavisms, aorist, imperfect, perfect, «The New Testament of our Lord and Saviour Jesus Christ», «Experience of the Epistles translation».

В церковнославянском языке сохраняется разветвленная система прошедших времен, которая в ранний исторический период была свойственна и древнерусскому языку. Перфект и плюсквамперфект являются аналитическими формами времени, аорист и имперфект представляют собой простые прошедшие времена. Каждое из временных образований характеризуется собственным грамматическим значением и определенными формальными показателями. Так, от глагола *нести* четыре формы прошедшего времени в церковнославянском языке в 1 л.ед.ч. будут иметь следующий вид: аорист – *несохъ*; имперфект – *несяхъ*; перфект – *несль (-а, -о) есмь*; плюсквамперфект – *несль (-а, -о) бехъ* (или *бяхъ*).

В литературных текстах XIX века востребованными оказались формы аориста, имперфекта и реже перфекта. На фоне адаптированных лексических и фонетических славянизмов (например *брег, град, перст, десница*) церковно-книжные формы претеритов (*претерит* – форма прошедшего времени в тех языках, которые не имеют различий между имперфектом и перфектом) воспринимались как особо выразительные грамматические и стилистические единицы. В романе Н.С. Лескова «Соборяне» одна из героинь на цитату из ветхозаветного текста «Соломон бе мудрейший из всех на земли сущих» отвечает так: «Нечего, нечего, – говорит, – вам мне ткать это ваше: *бе*, да *рече*, да *пече*; это ваше

бе, – говорит, – ничего не значит, потому что оно еще тогда было писано, когда отец Савелий еще не родился».

То, что к форме аориста 3 л. ед.ч. *бе* (был) приводится формально совпадающий по лицу и числу ряд других аористов (*рече* – сказал, *пече* – испек), свидетельствует о том, что архаичные формы прошедшего времени были узнаваемы и по аналогии успешно воспроизводимы от других глаголов. Более того, глагол *ткать*, так удачно подмеченный персонажем романа в отношении употребления аориста, действительно выявляет его особую роль – он, наряду с имперфектом, является основной повествовательной формой прошедшего времени, т.е. с помощью аористных форм развивается («ткется») повествование в текстах, написанных на церковнославянском языке.

В XIX веке интегрирование славянских форм прошедшего времени в литературные тексты осуществлялось различными способами. В большинстве случаев они содержались в цитате, ее перифразе или во фразеологизмах библейского происхождения: «Живи я в отдельности, я жил бы богачом, ну, а теперь...на реках Вавилонских *седохом* и *плакохом*...» (А.П. Чехов – Ал. П. Чехову) – формы аористов 1 л.мн. ч., ср.: «На реках Вавилонских, тамо *седохом* и *плакохом*» (Пс. 136,1); «Все послание было хорошо, но это место было прекрасно. Что ж? На третий день *мимо идох*, и се *не бе*» (Д.В. Дашков – Д.Н. Блудову) – формы аористов 1 л. ед.ч. и 3 л. ед.ч., например: «...и *мимо идох*, и се, *не бе*» (Пс. 36, 36). «Карамзин *роди* П. Сумарокова, Сумароков же *роди* Жуковского. Жуковский *роди* Каченовского, сей же *роди* Измайлова... (Д.В. Дашков – П.А. Вяземскому) – формы аористов 3 л.ед.ч.: «Авраам *роди* Исаака. Исаак же *роди* Иакова. Иаков же *роди* Иуду и братию его» (Мф. 1, 16). «Мал *бех* в братии моей, и если мой камышек угодил в медный лоб Голиафу Фиглярину, то слава создателю!» (А.С. Пушкин – А.А. Орлову) – форма аориста 1 л. ед.ч.: «Мал *бех* в братии моей и юнший в дому отца моего» (Пс. 151, 1). «И все это они делали “ничтоже *сумняшеся*”, и дешево и скверно» (Лесков. Котин доилец и Платонида) – форма имперфекта 3 л. ед.ч. в составе фразеологизма.

Впрочем, цитата из церковнославянского текста не являлась гарантом сохранения архаичного прошедшего времени, поэтому в литературной практике писателей встречаются замены «старых» форм на современные или архаичная и современная формы соседствуют в пределах одного предложения. Широко этот прием использует в своих письмах А.П. Чехов: «Не первый уж раз слышу я такое мнение об “Осколках” и всякий раз “*взыгрся* во чреве моем младенец”... (Н.А. Лейкину); «До меня давно уже дошла весть о Вашей семейной радости... не поздравил же Вас до сих пор, потому что мне было не до того, у меня у самого *взыгались* во чреве младенцы – от сильнейшей боли» (О.Г. и

Мих.П. – Чеховым). Фраза *взыгрися младенец...во чреве моем* восходит к евангельскому тексту (Лк. 1, 44).

У Чехова в обоих вариантах данное выражение по смыслу оторвалось от исходного (церковнославянского) контекста. В грамматическом отношении в первом примере глагол *взыгрися* соответствует первоисточнику и представлен формой аориста 3 л. ед.ч, во втором случае используется современная форма прошедшего времени *взыгрались* во множественном числе.

В другом письме Чехова можно отметить не только грамматические, но и текстологические вариации, состоящие из соединения различных церковнославянских текстов и форм прошедшего времени: «Правда, в лености житие мое *иждих*, без ума *смеяхся*, *объедохся*, *опихся*, *блудил*, но ведь это все личное» (И.Л. Леонтьеву-Щеглову). Первая часть фразы – в *лености житие мое иждих* восходит к покаянной стихире, которая поется на Повечерии во время Великого поста. В следующем фрагменте – *без ума смеяхся, объедохся, опихся* с незначительными перестановками приводится цитата из вечерней молитвы, например: «...или *объедохся*, или *опихся*, или без ума *смеяхся*» (Молитва 3-я, ко Пресвятому Духу). Все эти формы аориста *иждих*, *смеяхся*, *объедохся*, *опихся* (1 л. ед. ч.) в чеховском письме сохраняются в соответствии с церковнославянским первоисточником. Последний глагол – *блудил* дается в современной форме, его появление на фоне предшествующих аористов свидетельствует о финале цитатной части.

Можно отметить примеры нарушения грамматического согласования архаичных форм: «Чему *посмеяхомся*, тому же и *послужиша*, – несколько раз повторил Кукушкин, имевший, кстати сказать, неприятную претензию щеголять церковнославянскими текстами» (Чехов. Рассказ неизвестного человека). Аористы употребляются во множественном числе, но не совпадают по формам лица: *посмеяхомся* (мы посмеялись) – 1 л., *послужиша* (они послужили) – 3 л. Авторские слова поясняют причину подобного нарушения – языковое позерство персонажа, причем в реальности церковнославянская фраза в таком виде не существует. Считается, что это чеховский перифраз русской пословицы, представленной в сборнике В.И. Даля, «чему посмеешься, тому поработаешь». Безусловная архаичность славянских притеритов сказывалась и в том, что в тексте они часто представляли собой застывшие, неизменяемые формы, которые не участвовали в смысловом и формальном согласовании с другими членами предложения: «И все это они делали “ничтоже сумняшесь”, и дешево и скверно» – форма имперфекта (сумняшесь) употребляется в ед. числе при главных членах предложения во множественном числе, т.е. в этом случае заимствованная из церковных текстов фраза используется как наречное выражение.

Значительно реже встречаются «свободные» (не в составе фразеологизма или цитаты) формы прошедших времен, из которых наиболее употребительным является аорист, реже встречается перфект. У И.С. Тургенева в рассказе «Льгов» есть следующие строки: «Под сим камнем погребено тело французского подданного, графа Бланжия; *родился* 1737, *умре* 1799 года, всего жития его было 62 года». Распределение современной и архаичной форм – *родился* и *умре* (аорист 3 л. ед.ч.) может быть обусловлено стремлением придать основательность сообщению о факте смерти, заключив его в архаичную «одежду». Языковая пестрота записи осложняется еще и экстралингвистическим фактором: именно «французский подданный», по всей вероятности, при жизни не обладавший способностью оценить переключение языкового регистра – с русского на славянский, удостоился возвышенной записи. Надо отметить, что аорист *умре* (или *помре*) используется в самых разных литературных источниках. Так, А.С. Пушкин пишет в письме к Наталье Николаевне Пушкиной: «Теперь из богатых женихов остался один Новомленский, ибо Сорохтин, ты говоришь, *умре*»; или у М.Е. Салтыкова-Щедрина (Медведь на воеводстве): «Рассердился Топтыгин и потребовал, чтобы к нему привели Магницкого, дабы его растерзать... но получил в ответ, что Магницкий, волею божией, *помре*». Можно полагать, что «старые» формы прошедшего времени, как и другие славянизмы, часто встречающиеся в церковно-книжных текстах и потому бывшие на слуху, могли использоваться и в речевом обиходе.

Архаичные временные образования можно обнаружить в литературном наследии «Арзамаса»: «А из недвижных уст, казалось, исходил грозящий голос: “Чадо, возвратися вспять в Беседу вторую, из нее же *исшел еси*”» – форма перфекта 2 л. ед.ч. Или: «*Усне* ревностный товарищ Политковских и Галинковских! Делатель прилежный беседного винограда дурных стихов и тяжелой прозы, *почил есть*». Употребление форм прошедшего времени *усне* (аорист 3 л.ед.ч.) и *почил есть* (перфект 3 л. ед.ч.) перемещают высокие слова о смерти в ироничный контекст. Как известно, члены литературного объединения обыгрывали обряд французской академии, когда в память об умершем академике произносилось надгробное слово и сразу же вслед за этим избирался новый.

Оформление прошедшего времени по нормам церковнославянского языка – если речь идет о свободно употребляемых формах, обычно получали глаголы книжного происхождения. Например, первое слово в составе перфекта *благодетел еси* является составным образованием и относится к книжной лексике; глаголы *уснути*, *почити* использовались в древнейших церковнославянских текстах в значении «умереть»; а в первом компоненте формы перфекта *исшел еси* содержится церковнославянская по происхождению приставка *ис-*, соответствующая русской *вы-*. Таким образом, для нейтрального (не связанного с церковной лек-

сикой), а тем более разговорного слова, возможность получить оформление в соответствии с церковнославянскими нормами сводилась к минимуму.

Как было отмечено, каждое из прошедших времен в церковнославянском языке характеризуется собственным грамматическим значением: аорист обозначает действие, завершённое в прошлом, имперфект – длительное прошедшее действие, перфект – действие в прошлом, результат которого актуален в настоящем. Трудно сказать, осознавались ли писателями эти семантические различия между архаичными претеритами, когда они переносились в русский текст, вероятнее всего, присутствовал расчёт на внешний эффект, т.к. на фоне славянизмов поэтических текстов аорист или перфект, безусловно, представляли мощную архаичную волну. В то же время практика переводов церковнославянских текстов на русский язык показывает, что авторы этих переложений не безразлично относились к передаче грамматического значения славянских претеритов, пытаясь соотносить их семантику с адекватными грамматическими показателями в системе русского языка. Особенно это касается простых форм прошедшего времени – аориста и имперфекта. За примерами, иллюстрирующими такие замены, можно обратиться к практике переводов текстов Священного Писания – это «Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа» в переложении В.А. Жуковского и «Опыты переводов апостольских посланий» А.С. Хомякова.

Замены в системе церковнославянских прошедших времен показывают, что на месте форм аориста, как правило, находятся глаголы прошедшего времени совершенного вида: *прииде* (аорист 3 л.ед.ч.) – *пришел* (Жуковский), *пришел* (Хомяков); *приясте* (аорист 2 л.мн.ч.) – *прияли* (Жуковский), *приняли* (Хомяков). Таким образом, значение форм аориста – завершённое действие в прошлом в русском переводе поддерживается грамматической категорией совершенного вида, тем более и в церковнославянском языке формы аориста обычно (но не обязательно!) образуются от глагольных основ совершенного вида. Встречаются и более сложные случаи, когда необходимо было заменить аористы бесприставочных глаголов типа *веровати*, *писати*, *видети*, которые в русском языке относятся к несовершенному виду и не могут передавать значение ограниченности действия, заложенное в семантике аориста. В этих случаях переводческое решение Жуковского и Хомякова обычно совпадало. Так, аористы *писахъ* (1 л. ед.ч.), *верова* (3 л. ед.ч.), *веровахом* (1 л. мн.ч.), в русских переводах передаются как *написал* (Жуковский, Хомяков), *уверовал* (Жуковский) и *поверил* (Хомяков), *уверовали* (Жуковский, Хомяков), т.е. все они заменяются глаголами совершенного вида. Этот выбор был продиктован общим смыслом фразы, например, в Послании ап. Павла к галатам (2, 16): «...и мы во Христа Иисуса *веровали*, да оправдимся от веры Христовы». В переводе Жуковского: «и мы

уверовали во Христа Иисуса, дабы оправдаться верою Христовою...»; у Хомякова: «...мы уверовали во Иисуса Христа, да оправдимся верою во Христа...».

Формы имперфекта чаще передаются глаголами прошедшего времени несовершенного вида и у Жуковского, и у Хомякова, что соответствует специфике их образования в церковнославянском языке, но не является обязательным условием. Итак, форма имперфекта *разрушаше* (3 л. ед.ч.) у Жуковского дается с лексической заменой – *истребить старался*, у Хомякова – *разрушал*; *гоняше* (3 л. ед. ч.) – *знал* (Жуковский, Хомяков); имперфект *течаше* (2 л. мн. ч.) у авторов переложений сопровождается лексическими заменами, при которых сохраняется несовершенный вид глагола – *шли прямо* (Жуковский), *хорошо бежали* (Хомяков). Несмотря на определенную логику перевода, грамматическая переработка церковнославянского текста осуществлялась по более сложной схеме: аористы могли заменяться глаголами прошедшего времени несовершенного вида, а имперфекты – совершенного, также на месте аористов встречаются причастия, деепричастия, не всегда у авторов переводов сохраняется временной план высказывания, например у Хомякова: *отлучашеся* (имп. 3 л. ед.ч.) заменяется на *отделился* (глагол сов.в.), *упразднистесея* (аор. 2 л.мн.ч.) – *отчуждается* (глагол наст.вр.), *ни взыдох* (аор. 1 л. ед.ч.) – *не ходил* (глагол несов.в.). Или пример из перевода В.А. Жуковского с заменой форм аориста причастиями: «...Иже *премениша* истину Божию во лжу, и *почтоша* и *послужиша* твари паче творца» (Рим. 1, 25) – «... Ихъ, *обративших* истину Божию в ложь, *поклонявшихся* и *послужившихъ* тварямъ паче Творца». Очевидно, что авторы переводов владели грамматикой церковнославянского языка и свободно ориентировались в церковно-книжной литературе, без этого невозможно было бы приступить к переводу новозаветных текстов. Однако система славянских форм прошедшего времени не воспринималась в качестве грамматических оков, и переводчики в большей степени были озабочены поиском адекватных лексических замен, стремясь к точной передаче смысла и ясности изложения.

Литература

1. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. М., 1977. Т. 8.
2. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Перевод В.А. Жуковского. Берлин, 1895.
3. Хомяков А.С. Сочинения богословские. СПб., 1995.

Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет
Москва

РУССКИЙ ТОСТ

© Т.В. АННУШКИНА

В статье описывается русская традиция создания и произнесения тостов, ее истоки, а также делается попытка классификации тостов в современной речевой культуре по жанровым, содержательным и стилистическим признакам.

Ключевые слова: тост, торжественная речь, традиции, тематика, жанровые особенности.

The article details the Russian tradition of creating and delivering toasts, as well as its origins. An attempt is also made to classify toasts in modern oral culture along the lines of genre, content and style.

Key words: toast, declamation, traditions, theme, genre features.

Любому иностранцу, знакомящемуся с русскими людьми и культурой в целом, не может не броситься в глаза особое гостеприимство и хлебосольство, которые несомненно выражаются в типах речевого контакта, организации общения, содержания и стиля речи. Эти своеобразные лингвокультурологические черты становятся исключительно заметны в обстановке застолья – делового или семейно-бытового. В современном русском застолье сохраняются старинные традиции, над которыми не властны тенденции глобализации и нивелировки культур, потому наше застолье отлично как от западноевропейского, так и от грузинского, о влиянии и сопоставлении с которым будет сказано далее.

Россия по праву гордится своеобразием и богатством своей национальной культуры. Одним из преобладающих качеств и свойств этой культуры является *душевность*, выражаемая в своеобразных формах благорасположения и гостеприимства. Не случайно одним из самых популярных существительных в русском языке, согласно материалам Национального корпуса русского языка [1], является слово *душа*.

В повседневной жизни мы *от души желаем, просим, радуемся* или *благодарим*. Мы *от души говорим, душа жалуется*, мы *открываем, вынимаем*, а порой *выкладываем душу*. У простого русского человека *душа нараспашку*, а *заячья душа* в нашей культуре, скорее, не одобряется.

Именно *душевность* русского народа порождает такие признаки русского характера, как *гостеприимство*. У слова *гостеприимство* есть синоним *хлебосольство*, которое связано с идеей угощения и приветствия «хлебом и солью». Как отмечает И.В. Чирич, хлебосольство воспринимается в межкультурном общении как специфически русская черта: можно сказать *русское хлебосольство*, но странно звучали бы словосочетания *французское хлебосольство* или *итальянское хлебосольство* [2. С. 47].

Русское хлебосольное застолье становится душевным благодаря традиции застольного общения, где не последнюю роль играет произнесение тостов. Мы не раз слышали от иностранцев, что именно в застолье они могли особенно почувствовать сущность русской души и необыкновенную душевность. Застолье же невозможно представить себе без доброго и искреннего речевого общения – и это отмечено еще в «Домострое»: «люди собираются не ради еды и питья, а для доброй ради беседы и для науки» [3. С. 230]. Впрочем, вопрос истоков застольного красноречия – спорный и интересный. Многие древние культуры рассматривали распитие вина как ритуал, полагая, что в состоянии опьянения можно соединиться с Богом. Геродот писал о традиции древних персов обсуждать «самые важные дела за вином», принимать же решение можно лишь в случае его повторного одобрения в трезвом виде на следующий день. И наоборот: решение, принятое трезвыми, еще раз обсуждается во хмелю [4. С. 55].

Согласно определению в «Словаре русского языка» Д.Н. Ушакова, слово *тост* – это «застольное пожелание, предложение выпить вина в честь кого-чего-н., здравица». Таким образом, и сегодня описываемая традиция ассоциируется в русской культуре именно с винным напитком, что подтверждает ее древнегреческие корни [5. С. 402].

Если относительно места зарождения традиции произнесения тостов возникают сомнения, то о временных рамках можно говорить точнее, проанализировав несколько источников. В диалоге Платона «Пир» говорится о Сократе, пьющем вино с друзьями, которые произносят речи, однако о фигуре руководителя застолья в тексте ничего не говорится. Во времена же Александра Македонского (356–323 гг. до н.э.) традиция говорить тосты уже существовала. Например, когда Аристон, один из руководителей армии Македонского, показав голову убитого им врага, сказал Александру: «За такой подарок взамен дают золотого кубка», тот ответил со смехом: «Правду говоришь, но пустую. А я выпью тост за тебя, и полную с вином передам тебе» [6. С. 428]. Таким образом, можно

предположить, что традиция произнесения тостов во главе с руководителем застолья зародилась в промежутке между V–IV веками до н.э.

Фигура руководителя застолья имеется и в Библии: на браке в Кане Галилейской, где Господом вода будет превращена в вино, гости говорят «архитриклинови: вина не имут. Архитриклин же рече: наполните водоносы воды...». *Архитриклин* (греческое слово, имеющееся в церковнославянском тексте) – руководитель застолья. Греческое слово не прижилось в русском языке, но в переводах Евангелия оно употребляется как *распорядитель пира*.

Согласно исследованиям нашего современника Н.Я. Болквадзе, нельзя исключать, что такая традиция, как руководство застольем и произнесение тостов в строго установленном порядке, имела глубокие корни также в Колхиде (нынешней Грузии). Автор исследования приводит в пример легенду, согласно которой около 3500 лет назад древние греки прибыли в столицу Колхиды Кутаю (Кутаиси) в поисках золотого руна и были поражены гостеприимством колхидского царя и широтой застолья [7. С. 56].

Современное застольное красноречие, на наш взгляд, выражено в трех основных видах:

1) семейно-бытовое (ситуациями семейно-бытового застолья являются как семейные, так и государственные праздники);

2) профессионально-деловое (в этих речах серьезность мысли, официальность отношений и введение элементов профессионального дискурса должно оптимально сочетаться с элементами обыденно-бытового красноречия, стиль речи должен быть прост и понятен);

3) политико-государственное (к нему относятся официальные речи высших государственных лиц, которые произносятся на официальных приемах, в дни государственных праздников).

Современное русское застольное красноречие вполне сопоставимо с грузинским красноречием, свидетельством чего является не только заимствованное слово *тамада*, но и нередкие ссылки на кавказские притчи, рассказы, анекдоты, на «горцев» и «мудрых кавказских старцев». Тем не менее, совершенно очевидны различия между русским и грузинским тостами. На наш взгляд, они заключены в следующем:

1) грузинский тост более патриархален, ему свойствен аромат грузинского селения; русский тост более современен, склонен к интеллектуальной игре, он – из большого города;

2) отсюда же разные временные ощущения: в грузинском застолье никто никуда не торопится, поэтому тост многословен; русский тост не должен утомлять, но должен быть уместным;

3) в русском тосте более всего ценится остроумие, изящный поворот мысли (вплоть до иронии), ассоциативность, игра слов; грузинский тост прямо выражает мировоззренческие ценности, возвышенный стиль

в стилистически украшенной речи никого не смущает своей некоторой напыщенностью. Эта возвышенность и некоторые преувеличения призваны сделать аудиторию чище, честнее, добрее, пусть и через свойственную тостам приукрашенность речи. Русский слушатель не любит ложной декламационности, а в грузинском застолье элементы пространной декламации естественны, они не нарушают общего объединяющего настроения.

I. Тематика тостов в современном русском застолье диктуется тем, ради чего или в честь какого праздника собрались люди. В семейном застолье – семейные торжества (день рождения, свадьба, рождение ребенка, крестины, юбилей, новоселье, приезд или расставание и т.д.); государственные праздники становятся темой застолья как в семье, так и на работе (Новый год, профессиональный праздник, например День учителя, День защитника Отечества, Международный женский день, но также юбилей конкретных организаций, этапы окончания работ и т.д.).

Тема конкретной речи и ее замысла может лишь по ассоциации быть связанной с темой самого собрания. Так, юбилейная речь о каком-либо человеке может только представлять его качества, историю его жизни, откуда берутся некоторые эпизоды, но и содержать философско-нравственные рассуждения о любви, дружбе, трудолюбии, щедрости, честности, ответственности и разных других «добродетелях», как говорили в старину, которые затем, по ассоциации, «подводятся» к личности адресата как основной теме собрания.

Тост, как правило, строится в прозаической форме и является экспромтом говорящего. Трудно представить себе человека, который предварительно пишет свое выступление за столом (хотя такое возможно, и мы знаем из рассказов коллег о некоторых случаях, когда обращаются к филологам-словесникам с просьбой «написать речь»). А вот стихотворный текст имеет обычно предварительную письменную основу, т.е. он был когда-то или записан, или попросту взят из какого-то литературного источника.

Применение стихотворных текстов, на наш взгляд, – характерная черта именно русской культуры, в которой сильно художественно-поэтическое начало. Безусловно, стихотворный текст часто бывает удачным выражением замысла оратора. Традиционным примером может служить стихотворение С.Я. Маршака, которое мы не раз слышали в русском застолье:

Вам от души желаю я,
Друзья, всего хорошего.
А все хорошее, друзья,
Дается нам недешево!

Несмотря на то что тост может расцениваться как самостоятельный жанр торжественной речи, он порой включает в себя элементы других жанров, например притчи или анекдота.

Строить тост на основе притчи особенно свойственно грузинской традиции (вспомним любимый советский фильм «Кавказская пленница»), ведь тост – своего рода поединок в красноречии. Притча как индифферентная, нравоучительная история во славу какой-либо «добродетели» традиционно используется и в русском застолье.

Анекдот – это шуточный случай, взятый из жизни, несомненно, оживляющий как застолье, так и саму речь. И здесь всякий оратор имеет, как правило, свой набор памятных ему историй, которые он старается не повторять в одной и той же аудитории. Нередко анекдот заканчивается неожиданным и остроумным выводом, который призван создать благожелание с хорошим и веселым настроением.

Каждый тост, как любой текст, строится на основе какого-то утверждения, который оратор развивает и доказывает на протяжении речи, и способы доказательства этого утверждения определяются им самим. Это может быть крылатое выражение, цитата из классика, ведь успешный тост краток, в то же время в нем заключена определенная доля мудрости, а порой и юмора: «Народная мудрость гласит: “Если хочешь правильно поступить, посоветуйся с женой... и сделай наоборот!” Давайте выпьем за наших жен, которые помогают нам в трудных ситуациях принять правильное решение!»; «Французский писатель Жан де Лабрюйер говорил: “Истинной дружбой могут быть связаны только те люди, которые умеют прощать друг другу мелкие недостатки”. Выпьем за вас, мои друзья, что вы прощаете мне мои недостатки!»; сравнение, порой переходящее в метонимию, искусное описание подобных предметов и связывание их воедино при помощи всеми признаваемых истин: «Дом, у которого нет хорошего фундамента, разрушается. Дом, семья без умного и доброго хозяина разорится. В доме, в семье, где нет доброго и гостеприимного хозяина, гостей не бывает. Поднимем тост за хозяина этого дома, гостеприимного и доброго!».

Одним из самых ярких приемов и действенных способов зажечь искру в своей речи является антитеза. Ведь на контрасте наиболее ярко видны особенности каждого из понятий, рассматриваемых в данной ситуации:

«Когда наступает весна, становится тепло и прилетают скворцы, но осенью, зимой, когда наступают холод, голод и трудное время, скворцы улетают и ищут тепло в другом месте. Так же происходит и с нами, с людьми. Когда нам весело и хорошо, у нас много друзей, когда нищета, голод и трудности – смотрим, ждем, а друзей не видно.

Предлагаю тост за настоящих друзей, которые никогда не покидают в трудное время!».

Анафора как повторение начала строки или предложения – наиболее частый и простой прием в распространении речи, когда синонимические конструкции – обычно они параллельны – позволяют максимально расширять и украшать застольное слово:

«Выпьем за то, чтобы было здоровье – его всегда не хватает!

Выпьем за то, чтобы было веселье – оно никогда не помешает!

Выпьем за то, чтобы была удача – она приходит нечасто!

Выпьем за то, чтобы нам улыбалось великое чудо – счастье!».

Тост как жанр праздничного застолья свидетельствует о том, что с помощью доброго и мудрого слова организуется едва ли не главное для общественного и личного мироощущения действие, в котором фиксируется понимание истины, добра, красоты – всего, что составляет смысл человеческой жизни. Русское застольное красноречие имеет не только глубокие исторические корни, но охотно перенимает и адаптирует к современным условиям жизни все лучшее, что имеется в других культурах, в то же время создает особый мир словесного взаимодействия, который требует творческого развития и интеллектуального обогащения.

Литература

1. Национальный корпус русского языка. Электронный онлайн-корпус русских текстов <http://www.ruscorpora.ru/corpora-freq.html>
2. *Чирич И.В.* Лексика застолья в русской языковой картине мира. М., 2004.
3. Домострой. В кн.: Пламенное слово. М., 1978.
4. *Геродот.* История. В 9 т. Т. 8. Л., 1972.
5. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2001. Т. 3.
6. *Плутарх.* Застольные беседы. М., 2012.
7. *Болквадзе Н.Я.* Грузинское застолье. Искусство тамады.
8. *Аристотель.* Риторика // Античные риторика. М., 1978.

*Государственный институт
русского языка им. А.С. Пушкина*

Сортавала – Сердоболь

© Л.В. МИХАЙЛОВА,
кандидат философских наук

В статье приводятся результаты исследования топонимии Северо-Западного Приладожья, культурными центрами которого являются остров Валаам и город Сортавала (Сердоволь, Сердоболь). Большое количество вариантов топонимов *Сердоболь – Сортавала* и объяснений их этимологии затрудняет определение слова, являющегося исторически первоначальным названием современного города Сортавалы.

Ключевые слова: топоним, этимология, язык, карельский, финский, шведский, языческий, библейский.

In the article are brought the results of North-Western Priladozh'ya toponymy research the cultural centers of that are an island Valaam and the city Sortavala (Serdovol' Serdobol'). Plenty of Serdobol' – Sortavala toponyms variants and explanations of their etymology hampers determination of word being historically the primary name of the modern city Sortavala.

Key words: toponym, etymology, language, Karelian, Finnish, Swedish, heathen, biblical.

Топонимы *Сердоболь – Сортавала* являются названиями города, расположенного в Северо-Западном Приладожье, на берегу залива Ладожского озера. К Сортавальскому району административно относятся острова Валаамского архипелага, а город Сортавала – это ближайший населенный пункт, находящийся в 45 километрах от острова Валаам.

В настоящее время существуют различные версии о происхождении топонимов *Сердоболь, Сортавала*. По мнению профессора Хельсинкского университета А.Э. Альквиста, корень названия города *Сердоболь* считается неизвестным [1. С. 198]. Н.Я. Озерецковский писал, что город Сердоболь по-фински называется *Сордавала*: «Город Сердоболь лежит на косогоре, вдавшемся мысом своим в губу; строение в нем все деревянное; населен по большей части финнами, которых в тамошнем мещанстве 606 человек считается» [2. С. 74].

Из известных нам русских источников, топоним *Сердоболь (Сердоволь)* был впервые зарегистрирован в переписной окладной книге Водской пятины Новгорода (1499–1500 гг.): «В Сердовольском же погосте волости монастырские. Волость Спасская Валаамского монастыря в

Сердовиоли» [3. С. 168]. Озерецковский отмечал, что в Сердобольском погосте русская православная церковь стояла в отдалении от деревень, а с XVII века находилась вдаль от города [2. С. 75].

Как известно, первое упоминание топонима *Сортавала* встречается в документе 1468 года о нарушении русско-шведского соглашения о границе, почти одновременно с первой официальной записью в 1499 году топонима *Сердоболь* (*Сердоволь*). На мысу Сортавала была построена Никольская церковь и основан Сердовольский погост. Как мы видим, в XV веке оба топонима, *Сортавала* – *Сердоволь*, были известны. По мнению Е.А. Левашова, переход русских Сердоволя в Сердоболь произошел поздно – в XVII веке, когда Северное Приладожье оказалось в руках Швеции. Он отмечает, что к тому же в нашем распоряжении есть любопытное шведское свидетельство XVII века: «*Serdovola* (которая обычно пишется и называется *Sordevalla*) – это маленький городок в Кексгольском лене» [4. С. 75].

По мнению финского историка У. Карттунена, *Сортавала* (*Sortavala*) – это название мыса острова Реккала, находящегося за проливом Ворсунсалми, недалеко от современного города Сортавалы. На этом мысу и была поставлена первая в Карелии православная Никольская церковь [5. С. 103]. Строительство церкви связано, очевидно, с массовым крещением карел в 1227 году. Город Сортавала основан намного позже, в 1642 году; в двух верстах от церкви Сердовольского погоста, по решению шведского государственного совета: «Около Сортавалы основать город на том основании, что туда должна быть переведена торговля южных и северных погостов» [6. С. 21]. М. Фасмер объясняет переход топонима *Сортавала* в *Сердоболь* влиянием прилагательного *сердобольный* [7. Т. 3. С. 605]. И.И. Срезневский называет древнерусское существительное *сърдоболь* / *сердоболь* – «родственник, близкий» и *сърдоболя* / *сердоболя* – «родственник (-ица), родня, родные, род» [8. Т. 2.].

Е.А. Левашов приходит к выводу, что древнерусский топоним *Сердоволя* представляется как бы гибридом существительного *сердоболь* / *сердоболя* и карельского *Сортавала*; во всяком случае, русское *Сердоволя* (при отсутствии этого нарицательного существительного в памятниках русской письменности и в диалектных материалах), могло, по-видимому, возникнуть только при наличии иноязычного *Sortavala* [4. С. 74].

Существуют также различные гипотезы и легенды, объясняющие происхождение и этимологию топонима *Сортавала*. В.П. Судаков ссылается на арабского географа Идриси, который в своем труде 1154 года о Европе упоминает некую *Сортау* (*Cortau*) – «страну магов на побережье», что позволило финскому профессору Ойве Туулио выразить мнение, будто это слово означает местность, позднее названную *Сортавала* [9. Т. 1. С. 1]. Другая легенда объясняет происхождение топо-

нима от имени *Сардовани*: «князь Сардовани, живший там, где теперь Сордавалла или Сердоболь» [10. Т. XXII. С. 41, 44].

Академик Я.К. Грот о топониме *Сортавала* писал: «Была высказана догадка, что оно [название города] происходит от финского причастия *sortawa* “рассекающий”, потому что селение построено у залива, далеко вдавшегося в берег Ладожского озера, слог же *la* служит часто окончанием в именах мест» [11. С. 240.]. Финский исследователь А. Кёнёнен считает, что топоним *Сортавала* происходит от древнейшего карельского (финского) личного имени *Sortava* (*Sortua*, *Sordalainen*, *Sordanainen*) [12. С. 46–47]. Также высказывалось мнение, что в основе названия места лежит финский глагол *sortaa* «угнетать, притеснять, поработать», или *sortua* – «пасть, гибнуть» [13. С. 83].

Г. Керт, Н. Мамонтова приводят также и другие версии. Они считают, что среди географических названий Карелии и Финляндии встречаются топонимы, образованные от глаголов и глагольных форм. Карельское *sordo* означает выгон для скота, который устраивался путем рубки деревьев и наваливания их друг на друга, в результате чего получалась естественная, много лет служившая изгородь. Согласно получившейся недавно версии, русское поселение Сердоболь нашло отражение в шведских источниках в форме *Sordavala* и уже затем в устах финнов топоним обрел современное звучание [Там же].

Согласно мнению Е.А. Левашова, народная этимология выводит топонимы *Сортавала* и *Сорта* из (н)лахтан «черт» (на западном берегу Ладожского озера, напротив острова Коневца, ныне поселок Владимировка) [4. С. 70]. Н. Я. Озерецковский описывает легенду об острове Коневце, где черти в виде воронов полетели оттуда на Выборгский берег в большую губу, которая и по сие время Чертова Лахта называется [2. С. 61].

Существует также легенда о том, что бесы, изгнанные монахами Валаама при его освящении, перебрались на материк, в место, которое здешние жители и прозвали как Сортанвалта (финское *sorta* от русского *черт*, *валта* – «власть») [10. Т. I. С. 4]. По другой легенде, топоним *Сортавала* произошел от заклинания тех же монахов, изгнавших нечистую силу с острова Валаам: «Черт, вали!» или «Черт, валяй!», которое населением было воспринято как «сортавала» [14. С. 14]. У. Карттунен писал, что местные жители, страшась наступающих финнов, называли их чертями, что отложилось в топониме [5. С. 19].

В Приладожье, кроме топонима Сортавала, встречается ряд топонимов с лексемой *Сорта*: населенный пункт *Сортанлакс*, *Сортанлахти* (*Sortanlahti* «Чертов залив»), напротив острова Коневец. В заливе Ладожского озера, между островами Орьятсари и Карпансари, расположены два небольших острова: Пиени-Сартосари (ср. фин. *Pienisortosaari* «Маленький Чертов остров») и Сури-Сартосари (ср. фин. *Suurisortosaari*

«Большой Чертов остров»). Интересно отметить, что рядом с «Чертовыми островами», к северу от них, соседствует остров с названием Кирккосари (ср. фин. *kirkko* «церковь», *Kirkkosaari* «церковный остров»). Среди островов Валаамского архипелага имеется также «Чертов остров» (Лембос), на котором в XIX веке был основан Ильинский скит.

Большое количество вариантов топонимов *Сердоболь* – *Сортавала* и объяснений их этимологии затрудняет определение слова, являющегося исторически первоначальным названием современного города Сортавалы. Левашов пришел к выводу, что этимологию топонима *Сортавала* объяснить невозможно. Он считает, что до сих пор не обнаружена (несмотря на допущения, охватывающие все типические способы топонимизации) та достоверная языковая, историческая или физико-географическая реалья, которая породила топоним. Семантическая первооснова топонима оказалась настолько затемнена, что это осложнило членение слова: то ли *Сортава* + *ла* (когда *Сортава* – имя личное или отглагольное образование, а *ла* – суффикс, обозначающий место), то ли *Сорта* + *вала* (если вспомнить о «разрушенных высотах» или о «черте»). Поневолле возникает мысль о несоответствии нынешнего названия исходному [4. С. 70].

По нашему мнению, топонимы Сортавала и Валаам имеют одинаковую топооснову – *вала*. Топоним *Валаам*, по версии автора, произошел от имени языческого бога Ваала, который считался богом плодородия и жизни среди части древних евреев и финикийцев. Славянам и другим народам имя Ваала было известно из Библии, в которой показана борьба между Господом Богом и языческим богом Ваалом, т.е. борьба христианства и язычества: «Оставили Господа и стали служить Ваалу и Астартам» [16. С. 260]. Ваал называется часто во множественном числе «Ваалы»: «Тогда сыны Израилевы стали делать злое перед очами Господа и стали служить Ваалам» [Там же. С. 259].

Вероятно, православные монахи-миссионеры, распространяя христианство, посетили остров в Ладожском озере, где они обнаружили языческое капище и дали ему символическое название, по имени бога Ваала, олицетворяющего все язычество. На Валааме есть гора Змеиная, возвышающаяся в южной части острова, второе название которой «гора Кармил» [16] было заимствовано валаамскими монахами из Библии, так как Кармил – это место, где устраивались жертвенники Ваалу: «теперь пошли и собери ко мне всего Израиля на гору Кармил, и четыреста пятьдесят пророков Вааловых. И взяли они тельца, который дан был там и приготовили, и призывали имя Ваала от утра до полудня, говоря: Ваал, услышь нас!» [15. С. 385, 386]. И на Валааме, на горе Змеиной, тоже были «Высоты Вааловы», «Горы Валаама», совершались языческие обряды, что еще раз подтверждает происхождение названия острова Валаам от имени языческого бога Ваала.

Топоним Сортавала, по-нашему мнению, связан также с древними языческими обрядами. В Библии упоминается ряд однокоренных с Ваалом слов, это мужские и женские имена: Валла, Валак. В Апокалипсисе Иоанна называется пророк Валаам, который ввел в соблазн «сынов Израилевых» в Пергаме и научил их есть «идоложертвенное». В географических названиях Царства Иудейского и Израильского встречается также топоним *Вaal*: *Вaal-Фегор*, *Вaal-Перацим*, *Беф-Вaal-Меон*. Это языческие места: «и сказал Давид: Господь разнес врагов моих предо мною, как разносит вода. Посему и месту дано имя Ваал-Перацим» [Там же. С. 332].

По мнению автора, топоним *Сортавала* сложный, состоит из двух слов: финского *sortua* «разрушиться», «погибнуть» (ср. кар. *šortua*, *sordua*, *sorduo* «ронять», «падать», «рушиться») и имени языческого бога Ваала (фин. *Vaal*) и связан с разрушением, уничтожением языческих мест. Эту версию подтверждает факт строительства на мысу Сортавала первой в Карелии православной Никольской церкви. По определению Н.П. Паялина, *Сортавала (Сордовалле)* – это «разрушенные высоты» [17. С. 17].

Если предположить, что первоначально топоним имел формы *Šortuavaal* (кар.), *Sorduavaal* (кар.), *Sortuavaal* (фин.), то изменение его происходило следующим образом: *Šortuavaal* → *Sortuavaal* → *Sortuavala* → *Сортуавала* → *Сортавала* → *Sortavala*.

В шведском документе XVII века, как уже упоминалось, встречается два написания *Serdovola* и *Sordevalla*. Возможно, шведский язык заимствовал карельский топоним *Sorduavaal*: *Sorduavaal* → *Sorduavala* → *Sordovola* → *Sordevalla* → *Serdovola*. Шведский топоним *Serdovola* воспринимался, очевидно, русским языком как *Сердоволь*. Со временем топоним *Сердоволь* был заменен на более понятный для русскоязычного населения Приладожья топоним *Сердоболь*: *Serdovola* → *Сердоволь* → *Сердоболь*.

Таким образом, если Валаам – «Высоты Вааловы», сохранившиеся и после крещения карел до прихода на остров первых иноков, то Сортавала – это уничтоженное языческое капище, разрушенный Ваал, одно из первых мест крещения карел. Топонимы: *Сердоболь* – *Сердоволь* появились позднее топонима *Сортавала*. Топонимы *Сердоболь*, *Сортавала* применялись как прибалтийско-финским, так и русскоязычным населением Приладожья.

Литература

1. Грот Я.К. Филологические разыскания. В 5 т. СПб., 1899. Т. 2.
2. Озерецковский Н.Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989.

3. Временник Московского общества истории и древностей российских. М., 1852. Кн. 12.
4. *Левашов Е.А.* Сортавала (Материалы к этимологии топонима) // Прибалтийско-финское языкознание. 1988.
5. *Karttunen U.* Sortavalan maalaiskunta. Pieksämäki. 1954.
6. *Karttunen U.* Sortavalan kaupungin historia. Sortavala, 1932.
7. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. III.
8. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т. 2.
9. *Судаков В.П.* Сортавала-Сердоболь // Вуокса. Т. 1. 2001. С. 1.
10. Поездка на Валаам: Путевые впечатления // Финский вестник. 1847. Т. XXII. № 10.
11. *Грот Я.К.* Филологические разыскания. В 2 т. СПб, 1876.
12. *Köpinen A.* Sortavala-nimestä // Virittäjä. Helsinki, 1934. N 38.
13. *Керт Г., Мамонтова Н.* Загадки карельской топонимики. Рассказ о географических названиях Карелии. Петрозаводск, 1982.
14. *Грот Я.К.* Переезды по Финляндии от Ладожского озера до реки Торнео: Путевые записки. СПб., 1847.
15. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. Канонические с параллельными местами. М., 2009.
16. *Бронзов А.А.* Рай на Земле: Валаамские впечатления: [посещение монастыря в июне 1912 г.] // Христианское чтение. 1912. № 9.
17. *Паялин И.П.* Материалы для составления истории Валаамского монастыря. Выборг, 1916.

*Петрозаводский государственный
университет*

Лепый, клёвый ... красивый

© М.В. ТУРИЛОВА

В статье проанализирована лексика русских диалектов со значениями «красивый», «красота». В семантическом поле *красоты* оказываются следующие значения: «ладный, хорошо сделанный», «хороший, подходящий, пригодный», «порядок, приличие, аккуратность», «чистый, ясный, прозрачный», «видный, статный», «ловкий», «радость, блаженство, наслаждение», «сильный, крепкий, дородный, здоровый», «щеголь, ухажер», «украшения, узоры». Хотя в фольклоре (поговорах) понятие «красота» оценивается неоднозначно, языковые данные свидетельствуют о положительной его оценке и дополняют фольклорные.

Ключевые слова: красивый, красота, русские диалекты, этимология, мотивационная модель.

In this work we analyze Russian dialect words that mean «beautiful», «beauty». The meanings in the semantic field of the *beauty* are «well-formed, well-done», «fit, suitable, appropriate», «order, propriety, carefulness», «neat, clear, transparent», «handsome, stately», «adroit», «joy, bliss, delight», «strong, firm, portly, healthy», «dandy, ladies man», «decorations, patterns». Although in Russian folklore (e.g. proverbs) the concept «beauty» is evaluated controversially, in the Russian language connotations are considered to be positive, and linguistic data supplement the whole picture with new details.

Key words: beautiful, beauty, Russian dialects, etymology, motivational model.

В народном сознании отношение к красоте весьма противоречиво. Если судить по многочисленным проявлениям народной мудрости, то, безусловно, преобладает скептическое отношение к ценности данного явления: *С лица не воду пить; Красота приглядится, а ум вперед пригодится / а щипы не прихлебаются; Не родись красивой, а родись счастливой; Жена-красавица – слепому радость; Не ищи красоты, ищи доброты; Не урод, так и красавец* и т.д. В противовес красоте ценятся *доброта, дородство, ум и ученье, умение хорошо готовить, удачливость (счастливая судьба)* и т.п.

Однако собственно языковые данные говорят о другом. Хотя лексика со значением «красивый», «красота» относительно немного (по сравнению с терминами разного рода отрицательной оценки, коих традиционно

на несколько порядков больше), но все же она представлена во всех сферах русского языка и весьма разнообразна.

В статье В.З. Демьянкова [1] исследуются типовые межъязыковые соответствия и возможности расхождений между лексемами эстетической оценки в ряде языков, включая русский. Автор отмечает, что в русском языке первично употребление терминов со значением «красивый», «красота» по отношению к зрительно воспринимаемым предметам, и делает выводы о «национальных стандартах» уместности речи о красоте: она возможна в возвышенном контексте и менее допустима, например в русском молодежном жаргоне и т.п. Ученый выделил типы мотивации, по которому лексика русского литературного языка и русских диалектов развивает семантику красоты: «тот, на который приятно смотреть» – *благовидный, вгляный, взрачный, казистый*; «обладающий красивыми чертами лица» – *доброличный, красноликий, личманый*; «указание на форму» – *фасонистый*; «выделенный, исключительный» – *изящный* буквально – «изъятый, выделенный из ряда других» и т.д.

В ярославских говорах есть слово *зотко* «хорошо, красиво» [2. Т. II]. Фасмер возводит его к **зьдькъ*, предполагая ассимиляцию гласных и родство с *зодчий, -здать*. Семантическое развитие, таким образом, идет по модели «хорошо сделанный, построенный, подходящий» → «красивый». Дальнейшее развитие значения происходит на основе семы «хороший, толковый» → «умный»: *зотка* школьный жаргон (сарат.) «знаток, умница».

Диалектное *клёвый* «статный, красивый» происходит из языка рыбаков и первоначально обозначает «хорошо клюющий» [Там же]. Эту модель вместе с предыдущей можно обобщить как «хороший, подходящий», ср. развитие значения диалектного *клювый* «хороший, подходящий» от *клюдь* «порядок, приличие, красота», которое связывают с гот. *hlūtrs* «чистый, ясный, прозрачный», нов.-в.-н. *lauter* «чистый» [Там же].

От *клюдь* образованы диал. *клюжий* «красивый, видный», *уклюжий* «ловкий» [Там же].

Диалектное *кошее*, наречие «лучше, красивее» и *кошной* «чистый, хороший, пригодный» имеют тот же корень, что и слова *роскошь, роскошный* (праслав. **roskošь* «блаженство, наслаждение», ср. блр. *роскоша* «невоздержанность», болг. *разкош*, сербохорв. *раскош* «наслаждение», польск. *roskosz* «радость, наслаждение, блаженство»), и связываются с **koxati* «любить» (чеш. *kochati*, польск. *kochać* «любить», далее сближается с *коснуться*) [Там же].

Диалектное *лепый* «красивый, прекрасный, изящный» восходит к праславянскому **lěpъ* «липнувший» или «мазанный» → «подходящий, хороший, красивый» (ср. укр. *ліпший* «лучший», ст.-слав. *лепъ*, болг. *леп* «красивый», в.-луж., н.-луж. *lěru* «красивый, хороший») от **lěpiti*

[2. Т. II; 3. Вып. 14]. А *узорочье* «узор, украшение», псковск. *узорочить* «удивить красотой своего наряда» – от *зорок* «то, то радует взор своим видом» → «украшение, узор» [2. Т. IV].

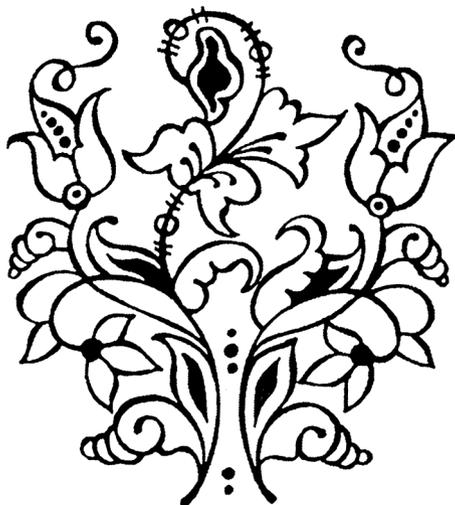
В целом положительно оценивается опрятность, аккуратность, которые считаются красивыми: *щепет* «наряд, убор», «крайняя чистоплотность, опрятность», *щепетить* «наряжаться, модничать», диал. *щепеткой* «щегольской» (при этом *щепетильник* «галантерейщик, мелочной торговец», *щепетильный*, *щепетинье* «галантерейные товары», производные от *щепет* «галантерея» ← *щепа* «мелочь») [Там же].

Наконец, творец красоты – нынешний *художник* – в древнерусском языке «сведущий» (др.-русс. *худог*, *художьство*), ст.-слав. *художьник* «искусный, смысленый, умный; умеющий хорошо писать, каллиграф», в русских диалектах *худогий*, *художный* «сведущий, опытный», укр. *худога* «искусник, художник» [Там же].

Литература

1. Демьянков В.З. Значение и употребление лексем класса *красота* // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2004.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 2003.
3. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под. ред. О.Н. Трубачева. М., 1974 – .

Калужский филиал МГТУ
им. Н.Э. Баумана

Средства комизма в фольклоре казаков Южного Зауралья

© Н.Е. УКРАИНЦЕВА,
кандидат филологических наук

В статье рассматриваются разнообразные средства комизма, встречающиеся в фольклоре бывших казачьих станиц Южного Зауралья.

Ключевые слова: фольклор казачества, фольклорный театр, раешный стих, раус, комическое, средства комизма, юмор и сатира.

The article researches the various means of comedy which are found in folklore of the former Cossack villages of the Southern Zauralie, and the ways of development in national culture.

Key words: comic, means of comedy, the folklore of the Cossacks, humour and satire, folklore theater, folk buffoonery poetry, raus.

Исходя из определения комического как социально-культурной реальности, как «общественно значимого противоречия действительности», критически отраженного в искусстве [1], можно говорить и о комическом в фольклоре, рассматривая его как искусство слова. В XVIII- XIX

веках в русской народной культуре шел процесс переосмысления и трансформации смеховой традиции. Смех из формы восприятия картины мира, выявления его законов превращался в другие формы, приобретал социальный характер. Классический фольклор осваивал юмор и сатиру, обогащался такими оттенками, или средствами смеха, как шутка, ирония, сарказм, парадокс и др.

В формировании представлений народа о комическом важную роль играл фольклорный театр, который долгое время являясь неотъемлемой частью праздничных гуляний, воздействовал на повседневную речь людей. О его роли в духовной жизни русского народа свидетельствует обращение к фольклорному театру исследователей в XIX – начале XX века: записываются тексты прибауток, комических диалогов, которые звучат на ярмарках. В 1860-е годы А.С. Гациским собраны прибаутки нижегородских раёшников [2]. В 1905 году Н.Н. Виноградовым и В.Н. Добровольским издаются тексты о русском вертеле и кукольном театре [3]. «Непременной частью праздничных увеселений, – отмечают А.Ф. Некрылова и Н.И. Савушкина, – с начала XIX века становится раёк (или потешная панорама), завоевавший популярность у зрителя. Веселая речь раёшников раздавалась на Марсовом поле Петербурга и на ярмарках Нижнего Новгорода, Саратова...» [4. С. 17]. «Над приключениями героя кукольного театра Петрушки смеялись не только жители столичных и уездных городов, но и крупных сел и небольших деревень, казачьих станиц» [Там же. С. 252].

В 2013 году появилась замечательная публикация рукописи конца XIX века (казака-подполковника Н.В. Агапова) о походной жизни оренбургских казаков в Средней Азии. Учеными отмечена интересная художественная черта этого автора. Комментируя рукопись, Т.И. Рожкова говорит об использовании в тексте «низовой литературы» казачества элементов фольклорной речи, раёшного стиха – стремления автора «сочетать сходно звучащие слова как в пределах одного предложения, так и в целых фрагментах» [5. С. 325], что придает его воспоминаниям живость и динамичность: «В заключение всего, ныне нет уже того, не проходит и одного дня, чтоб не случилась между русскими и ордынцами резня, и это уж время прошло, и явилась повсюду тишина, и вся Азия Белым Царем покорена» [Там же. С. 103]. По мнению Т.И. Рожковой, раёшный стих в тексте рукописи «не только способствует созданию комического эффекта, но и маркирует значимые фрагменты текста» [Там же. С. 325].

Подмечена в «Записках...» и другая особенность организации слова, также прием фольклорной речи – театрализация, уход от одного авторского голоса к голосам других персонажей: «...посадив рядом с собой меня, Савин полковник начал расспрашивать:

– Ну, есаул, как ты с командой ездил в аул? Нам послушать угодно, расскажи все нам подробно с начала и до конца, и как выручили сотника

Алабужина-молодца (он вас, я думаю, ожидал, как родного отца), и всю его команду, и по долгу присяги скажи же всю правду.

– Я буду говорить всю правду, верьте мне.

– Вот расскажите словесно, и дело будет чудесно» [Там же. С. 90].

Так в письменной речи оренбургского казака отражается его манера говорить, рассказывать – речь устная, и на ту и на другую оказали влияние жанры фольклорного театра, шуточные песни, забавные пословицы и поговорки, присловья и другое. Разговорно-просторечный стиль «Записок...» Н.В. Агапова препятствовал их публикации в XIX веке, хотя они содержали важные исторические сведения. Народные представления о комическом органично вписывались в культуру оренбургского казачества, несмотря на суровые условия жизни сословия и строгость нравов. Об интересе казачества к фольклорному театру говорит включение А.И. Мякутиным в IV том собрания «Песен оренбургских казаков» народной драмы «Царь Максимилиан» (1910), текст которой представляет собой «ритмическую прозу, основанную на повторах и перечислениях, что отвечало ее романтическому складу, открывало возможность для импровизации» [4. С. 37].

В вольной казачьей среде процесс освоения фольклором форм и средств комизма проявлялся весьма активно. Язык шуток, поговорок, прозвища сельчан достаточно ярко представлены в фольклоре исследуемых нами южных районов Курганской области, бывших территорий Оренбургского казачьего войска. Атмосфера праздничной площади, которая несла веселье и смех, царила, например, на ярмарках станицы Звериноголовской, крупного центра торговли с Азией в XIX – начале XX века. Станица находилась на границах четырех губерний: Оренбургской, Тургайской, Акмолинской, Тобольской, ее меновой двор и торговые обороты конкурировали с Троицком, Петропавловском, иногда с Оренбургом и Омском. Она была близка к Уральским заводам, и к ней направлялись торговые караваны из Средней Азии. Продавались огромные табуны киргизского скота, привозимые из внутренних губерний мануфактурные товары, хлеб, другие продукты и сырье земледелия и скотопромышленности, сосновый строительный материал, востребованный в степных районах [6. С. 26]. По словам профессора, доктора медицины Н.А. Воденникова из Санкт-Петербурга, детские годы которого прошли в этих краях, на ярмарках «ставились балаганы для игр, развлечений, карусели, выступали канатоходцы. Всюду слышалась музыка, царило веселье...» [Там же. С. 38]. Кроме крупных ярмарок, по воскресеньям еженедельно устраивались базары, от 700 до 1000 подвод (упряжек лошадей), около 20 процентов торговцев составляли местные жители.

С размахом праздновались престольные и другие православные праздники. Сочетание деловитости, торгового азарта и увеселений накладывало отпечаток на стиль общения казачества и фольклор. Перенимался

балаганный раус – разговор комедиантов в форме диалога с особым распределением ролей. Так, если на базар жители традиционно везли репу и капусту, их называли «репниками». Бывало, если один сосед не расслышал другого и переспросил, что было сказано, то мог услышать в ответ: «“Беловцы-репники с репой едут. Беги нагишом, полон подол накидают”. – “Хто, хто едут?” – “Хто, хто! Дед Пыхто!”». О кочердыкцах, славившихся зеленым луком-батуном, пелась частушка: «Кочердыкцы на арбе, / С поперечиной дуга, / Бутуну-то, бутуну-то – / Покупайте, господа» [7. С. 126]. В станице Усть-Уйской, где в 1900 году насчитывалось 555 дворов, также дважды в год проходили ярмарки: с 9 по 12 марта и с 21 по 24 ноября [8].

Предания о ярмарочных днях и праздниках передаются от поколения к поколению, например, о престольном празднике Воздвижения: «От родителей помню. Собиралось много народу. Пускались в беги по “царской дороге”, как она раньше называлась (действительно, это дорога, по которой проезжал престолонаследник Николай II. – *Н.У.*). Вот к первым лесам, за грань, 12 километров, туда заводили бегунцов (*бегунцов* – участников конных бегов. – *Н.У.*). Едут туда шагом. Они туда уедут, а тут делают заклады: кто придет первым. Боролись, пока бегунцы уедут. Богатые закладывали деньги. Если я оборол, а он за меня закладывал – значит, выиграл. Некоторые “бросали на подъем”, а некоторые “били под ногу”. Свалить надо было. Бороться приезжали с разных мест. Священник у нас тут был, Хомутов – его никто не мог перебороть. Здоровый был! Ребятишки не боролись, только мужики. Взрослые. Для потехи богатых мужиков чан делали, котел. Разводили болтушку из муки в этом котле. Бросали 10 копеек, 15 копеек, и вот находились такие ухаля – один выходил такой, он, значит, лазил в эту болтушку головой и эти 10–15 копеек ртом доставал. Сколько он их там надоставал?! Богатым, значит, для потехи. Что им, жалко, что ли? Победителям забегов устанавливался приз» (записано от Зайцева А.И., 1908 г. р., с. Звериноголовское) [7. С. 70]. Наряду с традиционными казачьими соревнованиями – конные бега, борьба – на праздниках были и потешные, увеселительные.

Масленица не обходилась без ряженья: «В Масленицу катались на лошадях, парни – верхом, а девки – в кошовках. Бега были по улице. Город делали на болоте. Круглый – кибиткой. Ребятишки лазили на него с тычками. Артелями брали город. Наряжались всяко: кто кыргызухой, кто цыганкой. Ходят из дома в дом, пляшут. Только водки подавай! Катаются с четверга. Блины пекут всю неделю» (записано от Садовщикова А.И., 1907 г. р., с. Отряд-Алабуга) [Там же. С. 73]. Ряженье в XIX веке уже утратило ритуальный смысл, рядились, чтобы вызвать смех, причиной которого часто был «комизм несходства», отличия норм бытия разных национальностей [9. С. 45].

Интересно, что жители бывших станиц до сих пор используют рашенный стих, чтобы описать интересное событие из жизни села, такие произведения даже отправляются в местные районные газеты, например, рассказ о сельском фольклорном ансамбле: «Живем мы от управы до управы (управа – уход за скотом, птицей по утрам и вечерам. – Н.У.), и вот однажды разорвали круг и с нервами, слезами и скандалом мы потряслись, казачки, в Оренбург. И притчей во языцех это стало. Казачью свадьбу в Оренбурге мы справляли (*инсценировали*. – Н.У.), нас денежками люди одаряли. Мы в Оренбурге были на казачьем круге, объездили с ансамблем всю округу: Зверинка, и Курган, и Куртамыш, и Заволокин приглашал нас в Юргамыш» [10].

Есть воспоминания о существовании в XIX веке в станице Звериноголовской народного театра, представления которого проходили в манеже казачьей школы: «Я еще школу захватил, в первый класс ходил, это при царизме. Школа была там, где почтовая связь. Это была казачья школа. (...) Строевые занятия проходили у казаков. У нас был выстроен манеж, ширина – метров 8 и длиной – 50. Первая половина – 10 рядов – там были сиденья, а на второй половине занимались строевой подготовкой. (...) Сиденья – скамейки. Здесь проходили спектакли. Это был второй театр (“второй” – в значении “самодельный, но не хуже профессионального”. – Н.У.). Хорошие, грамотные казаки были – интеллигенция. Они на все способны. Они хорошие давали пьесы. Вечером. Все было честь честью» (записано от Логинова М.Н., 1909 г. р., с. Звериноголовское, 1993 г.) [7. С. 248]. Созданию народного театра способствовала, действительно, образованность казачества. В 1843 году здесь уже работали мужская и женская станичные школы, преобразованные затем в двухклассные училища. В 1848 году открыто четырехклассное училище (и это в сельской местности, в ста километрах от ближайшего города). Думается, что народный театр появился в глубинке не на пустом месте, изначально был обусловлен интересом станичников к театру фольклорному.

Комическую окраску носят паремии. По сей день можно услышать грубоватые и бесцеремонные поговорки, используемые для характеристики поведения и качеств человека, в которых искусно используются такие средства комического, как пародирование, гипербола, метафора, алогизм: «Шляешься где-то, как просвирия долговска» (как видно, просвирию из деревни Долговской редко можно было застать дома); записано от Рябковой А.Д., 1914 г. р.; «языком за угол зацепилась» (потратила время на болтовню, встретив на улице знакомых; записано от Рябковой Л.И., 1954 г. р.). «Не прокиснем» (шутливое оправдание, если по какой-то причине не истопили баню, не сделали вовремя уборку и т.п.); «Шошка, Ерощка да Колупай с братом» (о тех, от кого никакого толку); «Дел как у Шайдачихи» (у жены шайтана); «Щека щеку ест» (о чрезмерно

художавом человеке) [11]. О том, как высмеиваются любительницы посудачить, на минутку забежав к соседке или куме, свидетельствуют и другие присловья: «Я пошла, а ты квашню примешивай» или «Кума, ты шей куму штаны, а мне ийти надо» (такими фразами время от времени иная болтливая гостья прерывает долгие пустые разговоры, но не уходит, пока у трудолюбивой соседки не подойдет тесто или пока кума не сошьет штаны; записано от Скардиной З.А., 1934 г. р.) [12].

Шуточных песен в крае сохранилось немного, одна из них – «Трошиха», не просто забавная, но демонстрирующая сатирический взгляд сельчан на характеры друг друга. По сути, текст песни строится с помощью раёшного стиха, сочетания сходно звучащих слов: «Ой, Трошиха, трошилася, / По середке сугорбилася. / У Трошонки избенка худа, / Не промыта, непроскобленная. / Солучилася у Трошихи любовь – / Потерялася из погреба морковь. / Ее девки повытаскали, / Раскрасотки повывсакали. / Насакали два подола да мешок, / Наварили две чугушки (два чугуна. – Н.У.) да горшок. / Они маслом помазывали, / Молодых ребят приманивали: / -Вы ребята, ребяташки, / Приходите на вечерочки, / Как у нас на вечерочках / Да сидят все девчоночки! (записано от Софроновой Ф.И., 1941 г. р.; также ее пояснение: «Бабушка пела “Трошиху”. Берет заслонку, по ней ударяет шабалой, в такт поет. Шабалой самодельной доставали уголь из печки, для пельменей была шабала»). Судя по комментарию, эта шуточная песня представлялась, игралась [Там же]. Бытовая сатирическая картинка, нарисованная с помощью гиперболы, и ныне вызывает дружный смех слушателей. Объект осмеяния – кичливая нечистоплотная Трошиха – бойко охарактеризована в двух-трех словах: «трошилася», чересчур гордилась собою и «сугорбилася». Лучше бы ей навести порядок в избе – казачки чисто дом ведут, так что последнее дело, если изба «не промыта, непроскобленная».

«Девки» посмеялись над неряхой Трошихой, чтобы не важничала попусту. Любовь-морковь, вечерки – для молодых. Нужно заметить, что в песне изображается озорство молодежи, которое не поощрялось, поскольку нравы были суровыми, но и не относилось к воровству. «Девки повывтаскали» морковь не с целью обогащения, а чтобы посмеяться. И эту тонкую грань сюжет песни не переступает. В крае до сих пор знают от старожилков, что казаки жестоко наказывали за кражу, так, за украденных коней не сносить было головы. До второй половины XIX века пойманный вор подвергался публичному осмеянию: «Жила у нас приезжая женщина. Своровала лук, вырвала с гряды и связала в косы. Косы у нее нашли, повешали на шею, и казаки водили ее по улицам. Не били, а просто водили. Это позор. Еще хомут надевали на шею за воровство» (записано от Черкасова А.В. в 1988 г., пос. Казак-Кочердык) [7. С. 249].

Жители станиц выражали ироническое отношение друг к другу, навязывая прозвища. Этот процесс использования фольклором языко-

вых средств удивляет разнообразием приемов создания комического. Во-первых, традиционно прозвища лаконично помогали различать множество однофамильцев и семьи родственников с одинаковыми фамилиями. Например, в Казак-Кочердыке одни Резепины в отличие от других звались «Сороками» по той причине, что дом их стоял возле Сорочьей «лывы» – лужи. Сапожниковы были «Барьки», а другие Сапожниковы – «Яры» (от слов *баран* и *ярка*, например, Коля-Яра). Одни Половниковы получили прозвище «Пчелки» – за трудолюбие, другие звались «Коротельки» – за малый рост. Прозвище можно было получить и по другой причине – попав в забавную ситуацию, продемонстрировав смешную черту характера (прием «посрамления воли»), когда комизм вызывается мелкими житейскими ситуациями [9. С. 71], ляпнув не к месту необдуманное слово или просто оговорившись («автоматизм речи»). Максимовых, например, из века в век называли «Субботами», так как дедушка их однажды оговорился, сказав «у нас много субботы» вместо «много работы» [7. С. 127]. Эту традицию не изжила наступившая эпоха всеобщего среднего образования. В этом же селе, когда в годы перестройки мир перевернулся с ног на голову, в одной из семей тронулись умом сразу два брата, возможно, имевшие наследственную предрасположенность к такому заболеванию, умные парни, закончившие один – техникум, второй – вуз. Людская молва сразу присвоила им прозвище «братья Карамазовы» [12] – в нем и жестокое осмеяние, и сочувствие трагедии, и, кроме того, своеобразная маркировка, которая указывала, что нужно остерегаться этих односельчан.

Просторечный, не брезгающий бранным словом раёшный стих прорывается в детском фольклоре бывших станиц: «Тень-тень-потетень, Выше городу плетень. Бояры наехали, Собак навезли, Собаки сдурели – Попа укусили. Поп с крестом, Попадья с пестом. Маленький Макарка – И тот с огарком. Маленька Матрешка – И та с поварешкой» [7. С. 196].

Совершенно очевидно, что «в пределах каждой из национальных культур разные социальные слои будут обладать различным чувством юмора и комического и разными средствами его выражения» [9. С. 26]. Представления казачества Южного Зауралья о комическом, отразившиеся в фольклоре, формировались на основе речи русского фольклорного театра. Смех служил социальным средством исправления нравов. Выступая выразителем культурных установок казачьего края, фольклор с помощью средств комизма регулировал общественное поведение.

Литература

1. *Борев Ю.Б.* Эстетика. М., 1981. С. 98–99.
2. *Гациский А.С.* Ярмарочные райки // Нижегородский сборник. Н. Новгород, 1867. Т. 1. С. 225–228.

3. *Виноградов Н.Н.* Великорусский вертеп // Известия ОРЯС. 1905. Т.10. Кн. 3. С. 360–382.
4. *Некрылова А.Ф., Савушкина Н.И.* Фольклорный театр. М., 1988.
5. Записки Н.В. Агапова из походной жизни оренбургских казаков: Научная публикация и исследование текста / Сост. И.А. Филиппова, Е.В. Годовова, С.А. Моисеева. Оренбург, 2013.
6. Станица на Тоболе / Сост. М.И. Хлызов и др.; под ред. В.В. Пундани. Курган, 2002.
7. Русский дом. Русские семейно-бытовые традиции, обряды, говоры, заговоры, поверья в рассказах и песнях старожилов Зауралья / Авт.-сост. Л.А. Саверский. Шумиха, 2013.
8. Архив кафедры древнерусской литературы и фольклора Курганского госуниверситета. Усть-Уйское, 1983.
9. *Протт В.Я.* Проблемы комизма и смеха. М., 1976.
10. *Середовских Н.В.* И кладезь песенный, и слог // Голос целинника. 2013. № 3.
11. Архив кафедры русского и иностранных языков Курганской ГСХА. Звериноголовский район-2013.
12. Архив кафедры русского и иностранных языков Курганской ГСХА. Целинный район-2014.

*Курганская ГСХА
им. Т.С. Мальцева*

Кутя, кутёнок

© И.В. ФЕДотова

Русское *кутёнок* «щенок», диалектное *кутя* «щенок», «цыпленок» традиционно причисляются к словам звукоподражательного происхождения. В статье предлагается следующая поправка: *кутя* «цыпленок, курица» восходит к звукоподражанию, в то время как *кутя* «щенок» (праслав. **kuteŕ*) является производным от праслав. **kutiti* «заботиться, охранять».

Ключевые слова: русская диалектология, диалектная этимология, звукоподражание, праславянская лексическая реконструкция.

Rus. *кутёнок* «puppy», dial. *кутя* «puppy», «chicken» are traditionally acknowledged as onomatopoeic words. The article offers the following amendment: *кутя* «chicken, hen» has onomatopoeic roots, whereas *кутя* «puppy» (Proto-Slavic **kuteŕ*) derives from Proto-Slavic **kutiti* «to care, to guard».

Key words: Russian dialectology, dialect etymology, onomatopoeia, Proto-Slavic lexical reconstruction.

Это простое по форме и значению слово имеет неясное происхождение. Русскому литературному языку известно *кутёнок* (с пометой «разг.»), мн. *кутята* «щенок» [1. Т. II], и очевидно, что оно пришло из говоров русского языка.

В.И. Даль в своем словаре отметил как областные слова *кутя*, *кутька* «щенок, собачонка», мн. *кутяга*, *кутяиата* вост., *кутят* «собака,

дворняжка» вят.; *кутюшка* «кура, курица» архан., *кутька* «цыпленок» арх., *куть-куть* «призывная кличка кур» сев., сиб., [2. Т. II].

Этимологи с разной степенью уверенности причисляют *кутёнок* к словам звукоподражательного происхождения. М. Фасмер считал это слово звукоподражанием, произошедшим от криков животных и птиц или подзывных слов [3. Т. II]. В ЭССЯ для праславянского языка на основании макед. диал. *куте* «щенок» и русских диалектных слов реконструирована лексема **kute₂, -ete* [4. Вып. 13. С. 139], которая охарактеризована как образование с суффиксом *-et-* на базе междометия. О.Н. Трубочев в работе «Происхождение названий домашних животных в славянских языках» назвал это слово подзывным по происхождению, основанным на звукоподражании. «Чрезвычайно широко распространены названия от фонетических вариантов **kut-/*kuč-/ *kis-*, обозначающие главным образом щенка, реже – суку, вообще собаку, но их пестрота, довольно капризное фонетическое разнообразие, подчас противоречащее нормальному развитию, а также факты близости, не сводимой к общему первоисточнику, говорят о том, что перед нами подзывания животных, оноματοпоэтические элементы» [5. С. 309].

В Болгарском этимологическом словаре рассматривается диалектное слово *кутре* «щенок», «маленькая собачка» [6. Т. 3. С. 160], производные от него *кутрак* диал. «щенок», «собака», *кутренце, кутренце* «щенок», *кутрец, кутрик* «маленький щенок», *окутря (се)* «(о собаке) цениться». Авторы осторожно высказываются о происхождении: «Вероятно, от междометий-подзываний собак и птиц, но образование неясно». В этой словарной статье болг. диал. *кутре* и рус. диал. *куть-куть, кутенок, кутя* «щенок», *кутька* «цыпленок» возводятся к звукоподражательному и.-е. корню **sk'ou-* и считается, что они имеют соответствия в других индоевропейских языках. В «Этимологическом словаре украинского языка», составленном по гнездовому принципу, укр. *кутька* «щенок», рус. *кутёнок* «щенок» и *кутька* «курица» включены в статью о *кутю-кутю* «подзывное слово для собак, овец, свиней» [7. Т. 3. С. 163] и считаются производными от него.

Сложность для этимологизации состоит в том, что словом *кутя* и производными от него называют не только щенка, но и кур и цыплят, как видно еще из свидетельства В.И.Даля. Чем можно объяснить одно и то же название для двух совершенно разных существ, домашнего животного и птицы? Или их происхождение различно, или название одного было перенесено на другое. Рассмотрим все варианты в двух группах: I – «щенок», «собака»: *кутя* «щенок» яросл., *кутя* «щенок» нижегор., «собака» вят., влад., волог., *кутько* «собака» перм., «щенок» олон., *кутёк* «щенок, кутенок» дон., пенз., карел., «собака, собачка» терск., влад., «кличка собака» вят., *кутенёнок* «щенок» краснодар., *кутинёнок* «щенок» кубан.,

кутёш «щенок» вят., *кутчи* «щенок» перм., *кутик* «щенок» доң., *кутюк* «щенок» терск., доң., *кутюёнок* «щенок» ставроп., *кутючонок* «щенок» доң., *кутюшонок* «щенок» перм., *кутюшка* «щенок», «кличкасобаки» том., *кутиха* «собака-самка, сука», *кутла* (удар.?) «кличкасобаки» перм., *кутишь* «ощенке» ворон. [8. Вып. 16. С. 167–170, 176, 179];

II – «цыпленок», «курица»: *кутька* «курица» перм., арх., сев.-двин., олон., «цыпленок» арх., иркут., *кутюшка* «курица» арх., волог., *кутюшка*, *кутюшка* «цыпленок», *кутенька* перм. и *кутинька* арх. ласк. «о курице», *кутя* «курица» арх., волог. [Там же. С. 178, 179, 168], *кутёнок* «индюшонок» [3. Т. II].

Как видно по приведенным материалам словарей, область распространения лексемы *кутя* «курица» более компактна по сравнению с *кутя* «щенок» и охватывает русский север, не считая областей вторичного заселения. Вполне вероятно, что перед нами гетерогенные омонимы. Применительно к значениям «курица, цыпленок» версия о звукоподражательной природе слова *кутя* очень убедительна, особенно если учесть, что существуют явно звукоподражательные глаголы-зоофоны, имитирующие крики домашней птицы: диал. *кутакать*, *кутакчить*, *кутаччить*, *куткудакать*, *куткудахтать*, *кутыкать* «кудахтать (о курице)» [8. Вып. 16]. Имея в виду относительно небольшое многообразие суффиксов по сравнению с *кутя* «щенок» и распространенность *кутя* «курица» преимущественно в северном наречии, можно предположить, что производящим словом в этом случае является подзывное *куть-куть*, тоже распространенное на севере, Урале и в Сибири (см. далее), оно также встречается в других языках: укр. *кут-кут*, польск. *kutkut*, чеш. *kutkut* «подзывные слова для цыплят», лит. *kùtkùt* «подзывные слова для кур» [6. Т. 3. С. 160]. Именно от таких подзывных слов, возникших на базе звукоподражательных междометий, иногда образуются названия животных [9. С. 230].

Рассмотрим подзывные слова с корнем *кут-*, встречающиеся в русских говорах: карел. (рус.) *куть-куть* для собак, кур и уток [10. Т. 3. С. 77], челяб., оренб., перм., арх., олон., вят., свердл., сиб. *куть-куть* для кур, моск. *кутяшк-кутяшк* для овец, *кутёк-кутёк* для щенят (азерб.) и свиной (горьк.), *кутю-кутю* для собак, щенят (ставроп., краснодар., сталингр., кубан.) и кур (арх., волог), арх., вят., свердл., сиб. *кутя*, *кутя-кутя* для кур, перм. *кутиньки* для кур, арх., перм., сиб. *кути-кути* для кур и цыплят [8. Вып. 16. С. 178, 180, 168, 179, 169]. Существует также одно слово отгона животных с этим корнем: *кутика* «крик, унимающий собак, когда они находятся не на привязи и лезут к пище или избу» якут. [Там же]. На первый взгляд странная структура этого слова имеет свое объяснение: Ю.С.Азарх предполагает, что *-ко/-ка* в подобных словах восходит к усилительной частице *-ко/-ка* [9. С. 237].

Основные адресаты перечисленных слов – это собаки и куры, хотя встречаются единичные говоры, где эти слова используются для свиней и овец. Если в отношении кур звукоподражательная природа подзывных слов не вызывает сомнений, то слова с корнем *кут-* для собак, вероятнее всего, относятся к группе подзываний, корень которых в современном русском языке не имеет номинативного значения, но восходит к названию животного (по классификации Ю.С. Азарх), как для лошадей с корнем *шин-/ шен-/ шан, ба / бо / бах* (заимствования), *кошь* (конь), для коров *тёсь* [9. С. 230–231]. Исследовательница подзывных слов Е.Л. Кандакова утверждает, что «происхождение подзывных слов чаще всего имеет в своей истории этап субстантивации (если изначально не использовалось существительное)» [11. С. 115] и считает рус. диал. *кутя* «щенок» производящим словом для подзывных слов *кутя-кутя, куть-куть, кутька-кутька*. Эти подзывные слова она включает в группу производных от диалектного названия животного. Таким образом, вполне вероятно происхождение подзывания собак *куть-куть*, от *кутя* «щенок», а не наоборот.

Ф. Славский в «Праславянском словаре» в разделе, посвященном словообразованию, помещает прасл. **kuteŕ* в группу производных с суффиксом *-et-* от подзывных слов-звукоподражаний. Кроме **kuteŕ* в эту группу входят **kučę, *kučęte* диал. юж. «щенок, собака» и **pileŕ, *pilete* диал. зап. «птенец», чем группа исчерпывается. Однако по материалам Ф.Славского можно предложить и другое толкование **kuteŕ*, основанное на способности суффикса *-et-* образовывать девербативы. Это следующие лексемы: **dojčę, *dojčęte* «младенец, грудной ребенок; теленок или ягненок в период вскармливания молоком»: **dojiti *dojŕ* «сосать, давать сосать», **kluseŕ, *klusete* «тяглое животное, слабая, плохая лошадь»: **klusati, *klusŕ* «неустойчиво идти, спотыкаться, сгибаться», **pipŕe, *pipŕete* «птенец»: **pipati, *pipajŕ* «о голосе птенцов», **piskŕe, *piskŕete* «неоперившийся птенец»: **piskati, *piščati, *piščŕ* «пищать» [12. Т. 3. С. 13]. Основываясь на такой модели словообразовательных отношений, можно предположить, что праслав. **kuteŕ* тоже является суффиксальным отглагольным существительным, и в этом ряду появится еще одно соотношение: **kuteŕ: *kutiti* или **kuteŕ: *kutati* [4. Вып. 13. С. 139].

Мы предполагаем, что суффикс *-et-*, с помощью которого образуются названия детенышей, указывает на то, что у слова *кутя* и его производных первично значение «щенок», а затем это именование было перенесено на взрослое животное. Что касается семантики корня, то продолжения праслав. **kutiti* (корень восходит к и.-е. **keu-t- / *kou-t* «согнутое, крюк») имеют значения «гнуть; прятать; копать; кружить, крутить; грести», откуда далее «охранять, воспитывать» [Там же]. Возможно, значение «щенок» развилось на основе семы «охранять, воспитывать»

«тот, кто нуждается в заботе; о ком заботятся», особенно привлекательно сравнение с болг. *кутя* «вскармливать, воспитывать», диал. *кут'а*, *кут'ь* «ухаживать, охранять» [Там же], ср. в русских говорах «расти хорошо» карел., *кутать* «закрывать (печную трубу)» костром., арх., новг., перм., тул., казан., «запирать (дверь, окно)» калин., орл., «загонять скот на ночь в хлев» ворон., «крепко привязывать» твер., пск., арх. [8. Вып. 16. С. 169].

Соблазнительно возвести *кутя*, *кутёнок* к праслав. **kŏtati* [4. Вып. 12. С. 69], так как в славянских языках этот глагол имеет значение «заботиться, прятать»: др.-рус. *кутати* «кутать, укрывать», рус. *кутать* «заворачивать в теплое», болг. *кѣтам* «прятать, скрывать», укр. *кутати* «кутать; заботиться, воспитывать; успокаивать, умирять», диал. *кутати* «выращивать, кормить; разводить (скот, птицу)». Но в таком случае придется отказаться от праславянской реконструкции **kute* и игнорировать макед. диал. *куте* «щенок», так как в македонском **q* дало бы [a]. Возможно, уже на русской почве и под воздействием народной этимологии произошло сближение *кутя* и *кутать* *{*kŏtati*.

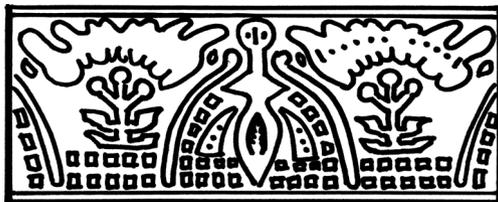
Итак, в статье рассмотрены существующие толкования происхождения слов *кутя*, *кутёнок* и предложена новая этимология. Слова со значениями «щенок» и «цыпленок, курица» признаны гетерогенными омонимами; слова *кутя*, *кутька* «курица» признаны производными от подзывных слов звукоподражательного происхождения, в то время как *кутя*, *кутёнок* «щенок» возводится к праслав. **kutiti* «гнуться; кружить; охранять; воспитывать».

Литература

1. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. 1981–1984.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2006.
3. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 2004.
4. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1–39–. М., 1974–2014.
5. *Трубачев О.Н.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках // Труды по этимологии. Слово. История. Культура. М., 2004–2009. Т.3. С. 291–387.
6. Български етимологичен речник. София, 1971–2010–.
7. Етимологічний словник української мови. Київ, 1983–2013.
8. Словарь русских народных говоров. Л.; СПб., 1966–.
9. *Азарх Ю.С.* Подзывные слова для коров и лошадей в русских говорах // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.

10. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. В 6 т. СПб., 1994–2005.
11. Кандакова Е.Н. Подзывные слова как особая функционально-грамматическая группа: На примере ярославских говоров. Дисс. канд. филол. наук. Ярославль, 2003.
12. Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. T. I–VIII. Wrocław etc., 1974–2011–.

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Москва*

Загнётку ломать

© Т. В. ГОРЯЧЕВА

В статье рассматривается тамбовское выражение *загнётку ломать* как ритуальное действие, относящееся к брачной символике, связанной с понятием целого и нарушением целостности. Также приводятся случаи употребления *загнётки* в русских свадебных обрядах с привлечением иного (болгарского) славянского материала.

Ключевые слова: этнолингвистика, фольклор, семантика, типология, фразеология.

The article observes the phrase *загнётку ломать* in Tambov dialect as a ritual act, referring to the marriage symbolism, which is associated with the concept of integrity and the breach of the integrity. It also provides contexts of using the word *загнётки* in Russian wedding ceremony with the involvement of other Slavic (Bulgarian) material.

Key words: ethno linguistics, folklore, semantics, typology, phraseology.

Выражение *загнётку ломать* записано в тамбовских говорах в значении «то же, что “двора глядеть” (обычай осматривать хозяйство жениха)» [1]. «Ломали» не только загнетку, но и печку в целом. Так, в говорах Карелии зафиксировано выражение *печку ломать* «один из элементов свадебного обряда». *Ломать, разрушать, разрывать* – «ритуальное действие... – один из центральных мотивов брачной символики и свадебного обряда, связанный с понятием целого и нарушения целостности» [2]. *Загнетка* и *загнётка* в русских говорах – «угол, углубление в углу шестка или внутри русской печи, куда сгребают горячие угли, жар». По мнению Д.К. Зеленина, шесток, загнетка, куда сгребают горячие угли, являются рудиментом открытого очага и иногда «используются в качестве очага» [3].

Во время сватовства в Архангельской губернии, когда большой сват отправляется к предполагаемой невесте, родные жениха копают загнитой (лучиной) уголья в жаратке (загнетке), с целью получить со стороны «сватовой невесты и ее родных согласие» [4]. Для сравнения отметим, что в Болгарии «самым распространенным обрядовым действием сватов было ворошение углей в очаге, сопровождаемое заклинанием: “Да се запали огъня, та да се запали момата за момъка” (Пусть загорится огонь, чтоб загорелась девушка по парню), “Както гори огъня, тъй да гори нашия момък за вашата мома” (Как горит огонь, так пусть горит наш парень по вашей девушке)»; «... о первом посещении дома девушки сваты говорили: ровнахли огъня (“копнули огонь”))», т.е. поворошили угли в очаге [Там же. С. 155].

Загнетку еще называют в русских говорах *жарáток*, *жараток*, *жароток* [6. Вып. 9. С. 74]; *порск*, *горнушка*, *бабурка*, *бабка* [7. Т. I]. *Жарáток* в архангельских говорах – «непогасшие горячие угли в печи» [8]; в карельских говорах *жарáтки* «головешки», *жарáток* «зола» [9. Вып. 2. С. 35]. В фольклорной записи Агреновой-Славянской *зарáдки* – «уголья»: «Вы не шайте-тко (не разгорайтесь), зарадки муравейны, / Вы не дуйтесь-ко, огня да скороплящи» [6. Вып. 10]. Это «воплъ невесты в день сватанья»:

Вы не шайте-тко, зарадки муравейны,
Вы не дуйтесь-ко, огня да скороплящи,
Не гори-тко ты, свеча да воску ярова,
Перед Спасом, пред святой да богородицей.

Невеста начинает выть после того, как зажжена свеча перед образом, «пришли все, помолились богу, ударили по рукам» [10]. В слове *зарáдки*, очевидно, произошла мена *з/ж* и *д/т*. Ср. *зарáток* «верхняя часть печи» [11]. *Муравейные зарадки*, очевидно, связано с *муравей* (красные как муравьи?). Ср. загадку «а полем горшечек и кипучь и горячь? – муравейник» [7. Т. II], а также выражение *муравьёв пожар* «волнение, смятение в муравейнике, когда идет дождь при свете солнца» (волог., 1883–1889 [6. Вып. 18. С. 351]), *муравей*, *вя*, «Трава муравей. В суеверных представлениях – волшебная трава кладоискателей с крестообразными листиками и огненными цветами, помогающая находить клады» (калуж. [Там же. С. 347]. Ср. также загадку, приводимую Далем, – «Полон засечек красных яичек? – Уголья в порску» [7. Т. I]. Однако, существует запись в олонецких говорах, например: «Не дуйтесь, огни плящи со муравного жарничка» [6. Вып. 9. С. 82].

Следует также отметить магическое значение муравейника. В *мурашкине купаться* «в магических целях вставать ногами в муравейник»: «В святки ходили в лес в мурашкину купались, в муравьях-то; и

все вышли семь замуж. Я первая зашла в мурашник и первая вышла замуж, о Крещенья свадьба была, топерь не покупаются» [9. Вып. 3. С. 59].

Литература

1. *Евтихова Л.Ю.* Тамбовский курагод // Сб. сценариев и материалов для фольклорных коллективов. Тамбов, 2003. Вып. 1. С. 69.
2. *Толстая С.М.* Ломать // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Под ред. Н.И. Толстого. М., 2004. Т. 3. С. 134.
3. *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 297–298.
4. *Ефименко П.С.* Обычаи и верования крестьян. М., 2009. С. 290–291.
5. *Узенёва Е.С.* Болгарская свадьба: этимологическое исследование. М., 2010. С. 60.
6. Словарь русских народных говоров. М.-Л; СПб., 1965.
7. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.
8. Архангельский словарь. М., 2010. Вып. 13. С. 212.
9. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Глав. ред. А.С. Герд. СПб., 1999.
10. Обрядовая поэзия / Сост., предисловие, примеч., подготовка текстов В.И. Жекулиной, А.Н. Розова. М., 1989. С. 569.
11. Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург, 2005. Т. 4. С. 171.

*Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала «Русская речь» принимает статьи в размере не более 10 страниц с аннотацией и ключевыми словами на русском и английском языках (размер шрифта 14, через полтора компьютерных интервала).

Плата за публикацию с авторов не взимается.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР В.Г. КОСТОМАРОВ, академик РАО

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**Ю.Л. ВОРОТНИКОВ, член-кор. РАН,
М.В. ГОРБАНЕВСКИЙ, д.ф.н., профессор,
Л.К. ГРАУДИНА, д.ф.н., профессор,
В.П. ГРЕБЕНЮК, д.ф.н., профессор,
А.Ф. ЖУРАВЛЕВ, д.ф.н., профессор,
Ю.Н. КАРАУЛОВ, член-кор. РАН,
И.Г. МИЛОСЛАВСКИЙ, д.ф.н., профессор,
Н.А. РЕВЕНСКАЯ (зам. главного редактора),
В.Ю. ТРОИЦКИЙ, д.ф.н., профессор**

Номер оформили художники: *Н. Беланов, В. Леонов, Л. Серикова* ©

Заведующая редакцией
Т.С. Колмакова
Художественный редактор
В.А. Леонов

Сдано в набор 10.02.2016 г.
Подписано к печати 31.03.2016 г.
Дата выхода в свет 29 нечетн.
Формат 60 × 88 ¹/₁₆
Бумага офсетная № 1
Печать цифровая. Усл.печ.л. 10,4
Уч.-изд.л. 9,6. Бум.л. 4,0. Тираж 328 экз.
Зак. 101. Цена свободная

Издатель: ФГУП «Академиздатцентр «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, т. (495) 695-27-35
e-mail: rus-rech@mail.ru
Отпечатано в ФГУП «Академиздатцентр «Наука» (Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6
